Дорогие читатели !

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ "РОДИНА" С ЛЮБОГО ПОСЛЕДУЮЩЕГО МЕСЯЦА ЭТОГО ГОДА НА ЛЮБОЙ СРОК

НАШ ИНДЕКС: 73325

Цена одного номера по подписке: 1 р.25 коп.

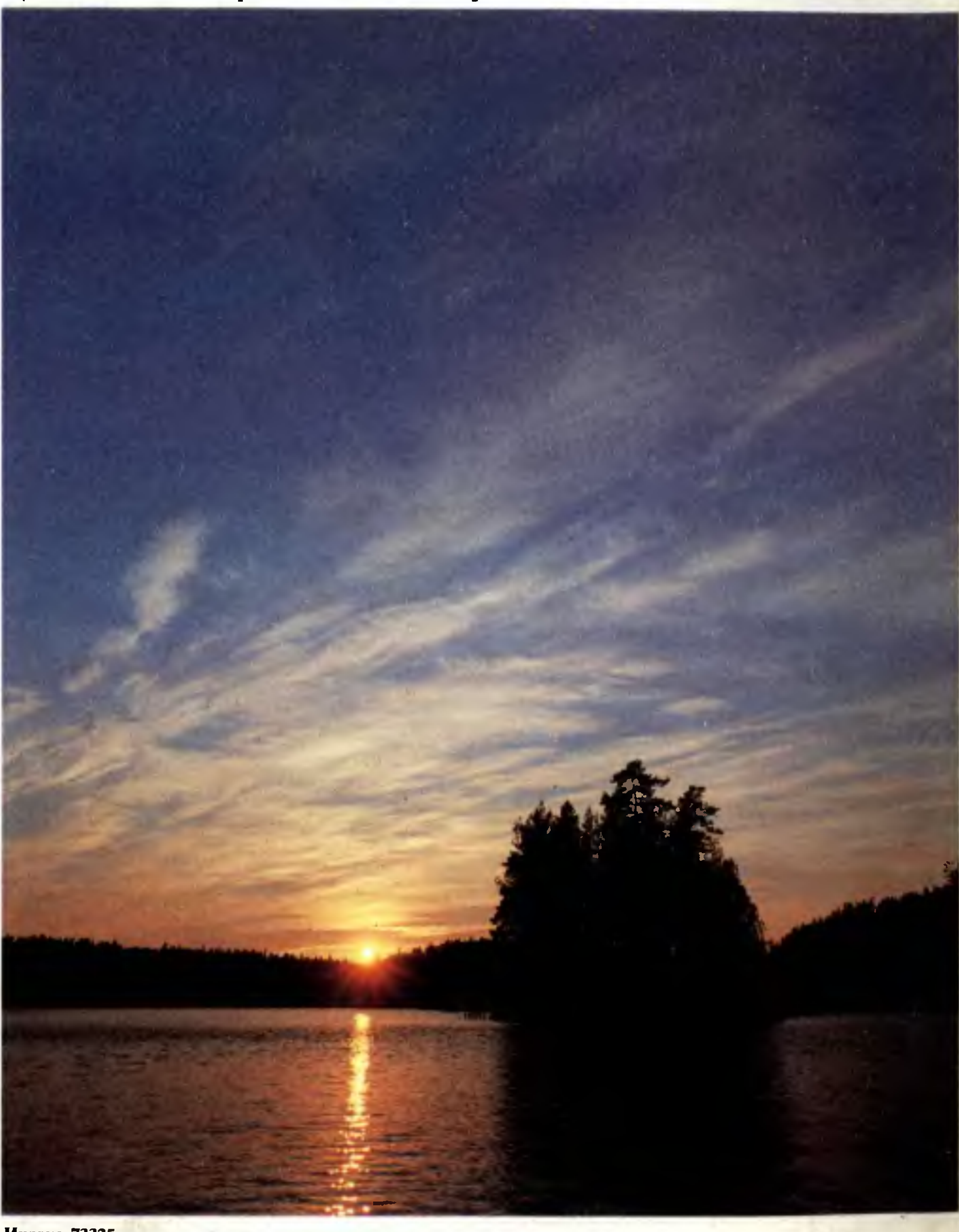

Фото Виктора Грицюка

Индекс 73325
1 руб. 50 коп.

РОДИНА

1–1991

ISSN 0235—7089

Чего не знает КГБ

"Крестный отец"

Древо Романовых

Фото Александра Томбулидиса

ДРАМА ИСТОРИИ

КАКОМУ БОГУ МОЛИМСЯ?

Фото Григория Томбулидиса

Фото Виктора Грицюка

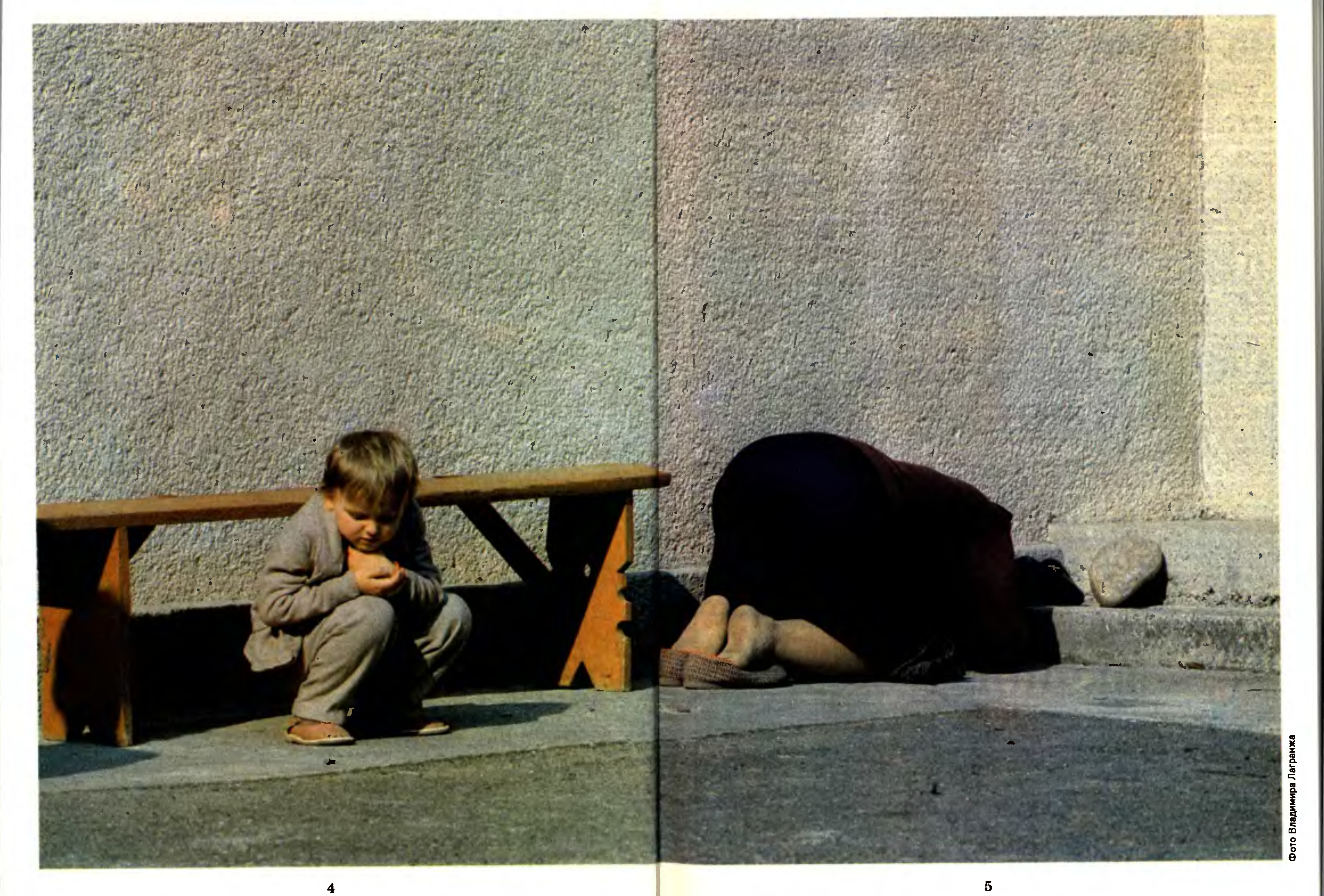

Фото Владимира Лагранжа

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

1-1991

Выходит с января 1989 г.

Новый адрес:
109316 Москва
Волгоградский пр-т 26
телефон: 270 52 54

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

22

До сих пор остается загадкой: для чего понадобилось Ивану Грозному делить государство на две части — земщину и опричнину, казнями и принуждением дворян, приказных, церковных иерархов подрывать главные опоры своей власти? Полемическая статья историка В. Шарова предлагает свое оригинальное прочтение опричнины.

33

О Рауле Валленберге в нашей печати написано немало. Но факты, о которых рассказывает жена бывшего министра иностранных дел фашистского правительства Венгрии, неизвестны никому, ведь баронесса молчала все эти десятилетия.

72

Рубрика «Архивы политического сыска» появилась в нашем журнале совсем недавно, но за короткое время успела расположить к себе читателей. На этот раз речь пойдет о женщине-осведомительнице. «Азеф в юбке» — так прозвали ее современники.

НОВОЕ

10

«Сто народов Казахстана» — в разговоре о будущем России и Казахстана участвуют публицист, историк и писатель. Все они так или иначе полемизируют со статьей А. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

18

Под традиционной рубрикой «Точка зрения» гости журнала высказывают свое мнение (которое редакция может не разделять) о государственно-национальном устройстве России.

63

Всем памятен день 13 марта 1988 года, когда в газете «Советская Россия» был опубликован очерк преподавательницы химии Нины Андреевой. А кто же стоит за ее спиной, кто был социальным заказчиком «антиперестроечного манифеста»? Об этом вы узнаете из статьи редактора, готовившего этот материал в газету.

ВЕЧНОЕ

14

Историко-философские эссе, посвященные России и ее истории, молодого московского философа Дмитрия Галковского продолжают тему «Русская идея и современность».

59

В январе мы отмечаем 150-летие замечательного русского историка В. О. Ключевского. Традиционная рубрика журнала «Историки об историках» посвящена этому самобытному ученому.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПАД НАМ ПОМОЖЕТ?

Историк Александр Донгаров ищет пути возрождения России в ее прошлом

«Сингапур, Южная Корея и прочие «новые индустриальные страны» лишь повторили путь, пройденный Россией за три дооктябрьских десятилетия» (А. Донгаров. «Иностранный капитал в России и СССР». М. 1990).

— Александр Герасимович, экономическое чудо тихоокеанских «драконов» — результат мощнейшего привлечения иностранных капиталов и технологий. Когда-то этим занималось и царское правительство. До сих пор жива сталинская оценка дооктябрьского положения страны как «полуколонии». В своей книге вы разрушаете идеологические стереотипы. Каково же реальное значение Запада в индустриализации царской России?

А. Д. Судите сами: 50 из 70 тысяч километров железных дорог было построено на иностранные заемные средства. Российский телеграф с выходами в Европу и на Средний Восток соорудил «Сименс». Компании Нобеля и Ротшильда создали Бакинский центр нефтяной промышленности, франко-бельгийские, германские и английские капиталы — Донецко-Криворожский угледобывающий и металлургический центры. Вспомните старую топонимику района: Юзовка, Миллеровка. На металлургических заводах иностранцев производительность труда была в пять раз выше, чем на Урале, да и масштабы были иными. Вместо того чтобы доставать нефть ведрами из отрытых колодцев, ее стали качать из пробуренных скважин. В результате за последние 36 лет XIX века добыча нефти увеличилась в 1000 раз и достигла 600 миллионов пудов. Ткацкие фабрики строились, оснащались первоклассным английским оборудованием и сдавались «под ключ» российским промышленникам все теми же иностранцами. О самом известном из них — немце Кноппе тогда говорили так: «Нет церкви без попа, нет фабрики без Кноппа».

Прародительницу электроники — электротехническую промышленность — нам создали немцы. Всего за несколько лет перед первой мировой войной они наладили производство электротехнических изделий вплоть до двигателей и генераторов, провели электрическое освещение в дома и на улицы, пустили в ряде городов «электрическую конку» — трамвай. К первой мировой войне доля иностранных инвестиций в объеме всех капиталовложений в российскую промышленность приблизилась к *сорока процентам*, а во вновь производимых — к *пятидесяти пяти*. При этом средняя норма прибыли на заграничный капитал составляла в 1887—1913 годах 12,9 процента. Значительная часть прибылей не вывозилась из страны, превращалась в капитал и оставалась на месте работать. Шла интенсивнейшая перекачка из Европы и Америки в Россию гигантских материальных ценностей, научно-технических достижений, копившегося веками делового опыта. На этом фоне репарации, полученные нами в результате победы в последней мировой войне,— мелочевка.

Если говорить о сегодняшнем дне, то без широчайшего привлечения иностранного капитала в нашу экономику успешное проведение реформы и в более общем плане социально-экономическое оздоровление страны окажутся невозможными.

— Однако есть много людей, которым не нравится ни слово «иностранный», ни слово «капитал». Они рисуют мрачный облик нашего будущего — потеря независимости, превращение в сырьевой придаток Запада, разграбление ресурсов...

А. Д. независимостью, понимаемой как автаркия, мы распрощались уже давно. Сегодня политическим синонимом слова «независимость» является взаимозависимость. Причем чем «взаимнее», тем лучше. Так что горько вздыхать нам следовало раньше — за завтраком, когда на хлеб из американской пшеницы мазали французское масло и натыкали на вилку котлету из немецкого мяса. Вот где угроза нашей независимости, а вовсе не там, где ее ищут борцы против «засилья» совместных предприятий. А «сырьевым придатком» Запада мы уже давно являемся: наш экспорт почти на 90 процентов состоит из сырья. Что же касается угрозы нашим природным ресурсам, то более страшного их разграбления, чем идет сейчас, нельзя и придумать. Оно идет по двум направлениям. Во-первых, сырьевой экспорт в гипертрофированных масштабах. Но без этого костыля наша идеологизированная экономика просто рухнула бы. Во-вторых, господство ресурсорасточающих технологий в нашей промышленности. На производство единицы товара мы тратим вдвое-втрое больше энергии и сырья, чем индустриально развитые страны. Иностранные инвестиции могут помочь нам созданием импортозамещающих и ресурсосберегающих производств, а также усилением экспортных потенций нашей обрабатывающей промышленности. Боюсь поэтому, что наши квасные патриоты — блюстители экономической девственности страны — оказывают ей на деле плохую услугу.

Если в конце 70-х годов прошлого века Россия тратила огромные средства на импорт, покупая даже обыкновенные мешки, то в 1913 году она на 56 процентов удовлетворяла свои потребности в станках и оборудовании за счет собственного производства, созданного с иностранной помощью. И потом, добычу сырья иностранцами на вывоз можно ведь запретить в законодательном порядке и строго лицензировать. Кроме того, при взятых Западом технологических ориентирах значение сырья как компонента производства продолжает неуклонно падать. И до революции на долю горной промышленности России приходилась лишь треть всех иностранных инвестиций. В первую очередь обслуживались интересы самой России. Вывозилось промышленного сырья и полуфабрикатов немного, в четыре раза больше ввозилось. Нефти же в 1913 году было экспортировано только 12 процентов, причем на 88 процентов в виде продукции глубокой по тем временам переработки. Нам бы сейчас так! Массовое привлечение иностранных инвестиций в российскую промышленность началось в 1888 году. Особо нужно выделить две волны — 1895—1902 и 1906—1913 годов.

В 1890—1900 годах промышленное производство в стране удвоилось, а тяжелая индустрия дала рост в 2,8 раза. Производство чугуна выросло в 3,7 раза, стали — в 7,2, нефти — в 2,9 раза. Среднегодовой прирост протяженности железных дорог составил 2,6 тысячи верст, а в 1899 году — 4,7 тысячи верст.

Вторая волна инвестиций стала трамплином, с помощью которого страна совершила еще один гигантский скачок в промышленном развитии. В 1913 году его «скорость» достигла 19 процентов. Тогда были заложены основы наиболее передо-

вых отраслей — химии, энергетики, электротехники. Около 60 процентов зарубежных капиталов инвестировалось в российские акционерные общества, которые становились таким образом «совместными предприятиями». Любопытно, что в металлургической промышленности на иностранных предприятиях рабочий получал в 2—3 раза больше, чем на казенных уральских заводах. То же самое можно сказать о том, что мы называем соцкультбытом.

— *Вы только что привели данные царской индустриализации России. Вторая, сталинская — как вы пишете в своей книге — не могла привести страну к процветанию, ибо отрицала экономическое взаимодействие с Западом. Однако опыт привлечения иностранных инвестиций мы имели и после 1917 года. Ленин, Рыков, Красин, как известно, были противниками автаркии...*

А. Д. Ленин, разумеется, ведал о хроническом голоде российской промышленности на иностранные капиталы. Не будь их, стране трудно было бы «строить» капитализм. А что уж тогда говорить о социализме, который всегда понимался марксистами как царство крупной передовой промышленности? И хотя до революции в узкопартийных целях Ленин иногда (впрочем, очень редко) обвинял правительство в распродаже России, то, придя к власти, тут же попытался возобновить эту политику. Вплоть до возвращения к некоторым дореволюционным проектам концессионных договоров. Выполнение «второй программы партии» — плана ГОЭЛРО — на одну треть поручалось именно иностранному капиталу. Да и нэп, если отвлечься от политической и экономической текучки 1921 года, вводился для того, чтобы создать в стране более привлекательные условия для иностранных инвесторов.

«Для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий». Не на митинге сказано это сгоряча и не в листовке. А в статье «О кооперации», в которой умалять «крестьянскую сущность» нэпа было бы особенно неуместно. По словам Ленина, концессионная политика замышлялась на весь период, цитирую, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства». О долгосрочности ее говорили и сроки действия обсуждавшихся концессионных договоров: 25, 60 и даже 99 лет.

Еще в 1915 году Ленин обращает внимание на тот факт, что одной из сущностных характеристик переживаемой экономической эпохи является относительное падение значения внешней торговли в процессе международного разделения труда в пользу экспорта капитала. Вместо того чтобы вывозить в какую-либо страну товар, туда стали вывозить завод по производству этого товара. По советской терминологии 20-х годов, это и были концессии. Если бы партийно-государственной верхушке достало ума и воли продолжить политику нэпа ради концессий, нынешняя человеконенавистническая система могла просто не возникнуть. В условиях автаркии имманентная склонность режима к террору реализовалась наиболее полно в кампании по «коллективизации», то есть по изъятию огромных материальных ценностей для нужд индустриализации. Эта экспроприация стоила жизни миллионам людей.

В известном смысле и политический террор 1937—1938 годов вырастал из борьбы с народом за «первоначальное социалистическое накопление». Я уж не говорю про рабский труд жителей архипелага ГУЛАГ и про принудительные займы. Да и сегодня у нас самая нещадная по сравнению с цивилизованными странами эксплуатация работника. Если очистить расчеты от шелухи «лукавых цифр», то окажется, что более половины нашего национального дохода изымается в фонд накопления. Первоначальное накопление превратилось в перманентное ограбление народа.

— *Хотя Ленин достаточно быстро понял ошибку с национализацией иностранной собственности и аннулированием долгов, обратной дороги уже не было. Россия не могла вернуться на путь «новой индустриальной страны». Сейчас, вы считаете, такая возможность появилась. Однако до «экономического чуда» нам пока очень далеко. В стране хаос. В чем же реально сегодня нам могут помочь иностранные инвестиции? Отдача от вложений в перспективные производства появится не скоро, и в связи с катастрофой, на нашем потребительском рынке многие экономисты, в частности, Н. П. Шмелев, предлагают импортировать ширпотреб в счет внешних займов. Но процесс сбалансирования рынка может затянуться. Что же делать?*

А. Д. Надо создать тысячи и тысячи импортозамещающих производств на базе совместных предприятий. В результате мы будем иметь приток оборудования и технологий, не увеличивая внешней задолженности, а покуда они не начнут выдавать продукцию — осуществлять «план Шмелева». Однако известно, что совместное предпринимательство серьезно ограничивается проблемой вывоза иностранным партнером прибыли из СССР: рубли ведь не повезешь.

Предлагаю в данных целях использовать доллары, фунты и марки, которые сейчас выделяются на импорт как раз тех товаров, которые совместные предприятия и начнут производить. В этом случае валютные расходы на единицу товара окажутся значительно меньшими. Ведь приобретая по импорту пару ботинок «Саламандер», мы оплачиваем марками 100 процентов чистой прибыли фирмы, а также возмещаем все издержки производства: аренду дорогой немецкой земли, стоимость дорогой немецкой рабочей силы, сырья, воды, энергии, расходы по тамошней рекламе, в конечном счете даже взносы в фонд бездомных кошек, если фирма занимается подобной благотворительной деятельностью. Не следует забывать и о расходах на транспортировку и страхование перевозок товаров. Производя же эти ботинки на совместном предприятии, мы избежим части расходов, другие произведем в рублях, а марками иностранному партнеру выплатим только его часть прибыли за минусом всех налогов.

Экономия валютных средств очевидна и значительна: по разным группам товаров она будет, грубо говоря, двух-, четырехкратной. Это означает, что, оставаясь в границах нынешних ассигнований валюты на импорт, мы сумеем резко увеличить массу доставшихся нам товаров. А значит, улучшим снабжение населения — раз, добьемся большей стабилизации рынка — два, собьем цены на социально важные товары — три. Параллельно решаемая проблема демонополизации укрепит нашу экономическую и социальную безопасность.

Следует привлечь средства и из других валютных источников. Кстати, таким источником могут быть сами иностранные инвестиции, вложенные в развитие свободных экономических зон и иностранного туризма в СССР. Пока что это абсолютно упущенная выгода. Весьма вероятно, что с серьезными фирмами, планирующими долгосрочную работу на советском рынке, при подписании контрактов удастся договориться (стимулируя партнеров предоставлением им определенных преференций) о моратории на вывоз прибыли или части ее в валютной форме (в другой — ради Бога!). Скажем, в течение пяти, а может быть, и более лет в форме реинвестирования прибылей в нашу экономику. Кстати, в дореволюционное время их оседание в России было обычной практикой.

С учетом огромных перспектив, открываемых задачей технического переоснащения всего народного хозяйства, можно ожидать, что история повторится. Нам же будет большое облегчение в самый трудный — начальный — период экономической перестройки. Известный международный авторитет по выводу экономических систем из кризиса, профессор Гарвардского университета Д. Сакс, который привлекался в качестве консультанта и нашим правительством, считает, что советскую экономику можно поставить на ноги за три года, если международное сообщество будет вкладывать в нее по 30 миллиардов долларов ежегодно. О цифрах можно спорить. Принципиально важно, однако, то, чтобы эти миллиарды не попали в руки внешнеторговых и промышленно-отраслевых чиновников. Иначе международное сообщество и мы с вами так и не поймем, куда они исчезли. Они денутся туда же, куда подевались без вести пропавшие сотни миллиардов полученных нами нефте- и других долларов,— канут в бездну советской бесхозяйственности.

Польза от финансовых инъекций нашему тяжелобольному будет только в том случае, если эти миллиарды придут к нам в виде портфельных и прямых иностранных инвестиций в народное хозяйство СССР, на создание чисто иностранных и смешанных компаний. Вот тогда можно быть уверенным, что ни один доллар не пропадет.

— *Среди множества возражений против привлечения иностранного капитала часто звучит такое: капиталисты начнут выносить к нам экологически грязные производства. Согласитесь, опыт многих развивающихся стран показывает, что эти опасения небезосновательны.*

А. Д. Разумеется. Но разве нельзя при подписании контрактов осуществлять экологическую экспертизу проектов на уровне центральных органов или того Совета, на территории которого данное совместное предприятие собирается действовать? А окончательное решение пусть принимается сессией этого Совета или — в некоторых случаях — путем местного референдума.

Однако в «группе риска» находятся главным образом производства, ориентированные на экспорт продукции. Импортозамещающие производства, за которые мы ратуем, куда менее соблазнительны в экологическом отношении. Общим же правилом является несравнимая с нашей экологическая опрятность технологий. Разве нас это не интересует? Речь идет об экологически наиболее неблагополучных наших городах.

— *Готов согласиться с вами, что иностранный капитал для нас почти панацея. Но рискнут ли западные предприниматели пойти на широкие инвестиции? Дважды за последние 70 лет иностранная собственность в России национализировалась: в 1917—1918 годах и во время изгнания концессий на рубеже 20—30-х годов. Никакие бумажные гарантии вроде межправительственных соглашений о защите инвестиций тревог зарубежных инвесторов не снимут, и в убыток именно нам они будут чувствовать себя временщиками.*

А. Д. Выход — в разгосударствлении собственности, то есть появлении миллионов отечественных коллективных, кооперативных и индивидуальных хозяев, в правах, с которыми уравниваются иностранцы. Политическая воля и экономический интерес этих миллионов и станут подлинно нерушимой гарантией безопасности зарубежных инвестиций.

Для многих стран, кроме того, уже сейчас мы представляем экологическую угрозу. Например, для Финляндии. Что ж удивительного в том, что она предлагает нам совместными усилиями перевести промышленность Кольского полуострова на экологически более чистые технологии? Относительно деловых кругов... Если создадим нормальные экономические и правовые условия для иностранного предпринимательства, то остальное доделает интерес к нашему необъятному рынку, и никого особо зазывать не придется.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Постановление крестьянского схода

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне разных деревень Чутырской вол., Сарапольского у., Вятской губ., собравшись 18 декабря 1905 г. на частный сход, имели суждение о причинах, приведших нашу родину к полному разорению и порабощению всего трудящегося люда. Признав несправедливость таких порядков, постановили, что при существующем бюрократическом строе нам, крестьянам и рабочим всей России, не жизнь, а вечное прозябание, сопровождающееся вечным недоеданием и полным бесправием в политическом отношении. Мы, крестьяне, так дальше жить не можем; прямо и открыто заявляем перед лицом всей страны о своих насущных нуждах. Мы совершенно порабощены лицами, власть имущими,— власть, которую они захватили в свои руки без нашего на то согласия, и, пользуясь этой властью, они так преступно ею злоупотребляют: сознательно держат нас в невежестве, темноте и, пользуясь этим, безответно распоряжаются нашим имуществом... Они руководствуются не законами, а действуют произвольно по своему усмотрению. Чтобы выйти из такого гибельного для нас положения, а так как настоящее правительство хотя и знает наши нужды, по устранению их не принимает никаких мер, мы единогласно постановили требовать:

1) Немедленно созвать уполномоченных от всего народа в Государственную думу и чтобы этих уполномоченных имел право избирать каждый человек, достигший 20-летнего возраста, без различия пола, национальности и вероисповедывания, и выбирать уполномоченного прямо в Думу, и не выборщиков.

2) За выборами должен наблюдать особый комитет, избранный в каждой волости самим народом из людей надежных; полиция и всякое начальство не должно иметь вмешательства в выборы.

3) Уничтожить косвенные налоги, в особенности на предмет первой необходимости, как керосин, спички, сахар, чай и пр.

4) Ввести налог подоходно-прогрессивный, то есть чтобы все люди платили в государство по своим доходам, и чем больше человек получает, тем больше он должен платить государственных налогов.

5) Ввести всеобщее обязательное обучение на государственный счет.

6) Каждый житель уезда, будь то крестьянин, дворянин, учитель, врач, священник, должен платить земские сборы сообразно своим доходам, и кто более получает, тот более платит.

7) Все люди должны иметь право говорить, писать и печатать свободно о своих нуждах и обидах и о том, как их устранить, беспрепятственно, без всякого разрешения начальства устраивать собрания, соединяться в общества и союзы.

8) Необходимо, чтобы крестьянам было предоставлено право вырубать лес...

9) Земли частновладельческие, казенные, удельные, монастырские и другие должны быть переданы в ведение всего народа с тем, чтобы землей пользовался тот, кто ее обрабатывает своим трудом...

10) Предоставить крестьянам пользоваться казенными выгонами по удешевленной таксе...

11) Необходимо, чтобы вся полиция — стражники, урядники, становые и пр.— была отменена.

За всех грамотных и неграмотных крестьян пос. Красногорского по их личной просьбе и доверию расписались Апполоний Стерхов, Николай Загребин, Михайло Иванов Васильев, Прохор Семенов Матвеев.

Публикация
АЛЕКСАНДРА ШАРАПОВА

СТО НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

«О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят — то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем не важно, где границы проводить,— еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич — первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница —куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции). Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преображенных и восстроенных — русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов — заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом».

Александр Исаевич Солженицын, наверное, и не предполагал, какую реакцию и в России, и в Казахстане вызовут эти его слова из статьи «Как нам обустроить Россию?». Митинги протеста, взрыв эмоций на заседаниях Верховных Советов... Вряд ли в ближайшее время улягутся эти страсти, и нужен спокойный разговор о совместной судьбе, о прошлом и будущем Казахстана и России.

МОРИС СИМАШКО ***(Алма-Ата)***

О РИТМАХ ИСТОРИИ

«Муслим» означает покорность. Однозначное мышление раба или научного атеиста низводит ее до целования кнута. Только не это имел в виду Пророк, осмысливший божью упорядоченность мира. Покорный ритму истории, не срываясь со спирали развития и совершенствования духа, должен действовать человек сам с собой, со своими близкими, в своем народе и государстве, в отношениях с другими народами и государствами, с окружающими его растениями и божьими тварями. Вот почему всякий раз после очередной попытки отклониться от повторяющей космос спирали, стать умнее Природы, мы срываемся в бездну.

Это понимали во все времена. Тысячелетие назад современник и покровитель Омара Хайяма великий везир Низам ал-Мульк писал: «Если же среди них проявится мятежность, небрежение к закону или инакомыслие в отношении повиновения Всевышнему и тот захочет дать им вкусить возмездие за эти их деяния,— да не даст Бог, преславный и всемогущий, нам такого удела, да удалит от нас этакое несчастье!— то таким людям Всевышний и пошлет злосчастия мятежа: друг на друга обнажатся мечи, прольется кровь, тот, у которого сильнее длань, будет делать, что захочет, так что все люди погибнут в этих несчастьях и кровопролитиях, подобно тому, как огонь, попадая в заросль тростника, сжигает начисто не только то, что сухо, но и то из сырого, что соседствует с сухим...»

Низама ал-Мулька убил фанатик-террорист, и с этого началась тысячелетняя история терроризма на Востоке, противная заповедям Пророка.

Я думаю об этом, когда вижу импульсивные, неосмысленные намерения перечеркнуть историю. Многие вспоминают то, что было семьдесят, семьсот или семь тысяч лет назад — как кому удобнее,— и не хотят видеть с е г о д н я ш н е й   р е а л ь н о с т и. Любого рода реконкиста, война за возвращение земель, в атомный век ведет к самоуничтожению. Есть лишь один путь к национальному утверждению — э к о н о м и ч е с к и й   и   соответственно п а р л а м е н т с к и й. В течение жизни одного поколения это доказали сорвавшиеся было с той же спирали немцы и японцы, а также, к примеру, Сингапур, где еще полвека назад бегали по улицам люди-лошади — рикши. Обратный пример — наш и тех, кто пошел за нами. На днях я видел у нас в Алма-Ате впряженных в тачку людей.

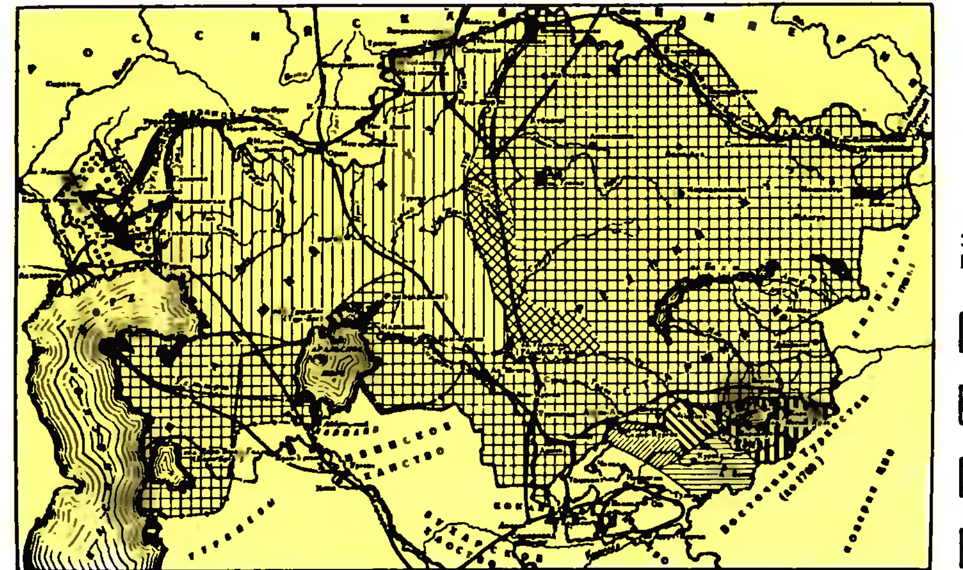
Как не думать об этом, наблюдая на площади воинствующую молодежь из самых разных политических лагерей, в в залах — седовласых старцев, которые пытаются оживить канувшие в небытие страсти собственной, как кажется им, непорочной молодости. В одном месте говорят об абсолютном древнем праве кочевой степи, в другом — мне показывают карту прошлого века, где на половину этой самой степи выдвигались аванпосты Хивы или Кокандского ханства с твердыней Ак-Мечети — нынешней Кзыл-Орды. В третьем месте доказывают свое древнее право на Мангышлак, который стал недавно Мангистау... В четвертом — к брюкам-галифе французской моды пришивают лампасы и со значением поют боевые песни времен Очакова и покорения Крыма. А в Москве, руководимой раздобревшими на лукавой идее стариками, комсомольский журнал вдохновляет на прямые акции по продолжению гражданской войны. Между прочим, и в соседних странах издаются официальные карты этой самой степи тоже со своими «историческими» границами.

И никто не думает о том, что время изменилось к а ч е с т в е н н о. Мы настолько связаны друг с другом: люди, народы и государства (как ни называй их: союзные, социалистические или просто республики), что если вдруг соскочим со спирали и разрушится реальная (неидеологическая) связь, то тут же перестанут функционировать все академии, университеты, издательства, ансамбли песни и пляски и прочие полезные учреждения. Просто нечем станет топить и заправлять машины, нечего сеять и нечем убирать урожай. Остановятся шахты, заводы и фабрики, поезда...

Казахстан в данном случае наиболее показательный пример того, сколь осторожно следует подходить к любым идеям раздела той экономической, политической и духовной общности, которая сложилась за семьдесят с лишним лет и практически охватывает жизнь трех поколений. Этническая первооснова племен и народов, составивших нынешний казахский народ, занимала в разные времена большую или меньшую территорию. Но именно Великая Центральноазиатская степь — нынешний Казахстан — сделалась родительским домом этого большого народа. Одновременно на протяжении веков, и особенно в последние полтора века, шло вызванное различными историческими причинами как насильственное, так и добровольное заселение степи другими народами. Три казачьих войска: Яицкое, Линейное (так называемая «Горькая линия») и Семиреченское считают Казахстан своей родиной. Русские и украинские поселенцы, татары, немцы, уйгуры, узбеки, дунганы, корейцы, киргизы, чеченцы, греки, курды, турки родились тут и входят в реальную общность, которую называют н а р о д о м   К а з а х с т а н а. В такой исторической ситуации те, кто хочет отделить от республики ряд областей по этническому принципу, и другие, ратующие за мононациональный Казахстан, при всей внешней противоположности взглядов как бы идут навстречу друг другу. И оба этих проекта одинаково утопичны. Если не сказать больше...

А закончить свой монолог мне хочется стихами современника великого Низама ал-Мулька, «несравненного по пониманию вещей» Бу Ханифы из Газни:

Государство есть нечто дикое,
и знаю посему,
Что от человека оно не зависит.
Только К н у т о м   С п р а в е д л и в о с т и
Можно укротить этого зверя...

Этапы добровольного вхождения Казахстана

- 30-е гг XVIII в.
- 30-е гг XVIII в
- 40-е гг XVIII–60-е гг XIX вв
- Границы Букеевского ханства

НАИЛЯ БЕКМАХАНОВА ***(Москва),***
доктор исторических наук

КОРЕННЫЕ И ПРИШЛЫЕ

Судить о чем-либо, не обращаясь к истории вопроса, просто невозможно. И в тысячу раз это справедливо, когда речь идет о народах и территориях. Первые сведения о территории, сейчас называемой Казахстаном, появились в середине I тыс. до н. э. Тогда эти земли населяли многочисленные сакские племена. В середине VI века потомки древних саков на Алтае объединились в Тюркский каганат, разделившийся впоследствии на Восточный Тюркский и Западный Тюркский каганаты.

На землях Казахстана находился Западный Тюркский каганат. В его состав вошли тюркоязычные племена усуней, канглы, тюргешей, карлуков. Правители Западного Тюркского каганата вели успешные войны в Причерноморье, вместе с Византией воевали против Ирана, совершали походы в Восточный Туркестан, подчинили себе Среднюю Азию. В начале VIII века каганат распался. На востоке и юге Казахстана уже в середине VIII века власть захватили карлуки. Карлукский каганат просуществовал 200 лет.

Северный, Восточный и Западный Казахстан к началу VIII века был заселен кимаками и родственными им кипчаками. По сведениям арабских источников, у кимако-кипчаков было 16 городов.

Во второй половине VIII—IX веков на основе кимако-кипчакского союза племен складывается раннефеодальное государство.

Занятые кипчаками и кимаками земли от Днепра до Иртыша получили название «Дашт-и-Кипчак», или «Кипчакская степь». Степи к востоку от Волги до Иртыша назывались «Восточным Дашт-и-Кипчаком» и охватывали Западный, Центральный и Восточный Казахстан. В XI веке кипчаки подчинили себе сырдарьинские и каратауские города. В конце XII — начале XIII века кимако-кипчакское государство было разгромлено монголами.

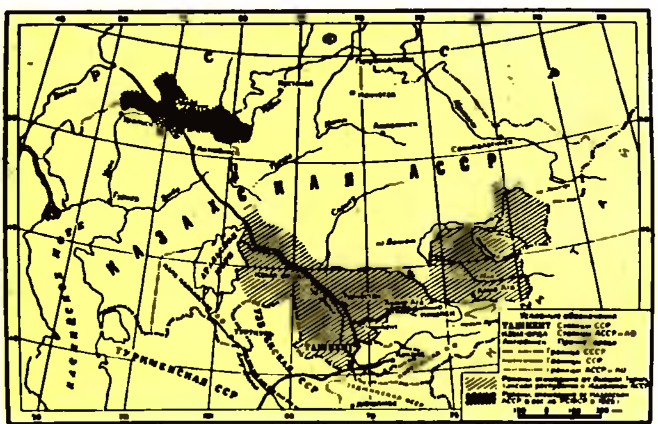
В степях Западного Казахстана, на реке Сырдарье, к северу от Устюрта и в Приаралье, между реками Уралом и Эмбой, в конце IX века сложилось государство огузов, соседей кимако-кипчаков. Его упадку и гибели способствовали кипчаки, под ударами которых держава огузов окончательно распалась.

В X веке в Восточном Туркестане возникло государство караханидов, постепенно распространившее свою власть на Семиречье, Южный Казахстан и Среднюю Азию. Жизнь его была недолгой — к середине XI века оно пришло в упадок.

В начале XIII века монголы завоевали Семиречье, Южный Казахстан и Среднюю Азию. Вся территория Казахстана вошла в состав огромной империи Чингисхана. Его старший сын, Джучи, получил земли от Иртыша до Уральских гор, а на юге — до Аральского и Каспийского морей; Джагатай — Семиречье, а Угэдею выделили территорию у Тарбагатайских гор. От нижнего

течения Сырдарьи до Иртыша и Волги тянулись земли Батыя (внука Чингисхана).

Различна судьба этих владений. Улус Джучи с начала XIV века распадается на два самостоятельных государства: Кок-орду (Синяя орда) и Ак-орду (Белая орда). В Ак-орду вошли земли по нижнему и среднему течению Сырдарьи и степи на северо-восток от Аральского моря. К концу XIV века Ак-орда распалась на государство кочевых узбеков и Ногайскую Орду.

Казахская АССР.

Племена усуней, канглы, джалаиров, кипчаков, кимаков, найманов, дулатов, аргынов, огузов, уаков и других имели общую территорию, были близки между собой по уровню развития хозяйства и культуры, говорили на одном языке. К XIII веку сложились необходимые условия для объединения различных тюркоязычных племен в единую казахскую народность. Однако нашествие монголов задержало ее образование. К тому времени на территории Казахстана определились три хозяйственно-географических района (жуз).Три определенных этнических центра. Старший жуз располагался на землях Семиречья, Южного Казахстана; в Средний вошли земли Северного, Восточного и Центрального Казахстана до низовьев рек Ишима и Иртыша; в Младший — земли Западного Казахстана. Лишь в XV—XVI веках в восточных источниках появилось название народности — казахи. Возникшее в это время Казахское ханство поддерживало связи с Россией, Сибирским ханством, ханствами Средней Азии, с Ногайской ордой, кочевавшей в междуречье Урала и Волги. Тогда же на реке Яик (Урал) поселяются яицкие, или уральские, казаки, выходцы из распавшейся волжской казачьей общины. Они поддерживали тесные связи с Московским государством и с 1591 года несли службу в войсках московских государей. Яицкое войско отличалось пестрым этническим составом: русские, украинцы, башкиры, татары, казахи и др. Междуречье Урала и Волги оставалось в совместном пользовании казахов, ногайцев, башкир, мишарей, яицких казаков.

Завоевание Казанского и Астраханского ханств и Западной Сибири приблизило границы России к Казахстану и Джунгарии. Джунгария претендовала на русские земли в верховьях Черного Иртыша и Оби, это заставляло царское правительство укреплять свои пограничные районы: возникают Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская крепости. Иртышская или Сибирская линия прикрывала от набегов джунгар земледельческие поселения русских в Барабинской степи, на юге Томской губернии и горные заводы на Алтае. Во всех крепостях находились гарнизоны из пехотных солдат и конных драгун, а также городовые или крепостные казаки из Тары, Тобольска, Тюмени.

В XVII веке в состав России добровольно вошли кочевые племена Южного Алтая.

Перед угрозой уничтожения, в связи с экспансией джунгар в Казахстан в XVII — начале XVIII века, казахи начали переговоры с правительством России о добровольном вхождении в ее состав. В 1731 году к России присоединились Младший казахский жуз и значительная часть Среднего жуза, в 1734 году отдельные роды Старшего жуза. Но принятие присяги у казахов Старшего и части Среднего жузов произошло уже в первой половине XIX века. Часть районов Старшего жуза завоевали Коканд и Хива.

В середине XIX века Россия строит линии крепостей на юге Казахстана. В 1867 году из Сибирского казачьего войска выделилось особое Семиреченское казачье войско.

Почти сто лет спустя после присоединения к России, до 1822 года, Казахстан административно делился на Младший, Средний и Старший жузы, а с 1801 года и Букеевскую орду, что указано на всех российских картах того времени.

В 1823—1824 годах было введено новое административное деление: образованы Область оренбургских казахов и Область сибирских казахов.

Абсолютное большинство казахов в семидесятые годы прошлого столетия проживало на территории, вошедшей в состав России (2449,1 тысячи человек), а за ее пределами осталось лишь 145 тысяч.

К 1897 году благодаря притоку в Казахстан более 320 тысяч переселенцев из центральных губерний России русские составляли 539,7 тысячи человек (до 10,94%), украинцы — 93,2 тысячи человек (1,89%). Татары, мордва, башкиры, чуваши, мишари, евреи, узбеки, туркмены, каракалпаки, таджики, калмыки, поляки, немцы и другие — 302,6 тысячи человек (3%). К 1915 году там проживало 4753,6 тысячи казахов, русских — 1439,1 тысячи, украинцев — 790 тысяч человек и др.

Царизм, проводя свою переселенческую политику, не делал различий между народами России, и формально и по существу они пользовались равными правами, определявшимися существовавшим законодательством. Поэтому в заселении окраин страны наряду с русскими на равных участвовали украинцы, белорусы, татары, мордва и другие.

После революции казахский народ получил свою национальную государственность — 26 августа 1920 года в составе РСФСР была образована Киргизская (Казахская) Автономная ССР.

В апреле 1921 года был издан декрет о возврате трудящимся казахам земель, переданных царизмом Сибирскому, Уральскому и Семиреченскому казачьим войскам (всего 845 тысяч десятин земли).

В 1924—1925 годах проведено национально-государственное размежевание народов Средней Азии и Казахстана, в связи с чем завершилось воссоединение всех казахских земель в единой республике. Еще через двенадцать лет Казахская АССР была преобразована в самостоятельную Советскую Социалистическую Республику и вошла в состав СССР как суверенная союзная республика.

Надо помнить, что современный Казахстан на протяжении многих веков складывался как многонациональная общность. Начиная с XVIII века, со времен Пугачева, народы Казахстана всегда выступали вместе за свою свободу. Отечественная война 1812 года не велась на территории Азии, но среди партизан на Украине и в Белоруссии были и казахские воины-добровольцы. Народы Казахстана помогли выстоять стране и в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны. Никогда национальная проблема остро не стояла в республике.

А Александр Солженицын предлагает нашим народам разойтись. Боюсь, что только нежелание считаться с исторической реальностью привело великого писателя к рекомендации так обустраивать Россию...

СМАГУЛ ЕЛУБАЕВ
(Алма-Ата)

ЧЬИ МЫ НАСЛЕДНИКИ?

В недавнем интервью депутат Верховного Совета Казахской ССР, один из лидеров «Комитета возрождения» уральского казачества В. Водолазов, заявил, что «все началось» с «Закона о языках». «Все» — это обострение межнациональных отношений в республике. Напомню, что упомянутый Закон провозгласил казахский язык государственным, а русский — языком межнационального общения, допуская применение наравне с государственным. По мнению депутата Водолазова, сепаратистские тенденции на севере республики возникли именно когда часть русскоязычного населения обиделась на «ретивых руководителей», которые пытались форсировать исполнение этого Закона, и захотела по-своему «решить» языковую проблему — путем передачи Уральской области в состав России. Были такие настроения и в Усть-Каменогорске.

И все-таки «это» началось не вчера или позавчера, а гораздо раньше. Важно вспомнить, кто как добрался к сегодняшнему историческому рубежу. Мы увидим, что среди нас есть еле «дотянувшие», есть и вовсе «потерявшиеся» по пути народы, и все это происходило в стране национального равенства и благоденствия! Мало того, на шее многих еще можно разглядеть позорный ошейник колониального прошлого...

Как же все начиналось для нас, казахов? В 80-х годах шестнадцатого столетия казачья вольница, «промышлявшая» на Волге, потерпела поражение от воинов Московского государства и частью ушла с Ермаком для участия в завоевании Сибири, а частью направилась на реку Яик, где разорила город Сарайчик — центр Ногайской Орды. Спустя несколько лет казаки основали в районе нынешнего Уральска свою общину и построили первый городок на казахской земле.

В памяти казахского народа до сих пор жива рана, нанесенная ордой Ермака — разбойника и завоевателя. Даже Царская империя не осмелилась ставить памятник разбойнику там, где остались его кровавые следы. Но в советский период, в 1961 году, партократия во главе с Никитой Хрущевым не только воздвигла монумент в честь главаря шайки, но и назвала его именем город в сердце Казахстана. Это был открытый, беззастенчивый жест неоколониализма. Был поставлен памятник не одному Ермаку Тимофеевичу, а и неистребимому имперскому сознанию. И все это происходило под треск аплодисментов во славу интернационализма и дружбы народов. От нынешнего поколения казахов требовались рабская покорность, лицемерие или полное беспамятство, когда они шли ставить цветы у ног убийцы их далеких предков. Напрашивается вывод: раз можно ставить памятник Ермаку в Казахстане, почему не воздвигнуть памятник Чингисхану в России?

Чьим наследником оказывается Александр Солженицын, когда собирается оставить нашему народу только южную дугу Казахстана, «преимущественно населенную казахами»? Северную же дугу, если следовать логике писателя, можно передавать России, поскольку она населена преимущественно русскими. Эти кавалерийские наскоки всеми уважаемого писателя по поводу обустройства России были громом среди ясного неба для Казахстана. К огромному нашему сожалению, они нанесли ущерб традиционной вере казахов в демократизм русской интеллигенции. Ведь именно она в самые трудные годы протягивала руку помощи молодой интеллигенции казахской. Это — в традиции наших отцов. И вдруг эхом раскатываются по всему белому свету вопиющая несправедливость, безапелляционность и историческая неправда.

А за правдой-то далеко ходить не надо. Стоит только протянуть руку к «Энциклопедическому словарю» Брокгауза, изданному в Петербурге в 1895 году. Там сообщается, что казахи составляли к тому времени в Уральской области 79% жителей, в Целиноградской (Акмолинской губернии) — 73%, в Семипалатинской — 90%. Русских было не более 8% всех жителей.

Через сто лет демографическая ситуация региона диаметрально изменилась. Так что же произошло за этот отрезок времени?

12 сентября 1925 года первым секретарем Казкрайкома партии был назначен Филипп Голощекин, профессиональный революционер, участник расстрела царской семьи. Вскоре он официально обратился к Сталину с просьбой разрешить проведение «малого Октября» в Казахстане. И получил добро. «В три года коллективизации,— пишет казахстанский писатель Валерий Михайлов,— Голощекин сделал с Казахстаном примерно то же, что Пол Пот с Кампучией».

Результат: 2,5 миллиона погибших от голода, миллион покинувших родину. Еще — потери в годы гражданской войны и голода 1921 года, жертвы репрессий 30-х годов и погибших во время Великой Отечественной войны. За годы Советской власти, по скромным подсчетам демографов, потери казахского народа составили более 3,5 миллиона человек. По первой переписи населения Российской Империи 1897 года казахи составляли более 50 процентов всего населения Средней Азии. За истекший век численность народов этого региона увеличилась в 8 раз, только казахов — в 1,5 раза. Если бы не геноцид, в республике жили бы ныне не 6,5 миллиона, а 32 миллиона казахов.

Когда мы с сегодняшней высоты оглядываем полупустынные просторы Казахстана и удивляемся, по какому праву все это принадлежит «кочевому стаду» (сравнение А. Солженицына), то попросту забываем, что стоим на костях бывших хозяев этого края.

В результате колоссальных людских потерь, с одной стороны, миллионной миграции в республику русскоязычного населения и депортации сюда целых народов — с другой, коренной народ оказался перед реальной опасностью исчезновения. 40 процентов его уже обрусело*.

На защиту казахского языка, то есть последней крепости нации, бросилась вся интеллигенция, впрочем, не только казахи, но и русские, украинцы, евреи, немцы, уйгуры, азербайджанцы, живущие в республике. Так родился «Закон о языках», который якобы дал толчок сепаратизму на севере Казахстана.

*Некоторые цифры и факты документально не подтверждаются.— Ред.

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

БЕС-КОНЕЧНЫЙ ТУПИК

Предлагаем вашему вниманию фрагменты из рукописи молодого философа Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик». Д. Галковский — москвич, в 1986 году окончил МГУ. Работу над книгой начал еще студентом.

«Бесконечный тупик» состоит из трех частей: небольшого вступления («Закругленный мир»), второй части (собственно «Бесконечный тупик») и 1000-страничных «Примечаний», образующих третью, основную часть книги, где автор подробно излагает свою религиозно-философскую концепцию проблемы русской личности и русской истории. Третья часть состоит из 949 «примечаний» ко второй части. Мы публикуем некоторые из «примечаний», сохраняя при этом анторскую нумерацию.

Книга Д. Галковского представляет собой хотя и сложно организованное, но вполне цельное и законченное произведение, имеющее определенный сюжет и преследующее определенную цель. Разумеется, наша публикация не дает полного представления об общем авторском замысле как из-за своего незначительного объема (по отношению к объему книги), так и из-за узких тематических рамок — мы выбрали «примечания», в основном посвященные теме России и русской истории.

13. Но все это «русская Голландия».

В мире не было ничего фантастичнее Петровской реформы. Представьте себе, что Индия XVII века в болотистых джунглях строит Лондон 1:1, с Тауэром, Биг Беном, и начинает сама себя колонизировать, то есть создает европейское чиновничество, армию, систему образования и вообще вытягивает себя из азиатского болота за косичку, как барон Мюнхаузен. Удивительнейшая цивилизация. И страшная. Ведь окультурившие Индию англичане, давшие ей само понятие времени, в известный момент собрали чемоданы и отплыли в старую добрую Англию. Им было куда бежать. И русские тоже в конце концов отплыли... в Англию. Которой нет. Или которая есть, но «не та», чужая. Мир не знал такого злорадства.

Эту трагедию — сатанинскую раздвоенность — русское, проклятое евразийство подготовило. Европа и Азия разъехались, и русские очутились на цементном полу. А на них в глазок смотрел кто-то и смеялся...

14. «Встала «левая опричнина», завладевшая всею Россиею» (В. Розанов).

Русская галактика летела в преисподнюю почти со скоростью света. Это видно по красному смещению в ее политическом спектре. Партии в России делились на ультракрасные, махрово-красные, багрово-красные, просто красные, умеренно красные и розовые. Последние (октябристы и националисты) квалифицировались в тогдашней политической терминологии как «реакционные» и «крайне правые». Наконец, действительно правые партии вообще не рассматривались, считались стоящими за рамками приличного общества и прозябали под вывеской политических курьезов и персонажей для карикатуристов.

15. Бедный князь по спирали полетел к смысловому центру...

Мышкин разбил вазу из-за детского смещения мыслительного и реального планов бытия. Он представил себе, как будет она разбиваться, и это представление

стало для него реальностью. И, естественно, просочилось в реальность. Спутанность слова и бытия. Русские постоянно обманываются в слове, теряются в нем. То придают ему слишком много значения, а то и слишком мало. То проговариваются, то промалчивают.

17. Да если бы даже Пугачев не был шпионом...

Существует тест для выявления гомосексуализма — рисунок, одновременно являющийся профилем молодой женщины и старухи. Женщины видят профиль старухи и лишь затем внезапно догадываются о другой интерпретации. Мужчины — наоборот. А у лиц с отклонениями в направленности полового влечения происходит очередность восприятия по типу противоположного пола.

И та и другая интерпретация теста вполне истинна. Но один способ интерпретации здоров, а другой — аномален.

Розанов писал:

«Есть *несвоевременные* слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду, и высокую человеческую правду. Однако если бы эта «правда» расползлась в десятках и сотнях тысяч листков, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли,— доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона. Вероятнее, они призвали бы «способных иностранцев» завоевать Россию, как собрался позвать их Смердяков и как призывал их к этому идейно «Современник»; также и Карамзин не написал бы своей «Истории». Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили «правду», но — ненужную, *в то время — ненужную.* И их, собственно, устранили, а словам их не дали удовлетворения. Это — не против мысли их, а против *распространения* этой мысли».

Сам тип соединения причинно-следственных связей в «я» Радищева и Новикова был, может быть, и верен на каком-то уровне, но для своего времени удивительно извращен и аномален. Никакого плодотворного развития их «истины» не было и быть не могло.

36. Меня уже называют все на «ты», потом переходят на «он».

Когда в рожу бросают «ты», это еще ничего. Вот когда говорят в лицо «он»... Заходит коллега к следователю стрельнуть сигарету, а тот большим пальцем через плечо: «Вот, вожусь с ним». А «он» висит на крюке вверх ногами и сквозь шум заливающегося кровью перевернутого мира слышит это.

37. Я не историк и вовсе не собираюсь доказывать свою точку зрения.

Это все фантастика. Тут важно передать зыбкость почвы, оборачиваемость языка. Это главное ощущение. А сами факты и их плоскостная интерпретация — лишь орудие взлома. «Нация рок его». И сам автор русский. И вот он со своим кривым сознанием лезет в кривь русской истории. Кривой ключ подошел к кривому замку. Открывающийся путь ведет в две стороны истины объективной и субъективной. Эти пути должны в подсознании перекрещиваться, и все же их два. Я сам себе вырезаю аппендикс.

39. Русская литература была создана искусственно. Только заслуга в этом не государственной цензуры, а цензуры масонской.

Достоевский негодовал в 1864 году:

«Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду,— то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?»

Невольно вырвалось. В общем и позже, у Розанова, тоже невольно. Для того, чтобы «вольно», нужен был особый глаз, советский.

И если Достоевскому и Розанову не хватило, то чего же говорить о других? Дурачки слепенькие, ничтожненькие дурачки.

47. Вы открыли зонтик и поэтому хлынул ливень.

В России поводы становятся причинами. Откуда эта постоянная удачливость самых головокружительных авантюр — от постройки Петром I европейского флота до его потопления Лениным?

В русском языке перепутанность времен и нехорошая частица «бы», которую ни один уважающий себя язык не потерпел... бы.

«*Если бы* социалистическая революция, то тогда...» и «Если бы социалистическая революция, *то тогда...*» По-русски уловить разницу очень трудно, почти невозможно. Только интонация помогает отчасти. В западных же языках эти (и другие) оттенки очень четко выделяются.

Буквально революция — это катастрофа. Гегель представил катастрофы в виде осмысленного элемента истории. Русские поняли так: для ускорения развития следует создавать катастрофы, все ломать и уничтожать. Пробивать людям черепа и бросать их с четвертого этажа, чтобы создать гения.

53. Легенда о масонах ложна.

Человек не выдерживает ее тяжести. Он соскальзывает в масонофобский бред, то есть относится к масонам по навязанной масонами схеме. Кризис рационального, светло-разумного отношения к миру вызывает свободу иррациональных фантазий о светлом иррационализме. Это оказывается удобнее и легче, чем принятие идеи злого черного разума. В том-то и цепкая коварность масонской идеологии: момент соприкосновения с ней есть и начало заражения. Масоны существуют уже потому, что существует соответствующая фобия. Аналогия с психоанализом тут поистине глубочайшая. Принятие масонства (в смысле простой веры в его существование) — это последний слой *лжи* сатанизма.

54. Это все фантастика.

Читатель этой книги постепенно погружается (хотелось бы) в мутную атмосферу интеллектуальных провокаций, доносов, сатанинской злобы и беспомощно легкой оборачиваемости текста. Это атмосфера русского языка, русской мысли, русской истории. После 1917-го произошла лишь окончательная материализация разрушительных фантазий. Все «это» тысячи раз репетировалось, проигрывалось в индивидуальных судьбах, мечтаниях и спорах. И нужно ли было осуществиться русской мысли? Может быть, именно чисто материальный путь, путь «бездуховности», экономических и военных мускулов с маленькой чахоточной головкой вместо трехаршинной морды с человеческим лицом нужен был? Социализм — это именно болезненно разросшийся русский мозг, вырванный из организма и агонизирующий в собственном солипсическом безумстве. 1917-й — ожившие мысли и фантазии — окончательное окультуривание России.

121. Обратная сторона бесформенности — крайняя формализация.

Чернышевский был создан для допроса, как птица для полета. Вот уж где развернулось его грубо-русское мышление, не испорченное, а скорее утрированное семинарией. Примитивнейшие и потому надежнейшие заглушки и доводки как нельзя лучше подходили к универсуму следствия, в котором все всё знали, но это знание никак не могли выразить, зафиксировать.

Конечно, допросы — это национальный вид общения. Внутри допроса западному (тем более восточному) человеку русский 100 очков вперед даст. Чернышевский, вообще глупый и тягучий, в допросах дьявольски умен. Даже велик. В лоск издевался над следователями. Написание «Что делать?» как реабилитации дневников, подковырки, провокации, постоянные двойные и тройные заглушки. Конечно, это был его звезд-

ный час; как рыба в воде плавал он в мути русской филологии.

122. Любой русский где-то на донышке самозванец.

Даже русское привидение вполне самозванно. Свидригайлов говорит: «Обыкновенные привидения». И Мережковский по поводу этой «обыкновенности» замечает:

«Ужас «обыкновенных привидений» заключается... в том, что они как будто сами сознают свою современную пошлость и нелепость, но этой-то нелепостью и дразнят живых, как будто со своей особенной потусторонней точки зрения злорадствуют, смеются над посюсторонним человеческим здравым смыслом».

173. Русская икона плоска, прозрачна и схематична...

Исаак Эммануилович Бабель писал о русской иконописи:

«Угодники — бесноватые нагие мужики с истлевшими бедрами корчились на ободранных стенах, и рядом с ними была написана российская богородица: худая баба, с раздвинутыми коленями и волочащимися грудями, похожими на две лишние зеленые руки. Древние иконы окружили беспечное мое сердце холодом мертвенных своих страстей, и я едва спасся от них, от гробовых этих угодников».

Кто знает, может быть, и русские чего-то не понимают в Шагале. Даже наверняка.

174. Весь XIX век... сон с неизбежным кровавым пробуждением.

После кровавой развязки, поскольку Россия сохранилась, она стоит перед той же дилеммой: снова развитие духовной культуры и срыв, или развитие культуры чисто прикладной, наподобие современной Японии, с ее технической цивилизацией и крайне слабым развитием духовной жизни.

Интересно, что непосредственно после 17-го года развитие шло одновременно по двум путям. Сверхматериальное развитие России сопровождалось чисто идеальным развитием России № 2 — эмиграции. Это разъезжание продолжается и указывает на некоторые черты будущего русского народа и русской культуры. Несомненно, в ближайшее время (до конца XX века) за рубежом будет создана новая русская эмиграция, концентрирующая в себе культуру дореволюционной России и эмиграции 20—30-х годов. Возникнет альтернативная Россия. Новая эмиграция может развиваться по двум направлениям. Либо окончательный разрыв с метрополией и достижение особой формы негосударственного существования, использующего опыт еврейской диаспоры и возможности современного индустриального общества. Либо второй путь — ориентация на Россию и выполнение функции «носителей», замкнутой и статичной среды для последующего впрыскивания русского логоса в чисто материальную Россию (то есть, в грубом приближении, «путь Тайваня»).

Соответственно развитие русской метрополии в XXI веке может идти в двух направлениях. Либо чисто «японский» путь — путь индустриального роста и повышения материального благосостояния, включая сопутствующую духовную культуру (носящую вспомогательный, обслуживающий характер). Либо второй вариант — создание утонченной кастовой культуры, принципиально не имеющей творческого характера. Культуры, способной создавать некие вторичные произведения, вроде «ковров» цитат, характерных для эпохи эллинизма. Тогда считалось особо утонченным брать строфы, например, из «Илиады» и создавать из них другие произведения. Цитирование достигло колоссальных размеров, и речь образованного человека состояла, собственно говоря, из изощренного монтажа отдельных цитат. По сути, последнее — это развитие мифа Пушкина и развитие чеховского миропонимания, его бессмысленной стилизации.

В любом случае важно приложить все усилия, чтобы снова не включилась «гоголевская программа». Новая свобода творчества, не сдерживаемая определенной целью, приведет к новым катастрофам.

175. Атеизм — это отстранение от сверхсознательного.

Конечно, в этом таится и трещина антитеизма.

Наиболее краткое определение атеизма: атеизм — это религия, отрицающая, что она религия. Это и есть рафинированная религия дьявола. Бог говорит: «Я есть». Сатана говорит: «Меня нет».

184. И вот уже мичман Раскольников топит в Черном море российский флот.

Как известно, настоящая фамилия Раскольникова — Ильин. Весьма показательно, что в 20-х годах этот прирожденный авантюрист пописывал статейки о Достоевском.

231. Веховская идеология — это есть не что иное, как игра во взрослых.

Франк сетовал в «Вехах»:

«Так называемая «культурная деятельность» сводится (в России.— Д. Г.) к распределению культурных благ, а не к их созиданию, а почетное имя культурного деятеля заслуживает у нас не тот, кто творит культуру — ученый, художник, изобретатель, философ,— а тот, кто раздает массе по кусочкам плоды чужого творчества, кто учит, популяризирует, пропагандирует».

Но сами «Вехи» — это распределение, а не производство. Производство — это Достоевский, Леонтьев, Розанов. А Франк, Бердяев, Струве — «культурные деятели» в русском смысле этого слова. Виртуозы философской журналистики.

Впрочем, это и естественно, это и есть функция интеллигенции в ее массе как сословия (обслуга элиты, ее передаточное звено). Беда в том, что интеллигенты бросились популяризовывать чужие мысли совершенно неосознанно, на дилетантском уровне, считая себя какими-то «мыслителями». В первых поколениях (Писарев, Чернышевский) это было смешно, потом — скучно. Ошибка двоякая: распределение неосознанное и распределение неквалифицированное, варварское, по типу «не обманешь — не продашь».

В «Вехах» Франк призывает:

«Пора, во всей экономии национальной культуры, сократить число посредников, транспортеров, сторожей, администраторов и распределителей всякого рода и увеличить число подлинных производителей».

Но как раз «производителями» культуры Россия не была обделена. Мешало именно *недостаточное* количество передаточных звеньев, их количественное и качественное убожество. Интеллигентам следовало не учить писать романы, а учиться читать и понимать прочитанное. Затем — учиться помогать делать это другим.

232. У меня была немецкая, протестантская юность.

Католичество построено на детстве (как и православие). На впечатлениях детства. Протестантизм построен на юности. Трагизм юного, только что рожденного разума.

Интересна причина убогости русской молодежной (интеллигентской) культуры. Интеллигенция не ощущала себя юной, в ней был нелепый переход от детства ко «взрослости». Отсюда инфантильность русского либерализма (протестантизма, штунды). Те же дети, только с «водкой». Интересно, что типичная русская юность начинается с водки. Трагедию рождающегося разума русские просто пропивают.

233. Я плохой. А мир хороший.

У Достоевского Смердяков, развивая свои «атеистические идеи», все же не может не согласиться, что есть на земле один-два праведника, которые «где-нибудь там в пустыне египетской в секрете спасаются».

«Стой! — завизжал Федор Павлович в апофеозе восторга,— так двух-то таких, что горы могут сдвигать, ты все-таки полагаешь, что есть они? Иван, заруби черту, запиши: весь русский человек тут сказался!»

Из-за такой полярности и одновременно *видимой* полярности, полярности *предусматриваемой* («русский человек две бездны созерцает»), отечественной культуре не нужно искусство как связь. «Связывать» ничего не надо.

301. Милюков высчитывал, что крестьяне окончательно освободятся от выкупных платежей аккурат к 1931 году.

При этом он заметил:

«Чтобы разрушить твердыню средневекового крепостничества (на Западе.— Д. Г.), понадобились столетия, тогда как одного росчерка пера оказалось совершенно достаточным, чтобы опрокинуть гнилое здание барского произвола».

И далее Милюков доказывал, что к 1861 году «крепостное право» ну уж прямо совсем обветшало и готово было рассыпаться от любого чиновничьего чиха. Но оказалось, что и в 1961 году до индивидуального крестьянского землевладения в России еще далеко.

311. Леонтьев писал, что Россия пожертвует Францией, немцы оккупируют ее территорию, а французы будут вынуждены эмигрировать в свои африканские колонии.

Если допустить, что Леонтьев предсказал ситуацию не первой, а второй мировой войны, то глумление еще тоньше. Действительно, Францией пожертвовали, и действительно собственно французскими остались только африканские колонии (войска де Голля). Только «пожертвовал» Францией (а заодно и Россией, и ее 20 миллионами) термит усатый, с трубочкой. Сидел у себя в коконе цементном под землей и «пожертвовал».

314. «Не мир, но меч» весь состоит из целой серии подтасовок и заглушек.

Высунулся бесенок Мережковский:

— Вот, вы говорите: «Бесы», «Бесы». А про кого они написаны? Кто это Ставрогин, Петр Верховенский, Шатов, Кириллов, Федька Каторжный?.. Не знаете? А я знаю! Это, хы-хы, реакционеры.

«По толкованию Достоевского, Россия — бесноватый, исцеляемый Христом; русские революционеры — бешеные свиньи, летящие с крутизны в пропасть. Действительно, некоторые страшные явления русской революции (это написано в 1908 году.— Д. Г.) похожи на судороги бесноватого. Но как имя беса. Имя ему *Легион* — древнеримское и византийское... Бес, выходящий ныне из России, и есть нечистый дух римско-византийской «Священной империи», дух прелюбодейного смешения государства с церковью. И уж, конечно, не вожди русской революции, эти мученики без Бога, крестоносцы без креста, а те, кто мучает их во имя Бога, убивает крестом, как мечом,— вожди русской реакции и русских черных сотен, похожи на стадо бешеных свиней, летящих с крутизны в пропасть».

Мережковский был *умен*. И вы представите, как это все писалось. Высунув язык набок: «А я вот так проверну, так вот, так».

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле Бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...

Мережковский в той же книге писал и так:

«С русской революцией рано или поздно придется столкнуться Европе, не тому или другому европейскому народу, а именно Европе, как целому... уже и теперь ясно, что это — игра опасная не только для нас, русских, но и для вас, европейцев. С пристальным и тревожным вниманием следите вы за русской революцией — недостаточно все-таки пристальным, недостаточно тревожным: то, что у нас происходит, страшнее, чем кажется вам. Мы горим, в этом нет сомнения; но что мы одни будем гореть и вас не подожжем, так же ли это несомненно?.. ваш гений — мера; наш — чрезмерность. Вы умеете останавливаться вовремя; доходя до стены, обходите или возвращаетесь; мы разбиваем себе голову об стену. Нас трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, нам нет удержу,— мы не идем, а бежим, не бежим, а летим, не летим, а падаем, и притом «вверх пятами», по выражению Достоевского. Вы любите середину, мы любим концы. Вы — трезвые, мы — пьяные; вы — разумные, мы — исступленные; вы — справедливые, мы — беззаконные. Вы сберегаете душу свою, мы всегда ищем, за что бы нам потерять ее... Для вас политика — знание; для нас — религия... Мы — ваша опасность, ваша язва, жало Сатаны или Бога, данное вам в плоть. Вы еще от нас пострадаете... В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божьим. Дьявол украл у нас имя Божье».

Под «дьяволом» Мережковский имел в виду «контрреволюционеров». Вдумайтесь в масштаб сатанинской насмешки.

325. Тема русских проституток, передовых и осознавших себя.

Ленин писал во время революции 1905 года о партийных комитетах:

«Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие,— одним словом, *все социал-демократы*» (курсив Ленина).

568. К власти пришли люди темные, озлобленные.

Милюков писал буквально накануне второго открытия русской иконописи:

«Техника живописи настолько уже находилась в упадке в момент перехода в Россию, что и в этом направлении немного пришлось прибавить русскому варварству. В наиболее важных случаях до самого конца XIV века приглашали писать иконы «мастера гречанина». От него переняли его мастерство и русские художники, но чисто механически. Икона писалась по трафарету, по «переводу» с готового «образца», о правильности рисунка не было и речи, так же как и о свободной композиции его».

С русским искусством, да и вообще с русской культурой Милюков не церемонился. Россия для него была отсталой окраиной цивилизованного мира. Но тут противоречие — развязный тон Милюкова, чрезвычайно довольного своим умом и образованием. Да, русский народ глуповат, но сам Милюков — умен до чрезвычайности. Тут бы и задуматься ему, тут бы и сделать хотя бы нехитрый силлогизм: если моя нация так некультурна и так неоригинальна, то не следует ли предположить, что и я, ее представитель, тоже некультурен. И не является ли тогда мой собственный подход к культуре своего народа тоже достаточно некультурным, однобоким, поверхностным...

582. Язык заставляет неовладевшего им человека не запинаться и оговариваться, а проговариваться.

Может быть, изначальная ошибка русской цивилизации в том, что она стала слишком рано говорить. На самой заре своего развития русские получили совершенный аппарат для выговаривания: развитый книжный язык (церковнославянский) с древними и совершенными переводными текстами. Немцы, начавшие развитие раньше, получили Библию на родном языке на 600 лет позже.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«ПОРА КОНЧАТЬ ЭРУ РАБСТВА»

ИБРАГИМ КОСТОЕВ,
народный депутат РСФСР

В конце прошлого года Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР объявил о своем полном суверенитете, оговорив, что оставляет за собой право вхождения и в Союз, и в Российскую Федерацию на основе договора, в котором будут заложены общечеловеческие нормативные принципы и основы международного права.

Наш народ еще при царе испытывал несправедливый гнет колонизации. В советское время мы пережили настоящий геноцид. По основным социально-экономическим показателям Чечено-Ингушетия прочно занимает последнее место в России. Второе место она занимает по детской смертности. А те районы, где живут ингуши, являются самыми отсталыми в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Показатели уровня жизни в Ингушетии ниже, чем в отсталых странах третьего мира. 100 лет давая стране нефть и перерабатывая ее, мы добились лишь того, что наша республика входит теперь в первую семерку самых неблагополучных в экологическом плане регионов. Мы находимся на положении сырьевого придатка, народ которого исчезает физически и этнически. Так дорого заплатив за жизнь в составе России, чеченский и ингушский народы ищут сегодня способы вырваться из полосы многовековой зависимости и нищеты.

Я специально подробно останавливаюсь на проблемах своей родной республики, чтобы на ее примере показать: появляющиеся сейчас суверенитеты — вовсе не результат внезапного прозрения, не дань моде. Это попытка осуществить извечно живущую в душе каждого народа мечту о самостоятельности. К сожалению, пока мы имеем всего лишь бумажные суверенитеты. Но в них выражена воля народов, которым надоело жить в нищете и бесправии. Пора кончать эту эру рабства.

Пока мы не открестимся от имперской политики, мы ничего не изменим. Поразительно, насколько алогична наша империя. Казалось бы, русский народ — основатель государства, но живет ли он лучше других народов? И самое плохое, что русским, которые сами живут в рабстве, якобы господствуя над другими народами, внушают: империя должна сохраниться в существующем виде.

Для того чтобы наши народы вместе жили, нужно дать им возможность сначала определиться по своим квартирам, выяснить: а что же я есть? Даже два брата, вышедшие из чрева одной матери, взрослея, пытаются иметь каждый свою чашку и свою квартиру. И тогда, кстати, братские чувства между ними становятся горячее, прочнее и более человечнее.

Правда, возникает вопрос: а как быть с теми народами, которые исторически никогда не имели государственности и своих границ? Якутия, Коми, Чукотка... Видимо, за исходные данные следует принимать существующие границы этих регионов в том виде, как они обозначены на карте. Другое толкование идет лишь

от высокомерия по отношению к этим народам — это остаточный принцип имперского мышления.

Я не вижу никакой беды в их суверенитетах. Ведь ни один из них не предполагает, что мы на веки вечные рвем с Россией. Механизм экономических связей, общения и взаимопроникновения культур, который сложился в нашей стране еще до революции, все равно будет работать. Уверяю вас, маленькие народы не настолько самоуверенны, чтобы считать: мы обособимся и будем жить сами по себе. Это невозможно и для более крупных государств (Советский Союз — мощная держава, но к чему привела ее обособленность, мы знаем). Человечество — это сообщающийся сосуд. И вне человечества я не мыслю свою республику.

Сейчас уже ясно, что союз народов на новой основе невозможен без решения межнациональных проблем. Давайте задумаемся над такой вещью. От голода у нас еще никто не умер. А на почве межнациональных столкновений — тысячи жертв. Так что надо решать прежде всего? По поводу Ингушетии могу сказать — если мы как можно быстрее не восстановим права нашего репрессированного в советское время народа, то к уже имеющимся в стране межнациональным конфликтам прибавятся еще десятки.

Основным недостатком работы нашего Верховного Совета и съездов народных депутатов России я считаю то, что вопросы межнациональных отношений у нас остаются на уровне сталинских установок. Как в свое время Сталин нарисовал карту страны, такой она и осталась до сих пор. Ни один из его принципов мы не можем ни сдвинуть с места, ни даже попытаться рассмотреть, потому что мыслим теми же категориями. Вспомните, как было сложно отменить шестую статью Конституции. А ведь это Сталин довел власть партии до гротеска. Он закладывал мины замедленного действия и в межнациональные отношения (принцип: разделяй и властвуй), чтобы эти народы никогда не смогли объединиться против центральной власти. Сегодня эти мины взрываются, а мы ничего не делаем для того, чтобы уничтожить разожженную Сталиным распрю. Его установка на замалчивание национальных проблем жива и сейчас. Это Сталин объявил национальный вопрос решенным у нас в стране...

Единственный выход — посмотреть, как шла деколонизация владений Британской империи или Африки... Даже мы, парламентарии, не имеем международных документов о том, по каким принципам решались эти конфликты в упомянутых мной странах. Сегодня мы наблюдаем распад нашей империи. Надо, чтобы он прошел с наименьшими потерями. Иначе нам не построить общего дома.

Новая федерация, новый Союз мне видятся по принципу уважения всех тех прав каждого народа, которые ему присущи. И если мы не можем придумать никакой новой модели, нам надо взять за основу социально-общественного устройства ключевые постулаты общечеловеческих религий: мусульманства, христианства, буддизма... Они воспринимаются людьми разных национальностей. Значит, они универсальны.

Я считаю, что Совет Национальностей ВС РСФСР должен представлять собой мини-ООН. Один народ — один голос... Все государства формируются по национальному признаку. Недаром ООН называется организацией «объединенных наций», а не объединенных государств. В основу положен принцип наций.

Но мы опять торопимся. Нельзя предсказывать ситуацию, не имея достаточных фактов. Мы сейчас их не имеем, но уже рассуждаем о том, какой у нас будет Россия, федеративный договор, пытаемся разрабатывать новую Конституцию...

Нужно подождать с решением вопросов национально-государственного устройства, пока все республики и все автономные образования не выскажут свои мнения по этому поводу. И как бы долго ни проходил этот процесс, не надо его ни гасить, ни давить. Давайте подождем...

КОМУ ПОДОЙДЕТ ГРУППА КРОВИ ПОЭТА?..

ДАЖЕ ПРИ СЕГОДНЯШНЕЙ ГЛАСНОСТИ АРБАТСКИМ СТИХАМ ТАК И СУЖДЕНО ОСТАВАТЬСЯ В «САМИЗДАТЕ». ПОЧЕМУ?

К нему можно относиться по-разному, но феномен Арбата существует. И, пожалуй, самую примечательную его часть составляют арбатские стихотворцы, словно магнитом притягивающие к себе неубывающие народные толпы.

Их обвиняют в политическом эпатаже, графоманстве, аморализме. Их запрещали, очищали от них переулки, но мало кто пытался разобраться в этом противоречивом явлении, порожденном нашей с вами культурой, нынешним образом жизни. Наверное, лучше всего о себе могут рассказать сами арбатские поэты. Им мы и предоставляем слово.

ТАРАС ЛИПОЛЬЦ:

Я развращаю молодежь,
пишу о черном и ужасном,
а ты, редактор, верно, ждешь
стихов о чем-нибудь прекрасном,
о том, страна как широка,
как государство наше крепнет,—
не подымается рука,
боюсь, читатель мой ослепнет.
пока я жив, в своем уме
и мне глаза не изменили,
писать я буду о дерьме,
помойках, гадости и гнили.
Твоей редакторской лапше
я доверяю слишком мало,
канализацию в душе
моей давно уже прорвало.
Ты слишком сладко обмануть
сумел меня в былые годы,
так дай же честно блевануть
теперь на все твои «свободы»,
за то, что я катился вниз,
читая сводки о погоде,
за то, что верил в коммунизм
и дело партии в народе,
за то, что был таким, как все,
когда о трудовых победах
читал на первой полосе,
не зная о насущных бедах.
Цены тебе, редактор, нет,
трудись, работай, бедолага,
коль люди ходят в туалет,
ты нужен, как твоя бумага.

1985 г.

АЛЕКСАНДР ТРУБИН:

— Летом 1988 года на заборе возле Театра им. Вахтангова появились первые листы со стихами. Поначалу всем это было в диковинку. Прохожие удивлялись: как это может быть, чтобы стихи с нападками на партию могли спокойно висеть на заборе? Даже милиция была обескуражена: она не знала, как себя вести. Но Арбат был превращен в пешеходную зону, и нарушать постановление «сверху» милиция не решалась, хотя выражала явное свое недовольство содержанием стихов.

Незнакомые друг с другом авторы, поначалу их оказалось человек 8—12, образовали маленький поэтический союз, который впоследствии перерос в литературную группу «Арбат». Из тех, первых сегодня осталось только трое. Уже с конца октября мы перестали вывешивать стихи, а просто читали их «в толпу». Люди останавливались, слушали. Иногда их собиралось человек до двухсот. Теперь мы уже продавали не отдельные листки, а большие сборники, отпечатанные на ксероксе.

В феврале 1989-го Зайков и его приспешники объявили нам войну, заявив, что на Арбате процветают экстремизм и антисоветчина. Нас стали гонять, забирали в отделение, штрафовали. Это продолжалось до мая. Усилиями инициативных художников и нашей группы мы создали Союз творческой интеллигенции при комитете самоуправления микрорайона. До середины сентября платили налог за место, но постановлением от 15.9.89 г. наша деятельность все-таки была запрещена. Но мы не сдались. Провели митинг в свою защиту. За нас заступился «Взгляд». Почти три месяца лютовала милиция, пугая нас наручниками и дубинками (к слову сказать, среди местных милиционеров немало хороших ребят, но они, к сожалению, на Арбате долго не задерживаются). Как бы то ни было, а местную власть мы взяли измором, и на нас, слава Богу, плюнули.

Советская пресса нас не балует, хотя наши собственные сборники разошлись по Союзу многотысячными тиражами. Ругани в наш адрес немало, но это только закаляет, придает нам уверенность в своих силах. Мы верим, что нужны людям. Конечно, возникает вопрос: что нам нужно, почему мы вышли на улицу? В Союзе писателей вон сколько поэтов, но никто к нам не присоединился. Евтушенко удивлялся: «Неужели можно заработать 25 р. в день?» Можно. И 250, и 300, и 400! Мне однажды за стихотворение «Ленин» положили в карман полтыщи. Я до сих пор не знаю кто. Почему нас слушают? Мы не врем, как наши газеты, партия и правительство. Людям это нравится, за правду и платят. Обидно только, что острее всего реагируют на частушки и грубые примитивные политические вирши — хорошо видно, как народ теряет культуру.

Сегодня многое изменилось: Арбат захватили дельцы, работающие на иностранцев,— матрешечники, шкатулочники... Да и раньше, когда встречались, читали друг другу стихи, обсуждали, а теперь только и слышно: сколько заработал?

Поначалу нам казалось, что мы помогаем перестройке, Горбачеву, но потом мы поняли, что все это бесполезно. Там, наверху, ничего не меняется, а если и меняется, то, на наш взгляд, в худшую сторону. Но мы продолжаем говорить правду, ибо ложь сегодня беснуется...

ТАРАС ЛИПОЛЬЦ:

КРЕМЛЕВСКИЕ ЗАБОТЫ

Прочитана народом «Целина»,
на «Возрожденье» падает цена,
не в моде даже «Малая земля» —
уже не те заботы у Кремля.
О скором коммунизме нету слов,
ботинками не бьют чужих послов,
не сеют кукурузные поля —
уже не те заботы у Кремля.
Не учат в школах Сталина труды,
не выдают по карточкам еды,
не строят для народа лагеря —
уже не те заботы у Кремля.
Я продолжал бы тему до конца,
дойдя до штурма Зимнего дворца,
до дней, когда был Ленин у руля,
но уж не те заботы у Кремля.

1985 г.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

В. И. Ульянов

Колючая проволока вдоль стены,
по проволоке пущен ток —
электрификация всей страны
идет за витком виток.
Вот руки Адольфа и Сатаны
готовят электростул.
Электрификация всей страны —
ты понял урок, Кабул?
А кто-то поет, что мы все больны,
а кто-то вступил в СС.
Электрификация всей страны —
Чернобыльская АЭС.
На Запад уже не свалить вины —
Нью-Йорком не стал Тамбов.
Электрификация всей страны —
формация для рабов.

1988 г.

ГОЛОС

Вот опять одеялом укроюсь,
слышу, в полночь тактично ко мне
обращается вражеский голос,
как всегда, на короткой волне.
Слух ласкают запретные речи,
с каждым словом усталой душе
все становится легче и легче,
и проблемы понятней уже.
Проходя и границы, и реки,
и глушители нашей страны,
о советском простом человеке
кто-то помнит... с другой стороны.

1985 г.

ПО ПОВОДУ ПРОДАЖИ СТИХОВ НА АРБАТЕ

Посвящается арбатскому поэту К. Седунову

Пройдет обыватель и бросит, как камень:
«Глядите, торговцы стихи сочиняют,
Глядите, пииты торгуют стихами,
Глядите, искусство на рубль меняют».
Как трудно тебе возразить, обыватель,
Поймешь ли меня, что стихи это так же...
Почти как детей оставлять в интернате,
Поэту стихи выносить на продажу.
В солидных журналах друг друга страхуют
Поющие оды прогнившему строю,
Вот эти, пожалуй, стихами торгуют,
А мы не стихами — мы собственной кровью.
Я знаю, что рубль потруднее, чем доллар,
Что деньги в совке нелегко достаются,
Но только арбатский поэт — это донор,
А донорам деньги зазря не даются.
Торгуем стихами, простите за это,
За то, что мы нервы мотаем наружу.
Кому подойдет группа крови поэта,
Тот сможет лечить заболевшую душу.
Поэты Арбата — нелегкие роли,
Напьется поэт, что ж, обычное дело,
Как много уже было продано крови,
Пусть водка наполнит бескровное тело.

1989 г.

КОНСТАНТИН СЕДУНОВ:

В ОРГАНЫ КГБ

«Нам в известных органах
отбивали органы
и тушили папиросы
в наше мясо на допросах».

(Из неопубликованной поэмы вашего покорного слуги.)

Ну дожились, ну выросли, ну выэрели!
Ужели наяву, а не во сне
сегодня КГБ по телевизору
ответит на вопросы всей стране?
Экран напрягся! Тихими девицами
они сидят, смущенные почти...
И вся страна волнуется, дивится:
кто говорил про них, что палачи?
Кто говорил — подонки, костоломы?
Кто говорил — империи оплот?
Они ведь тоже сахар по талонам,
как ты и я, берут, как весь народ!
Скромны, умны — ей-ей интеллигенты!
Имеют тягу к музыке, стихам.
Не верьте, что по-прежнему агенты
торчат, как тараканы, по углам.
Мы узнаем подробности из быта.
Мы узнаем про тихий героизм.
И прошлое не то чтобы забыто,
но нам важней всемирный терроризм!
Что пытки были — это, право, версия...
А коль и были? Мы уже не те,
чтоб шомполом в анальное отверстие,
чтоб ванны для «шпионов» в кислоте.
Ведь оказалось, что о психбольницах
ГэБисты знать не знали ничего.
И кроткие улыбки сводят лица...
Что Солженицын? Разве мы его?
А души наполняются экстазом,
и в душах чувств святых переполох!
Вопросы телефонные ни разу
ГэБистов не застигнули врасплох!
Как будто вышли утром на полянку —
бояться нечего, пусть сердце не болит!
Так отчего ж обходим мы Лубянку,
как будто Феликс нам страшней, чем СПИД?
Ну дожились, ну выросли, ну выэрели!
Не дай скучать российской голытьбе!
Сегодня всей стране по телевизору
покажут вместо цирка КГБ.

1989, ноябрь

АЛЕКСЕЙ БЕКЕТОВ:

ЭКСКУРСИЯ ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Было красное небо и белый костер,
И зигзаги подстреленных птиц,
И ревущая конница с бешеных гор,
И зарницы горящих станиц.

Как в тифозной горячке, металось «ура»
По постели из рубленых тел,
И в атаку под музыку шли юнкера
За орлом, что по небу летел.

О нахальная юность, логический пыл!
Хочешь — брата врагом назови...
И отца застрели, чтоб тебя не убил,
Захлебнувшись в сыновней крови.

Революции честь! Эй, Буденный Семен!
Видишь кожанок тысячный строй?
Те, кто выживет здесь, лягут в 37-м
Там, у лагерной стенки сырой.

Чтоб водили туристов по вашим костям
И с усердием всех холуев
Сладострастно плели иностранным гостям
Про романтику грозных боев...

Чтобы влез на трибуну ответственный вор,
Лекционно-запечный паук,
Чтобы мерзко завыл красногалстучный хор
Во главе с кандидатом наук...

Безоглядные рыцари глупой войны
И жестокие юноши дна!
Неужели в земле вы не видите сны
И не снится вам эта страна?

Может быть, вы нас видите —
грязных и злых,
Может, слышите жалкую ложь?
Вот итог ваших яростных дел огневых,
Вот за что вы кричали: «Даешь!»

И за муки, за голод, за ужас атак
Вам награда — оскал Сатаны.
На крови может вырасти только бардак,
Где и кровь не имеет цены!

1989 г.

АЛЕКСАНДР ТРУБИН:

ЛЕНИН

«Без Маркса вы, как без воздуха»,—
учил ты науке гаденькой,
и в ссылке, как в доме отдыха,
«страдал» со своею Наденькой.
Ты быдло взъерошил «Искрою»,
но искра была не Божия.
Облавой охранка рыскала —
науку твою итожила.
Но ловко втирал ты ложь в очки,
на всех возводил напраслину.
Рабочему — правду с ложечки.
Крестьянину — кукиш масляный.
Народ поморил разверсткою.
Весь хлеб как метлою вымели.
Россию газетной версткою
кормил, как с пустого вымени.
Тебя бы в застенок к Берии,
где следователь поддатенький,
вот там бы тебя проверили,
какой вы идейный, батенька.
Побыл бы денечек Оленькой,
да чтобы внутри с обузою,
чтоб следователь веселенький,
как в мяч по тому арбузу бы.
В дурдоме тебя не мучили
твоих же идей во имя.
Там тоже по Марксу учат,
вот только аминазином.
В Разливе от них не скроешься,
привяжут ремнями к койке.
Слезою своей умоешься
от нашей глобальной стройки.
И вспомнишь тогда про Разина,
про кандалы-наручники.
Одно только жаль,— что в рай земной
добрались твои попутчики.
Им горе народа, что карта в масть,
что, кроме страданий, находим мы?
Они перегрызлись с тобой за власть,
а не за спасение Родины.
А мы умирать приучены
и стерпим любые «милости».
***P. S. Воскрес бы** Христос замученный,*
когда б Ему столько вынести.

1988 г.

ПОРТРЕТ

В комнате, пропахшей самогоном,
Мой сосед, набравшийся винца,
Смотрит так, как будто на икону,
На портрет погибшего отца.
На щеке пристроилась нелепо
Божьею коровкою слеза,
Но сосед, уставший от совдепа,
Не сомкнет усталые глаза.
Жизнь ему досталась,
Как наследство,
Но зачем она ему в стране,
Где дожить затравленное детство
Не дали с другими наравне?
Там, где страх звереет год от года,
Там, где беззаконие — закон,
Лучше умереть врагом народа,
Чем остаться жить большевиком.
Над страной распятьем
Тьма повисла,

Господи, что ждет нас впереди,
Если даже смерть лишили смысла
Наши пресловутые вожди?!!
День сгорел. Лишь запах самогона.
Спит сосед, застывши как мертвец.
Со стены расстрелянной иконой
Тихо улыбается отец.

1987 г.

ПРО ЦАРЯ

Говорят, был царь кровавым,
Правил он страной неправо,
Но царя ругают зря:
Царь не строил лагеря.

1988 г.

СЕРГЕЙ БЕЗЛЮДСКИЙ:

САМОЗВАНЦАМ

Изгнанник ваш, но не литературы,
Отверженец журналов, но не муз,
Лишь я борюсь. А вы, спасая шкуры,
Дрожите в тине, сборище медуз!

Я в нищете, забвенье и опале.
Зато умею правду говорить.
А вы под палкой жизнь свою проспали
И лишь словами можете сорить.

Пусть мой удел — бесславье и немилость,
И для толпы меня не издают,
Зато могу писать, как вам не снилось,
Своим пером смущая ваш уют.

Хоть, правда, вам ни холодно, ни жарко,
Но я утешусь мыслью об одном:
Ваш жалкий труд хорош для зоопарка,
Но для людей является пятном.

Я говорю вам это все по праву
Того, чье слово есть и будет впредь.
А вы переживете вашу славу.
И дай вам Бог о том не пожалеть.

1983 г.

МИХАИЛ АНДРЕЕВ:

* * *

Случилось: душу обокрали.
Ну как я мог предположить,
Что книжки очень часто врали,
А я по ним учился жить?

Я не люблю мою державу.
Ее за то я невзлюбил,
Что кривды гвоздь,
тупой и ржавый,
В ее основу кто-то вбил.

Я не люблю ее и хаю.
То не характера черта.
А под березками вздыхают
Те, кто не видит ни черта.

Вы присмотритесь: Русь мельчает!
Я из души кричу строкой:
«Вы, кто любовь к ней расточает,
Ее и сделали такой!»

1988 г.

ВЛАДИМИР ШАРОВ,
кандидат исторических наук

ОПРИЧНИНА

До сих пор остается загадкой: для чего понадобилось Ивану Грозному делить государство на две части — земщину и опричнину, казнями и преследованиями дворян, приказных, церковных иерархов подрывать главные опоры своей власти?
Полемическая статья историка В. Шарова предлагает свое оригинальное прочтение опричнины.

В предисловии к «Исследованиям по истории опричнины» С. Б. Веселовский писал: «В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы бóльшие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное». Более того, взгляды историков на время правления Ивана Грозного бывали столь же противоречивы, как и вся историография. А ведь все новые концепции, выдвигавшиеся на протяжении как XIX, так и XX веков, по большей части не основывались на привлечении новых материалов, а являлись интерпретацией уже введенного в оборот корпуса источников.

Все это невольно наводит на мысль, что главная ценность работ, посвященных Ивану Грозному, лежит не в сфере истории России XVI века, а в непроизвольной автохарактеристике самой русской историографии. Эпоха правления Сталина — время безудержной апологии Ивану IV. Хрущевская либерализация сделала возможной публикацию (в 1963 году) написанной за двадцать лет до того работы С. Веселовского «Исследования по истории опричнины» — оценку правления Ивана Грозного как одной из величайших катастроф в истории России. Частичная реабилитация Сталина и сталинизма при Брежневе привела к куда более «взвешенной» трактовке как самой опричнины, так и всего времени царствования Ивана IV: политика Грозного (в частности репрессии, которые он обрушил на знать) была разумной и необходимой.

Советская историография довольно часто предъявляет Грозному обвинение в отсутствии логики и смысла проводимых репрессий. Мне представляется, что обвинение это основано по большей части на недоразумении. Дело в том, что антибоярская направленность царской политики была приписана Грозному самими историками «из общих соображений» (такая политика считалась разумной и оправданной); впоследствии, не найдя подтверждения этой концепции в документах, историки решили, что в этом виноваты не они, а Грозный.

Оказалось как-то забытым, что в грамоте, доставленной из Александровской слободы в Москву 3 января 1565 года и ознаменовавшей собой начало опричнины, царь говорит, что «гнев свой» он «положил» «на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей».

Так что те, кто в наибольшей степени вызывал гнев Грозного в период, непосредственно предшествовавший опричнине, те как раз от нее и наиболее пострадали. Это обстоятельство, на мой взгляд, достаточно убедительно опровергает тезис об отсутствии логики в действиях Грозного и, следовательно, позволяет вновь поставить вопрос: чего же хотел и чего добивался Грозный, вводя опричнину? И ответ на этот вопрос, думается, следует искать не в результатах опричнины, а в тех обстоятельствах, которые предшествовали ее учреждению.

Из вышеприведенной цитаты грамоты Грозного достаточно ясно: Ивана IV решительно не устраивал весь комплекс отношений, сложившихся между ним и теми, с кем он принужден был делить ответственность за судьбу России. В чем же причина столь острого и глобального по своей сути конфликта (без преувеличения можно говорить о практически полной изоляции Ивана IV) между ним и другими властями, традиционно наряду с великокняжеской властью правившими Россией?

По-видимому, главным объяснением его следует считать, с одной стороны, драматическое изменение самопонимания и самооценки верховной власти, а с другой — меняющийся куда более медленно и вполне консервативный по своей природе взгляд на верховную власть, свойственный как церкви, так и всему служилому сословию.

Здесь следует остановиться на природе верховной власти в России XV—XVI веков, на том, как она функционировала и как воспринималась служилым сословием.

Начиная с правления Василия Темного (1415—1462), великие князья Московские все чаще именуются в дошедших до нас источниках царями. Это связано прежде всего с падением Константинополя (1453) и быстрым формированием взгляда на Московское царство как на естественного наследника (духовного и политического) Византийской империи. Иван IV в 1547 году первый венчается на царство, и с этого времени царский титул становится официальным атрибутом монарха в России. Тем самым завершается сакрализация носителя верховной власти, что означает «не просто уподобление монарха Богу, но усвоение монарху особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься как сверхъестественное существо»[1]. Введение — начиная с Ивана IV — в церемониал поставления на царство наряду с коронацией миропомазания уподобляет царя Христу (греческое χριδτός — «помазанник»).

О Москве как наследнице Византии надо сказать подробнее. Давно было подмечено, что «миссия» Москвы, по представлениям ее идеологов, была гораздо шире той роли, на которую претендовала Византийская империя. Москва считала себя одновременно и вне связи с Византией наследницей первого, античного Рима (происхождение великих князей Московских от племянника императора Августа — Пруса в «Сказании о князьях Владимирских»), а главное — ветхозаветного Израиля (Москва — второй Иерусалим, русское царство — новый Израиль).

Известно также,— в частности см. работу Н. И. Ефимова «Русь — новый Израиль» (Казань, 1912),— что убеждение в богоизбранности Руси сформировалось еще до падения Константинополя. Уже в первой половине XV века русские книжники не сомневались, что русский народ, как единственный сохранивший истинную веру, особенно угоден Богу, дорог ему, и в путях Промысла Русь занимает место древнего народа Божия. Надо сказать, что Бог на Руси мыслился «не христианским Богом в строгом смысле слова, Богом любви и всепрощения, а ветхозаветным Богом гнева, грозным мздовоздаятелем, с ужасающей справедливостью карающим каждого и весь народ, все государство за прегрешения вольные и невольные...» (Н. И. Ефимов).

Это существенное смещение центра тяжести в русском христианстве в сторону Ветхого завета отразилось и во взглядах на верховную власть. Тем же автором было показано, что «вообще каждый популярный, привлекавший симпатии своими социально-политическими и индивидуальными добродетелями, или непопулярный, отталкивавший своей «гордостью» и «высокоумьем» («высокомыслием») князь или царь приравнивался старорусскими литераторами прежде всего к еврейским царям и заметным фигурам библейской истории и только уже потом — к своим двойникам в сонме византийских базилевсов».

Грозный был первым русским царем, не просто глубоко воспринявшим этот комплекс идей и представлений, но и с детства воспитанным на таком понимании своей власти. Его знаменитая переписка с Курбским убедительно показывает связанный с этим разлад между монархом и служилым сословием.

В свое время В. Ключевский коротко и остроумно охарактеризовал сущность этой переписки: «За что ты бьешь нас, верных слуг своих?» — спрашивает князь Курбский. «Нет,— отвечает ему царь Иван,— русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и не вельможи». Их полное непонимание друг друга объясняется тем, что если Курбский мыслит в рамках традиционных представлений о службе вассала сюзерену, то Грозный пытается придать своим отношениям с подданными строго религиозный облик, воспринимая свою власть, как и власть Бога, неподсудной и не нуждающейся в защите и обосновании.

Переписка Ивана Грозного с Курбским свидетельствует о «вымывании» светской составляющей верховной власти. Иван IV склонен трактовать измену Курбского не как измену вассала сюзерену, а как измену Богу и вере. Причем Грозный подчеркивает, что эта измена Богу есть нечто постоянное, совершенно не зависящее от личных человеческих качеств носителя верховной власти: «Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — Бог».

В основе такого самопонимания верховной власти лежала чрезвычайно жесткая логическая конструкция, предельно упрощающая взаимоотношения между Богом и царем, царем и его подданными, Богом и подданными царя: «Воззри (...) и вдумайся: кто противится власти — противится божьему повелению»[1]. Эта схема, в свою очередь, была калькой с такого же упрощенного взгляда на мир, в котором единственное сохранившее истинную веру царство — Россия — со всех сторон было окружено разного рода иноверцами и еретиками.

Вполне логично, что, рассматривая себя как религиозную, верховная власть должна была стремиться заменить традиционные узы, связывающие ее с подданными, узами, имеющими ту же религиозную природу, что и она сама. Путь построения новых отношений долгое время был неясен. Когда же образец был найден, события стали развиваться с поразительной быстротой. «Перевести» всю систему государственных отношений на религиозную основу Грозный попытался за считанные годы. Эта чрезвычайная ускоренность реформ связана с многочисленными заговорами, а также военными неудачами России, свидетельствовавшими не только о разложении старой государственной системы, но, главное, о том, что Бог отвернулся от своего избранного народа.

Неудачи русских войск в Ливонской войне на протяжении 1563—1564 годов показали Грозному и его ближайшим советникам невозможность чисто военного присоединения Ливонии к России и потребовали разработки достаточно сложных дипломатических проектов. Во второй половине 1564 года, то есть в период, непосредственно предшествовавший отъезду царя в Александровскую слободу и учреждению опричнины, Грозный наиболее интенсивно занимался проблемами будущего политического устройства Ливонии. В окончательном варианте предполагалось восстановить под протекторатом России Ливонский орден во главе с плененным русскими войсками магистром Фюрстенбергом.

Вне всяких сомнений, разработка такого проекта была бы невозможна без изучения истории Ливонского ордена, без анализа взаимоотношений Ливонии с ее соседями,

---

[1] В. М. Живов, Б. А. Успенский. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России.— В кн.: Языки культуры и проблемы переводимости. Сб. ст. М., Наука, 1987.

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981, с. 124.

а также без исследования вопроса о Тевтонском ордене, одним из правопреемников которого был Ливонский.

Идея вассальной зависимости от русского царства одного из последних наследников христианской власти на территории Палестины, без сомнения, должна была импонировать Грозному. Дело в том, что вообще иерусалимские короли, чьей надежнейшей военной опорой были военно-монашеские ордена, и в частности Тевтонский, занимают в утвердившейся на Руси схеме преемственности верховной власти (от Бога) промежуточное положение: еврейские цари святого народа и Святой земли — христианские короли Святой земли — русские цари новой Святой земли, нового святого народа. В этом плане признание Ливонским орденом своей вассальной зависимости от России означало бы одновременно и правопреемство русского великого князя по отношению к иерусалимским королям и, следовательно, его приоритетные права на старую Святую землю и Иерусалим, на соединение под своей властью обеих Святых земель.

История военно-монашеских орденов, их роль в поддержании и укреплении власти иерусалимских королей, великолепные боевые характеристики не могли не натолкнуть Грозного на убеждение, что эти преимущества объясняются в первую очередь теснейшим соединением в орденах военной и монашеской службы. Религиозные ордена должны были показаться Грозному прекрасным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия новой Святой земли — России. Воинство, в свое время созданное исключительно для защиты и распространения истинной веры, было именно тем, в чем нуждалась Россия. Записки иностранцев, описывающие жизнь в Александровской слободе — столице опричнины, а также те права и привилегии, с одной стороны, а с другой — ограничения, которые налагались на опричников, рисуют картину, весьма схожую с бытом военно-монашеских орденов.

Во все время существования опричнины для Грозного было характерно стремление к очень резкому разделению опричнины и «обычного» мира. Это проявлялось не только в дублировании большинства приказов и служб, отдельно и самостоятельно управляющих опричниной и земщиной, но, главное, в четко различимых и последовательных попытках Грозного изъять всю опричнину из общего порядка вещей.

Мало того, что были разделены на опричные и земские верховная власть, территория, государственное управление, суд, финансы. Вводился даже запрет на общение между опричниками и земскими. По свидетельству Штадена, «если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать». И дальше: «Я рассуждал тогда так: я хорошо знал, что, пока я в земщине, я проиграю (всякое) дело, ибо все те, кто был в опричных при великом князе, дали присягу не говорить ни слова с земскими. Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговоре — убивали обоих, какое бы положение они ни занимали. Да это и понятно, ибо они клялись своему государю Богом и Святым крестом. И таких наказывал Бог, а не государь».

Это свидетельство подтверждается двумя другими видными опричниками — Таубе и Крузе. Дворянин, вступающий в опричнину, по их сообщениям, клялся и целовал крест не только в верности государю, но также «не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего».

Опричные дворяне и внешне выглядели не так, как земские. По сообщению А. Шлихтинга, «живя в упомянутом Александровском дворце, словно в какой-нибудь застенке, он (царь.— **В. Ш.**) обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья Базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях...»

Шлихтингу вторят Таубе и Крузе: «Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху».

Но самое важное в интересующем нас контексте — особый образ жизни опричников в Александровской слободе, уклад и организация Опричного монастыря. «Великий князь каждый день встает к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братьями, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью, или уединенную комнату. Равным образом и каждый из оставшихся уходит в свою, взяв с собой блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители...»,— свидетельствует Шлихтинг.

Надо сказать, ливонские дворяне в отличие от русских были хорошо знакомы с такими образованиями, как монашеские ордена, и ясно сознавали сходство с ними корпуса опричников. «Этот орден,— писали Таубе и Крузе,— предназначался для совершения особенных злодеяний. (...) Сам он (Иван Грозный.— **В. Ш.**) был игуменом, князь Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокол звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром в 4 часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимии...».

Записки иностранцев, рисующие жизнь в Александровской слободе, давно и хорошо известны историкам, выдержки из них можно найти практически в любой монографии, посвященной царствованию Ивана IV. Однако в этих работах Опричный монастырь используется, к сожалению, единственно как яркий пример особой извращенности царя. Наиболее типичны в этом отношении следующие слова А. Шлихтинга: «Как только он проделает это в течение нескольких дней (т. е. поживет жизнью монаха.— **В. Ш.**) и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек».

В последнее время известным филологом и специалистом по семиотике Б. Успенским была сделана попытка рассмотреть Опричный монастырь в другом ракурсе — как некий маскарад, «антиповедение», выражающееся «как в переряживании, так и в кощунственной имитации церковных обрядов».

Основанием для такого понимания опричнины послужило для Б. Успенского сопоставление ее со Всешутейшим собором Петра I. Вряд ли эта параллель оправдана. Как у современников Петра I, так и у его потомков карнавальное, заложенное в самом названии шутовское назначение «собора» равно не вызывало сомнений, а в отношении опричнины ни в одном из источников нет даже намека на возможность ее «веселого» понимания.

Что же в итоге?

Идее организовать часть дворянского сословия России на началах военно-монашеского ордена, подобного Тевтонскому и Ливонскому, не суждено было сбыться.

Уже к 1572 году планы Грозного потерпели провал, идея эта была им оставлена, и само упоминание об опричнине запрещено под страхом наказания кнутом, но старая политика террора, которую историки именуют опричниной, продолжалась и далее.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ

ЭДУАРД ВОЛОДИН,
доктор философских наук

Современное законотворчество, впрочем, как и сама жизнь в нашей стране, вполне походит на театр абсурда, где ставятся пьесы без сюжета и характерных героев, без причинно-следственных связей и подлинным героем становится немотивированность происходящего, порождающая у зрителей ощущение безысходности и обреченности.

И в самом деле, страна, тысячелетие развивавшаяся на принципе единства и неделимости, семьдесят лет продолжавшая эту традицию при лицемерном и оттого особенно опасном признании какого-то союза и федеративного устройства, вдруг в одночасье узнает, что суверенитет становится достоянием не то что этнических общностей, но и каждого отдельно взятого района, города, села и погоста. Узнает в условиях углубляющегося социально-экономического и политического кризиса, то есть при реальных и намеренно нагнетаемых страстях, когда крик «спасайся кто может» сообщает последнюю надежду и путь к спасению. Немудрено, что акты о суверенитете стали испекаться, как блины, а при потакании высших органов власти и соответствующей деятельности «парламентов» они, акты, утверждались, одобрялись, рекомендовались, пока наконец и сами законотворцы не увидели, что не только из СССР, из России уже стегается лоскутное одеяло.

Были ли юридические, исторические, политические основания для всего этого кухонно-суверенного абсурда? Были, но их или не вспомнили, или ложно поняли. Россия исторически складывалась как многонациональное государство, в котором отсутствовала практика этнического геноцида, применявшаяся странами «передовой западной демократии» в различных районах мира. К 1917 году Россию населяли народы, некогда имевшие государственность (Грузия, Азербайджан в старых границах) или никогда таковую не создавшие (латыши, эстонцы). Законы Российской империи действовали на всей территории различных районов и этносов. Актами Временного, а затем Советского правительств многонациональность и «бывшегосударственность» были взяты за основу предоставления независимости или создания в рамках Советской России, а затем в СССР национально-государственных образований. Внешне это выглядело как прогрессивная акция, а по существу закладывало мину замедленного действия. В государстве, где веками проходили миграционные процессы, в государстве, где невозможно было определить изначальные границы расселения какого-либо этноса, вдруг обозначились пусть и условные, но границы национально-территориальных образований. И пусть теперь кто-нибудь сможет представить, что в сложнейшем этническом районе Поволжья не возникнут территориальные претензии, следовательно, межнациональные конфликты при том суверенитете без берегов, который был объявлен Верховным Советом РСФСР и его Председателем. А как быть с суверенной Карелией, в которой русские составляют 90 процентов? И кто определил границы Якутии и само ее название, если, исходя из идеи автохтонности, русские пришли в этот район Сибири в XVII веке, а якуты — почти на век позднее?

Надеюсь, никто не подумает, что

я ставлю вопрос о территориальных претензиях. Просто приведенными примерами я хочу подтвердить мысль о том, насколько сложна, противоречнва, неоднозначна и абсурдна идея предоставления суверенитета по национальному признаку при наличии искусственных границ, волюнтаристски проведенных устроителями «дружбы народов». Да, кстати, и границы Российской Федерации были проведены столь же «уверенно», из-за чего, например, уральские, сибирские и семиреченские казаки оказались в Казахстане, земли Войска Донского отошли к Украине, а из исторического небытия появились вдруг Латвия и Эстония, уже превратившие «русскоязычное» население в людей второго сорта.

С горечью должен говорить, что не мудрость национальной политики, а безумие националистических вожаков определяет суверенизацию страны, объективно ведущую к ликвидации межнациональных отношений. За это придется отвечать и левым, и правым, и центристам, но пока льется кровь простых людей и ни в чем не повинных солдат и офицеров. Суверенизация, как она сейчас проводится, является путем к общегосударственной драме и национальным трагедиям, и никакими утверждениями и фразами об «общечеловеческих ценностях» и заклинаниями об «общеевропейском доме» не поможешь.

Помочь гармонизации межнациональных отношений в России можно лишь законодательным актом об отмене безбрежного суверенитета. Не должно быть правовой основы для националистического экстремизма, и это нормальная государственная мудрость любого здравомыслящего политика. Этот акт должен сопровождаться восстановлением хозяйственных связей и созданием общероссийского рынка, сочетающего вертикальные и горизонтальные связи.

В сфере национальной должна быть долгосрочная программа развития языка, культуры, традиций и традиционных конфессий для каждого народа России. Это обеспечит подъем национального самосознания, но одновременно усилит и качественно обновит межэтнические контакты и взаимообогащение культур.

И уж само собой разумеется, должна быть прекращена позорная кампания смердяковщины, когда оплевывается и подвергается осмеянию великая история России и всех ее народов. Этот исторический и национальный нигилизм лучше и быстрее всего взращивает национализм, и мало-мальски знакомый с методами психологической войны знает, что она вот уже несколько лет ведется в нашей стране против ее народов радикальными либералами, заготовившими проект превращения России в жалкое подобие США.

Противоестественны и кликушества об «имперском мышлении и имперских амбициях» русского народа. История убедительно доказывает, что **русский народ** этими болезнями не был заражен и выработал имунитет против болезни национального чванства. Но он кое-что запомнил о значении национальной гордости и национального достоинства и в угоду любым архитекторам от них не откажется. Как и другие народы России.

Вот почему идее суверенитета необходимо противопоставить идею единой и неделимой России, в которой каждая нация имеет возможность самовыражения в языке, культуре, традициях на основе экономического подъема жизни и в системе хозяйствования, учитывающей традиции равноправных народов России.

Что же касается «союзных» республик, то упаси Бог Россию входить с ними в конфедеративные отношения. Пусть живут, как они того желают, и пусть экономические отношения со свободными Грузией, Молдавией и т.д. будут осуществляться посредством свободно конвертируемой валюты и по мировым рыночным ценам. Здесь суверенитет должен быть всеобъемлющим.

«ЖИТЬ ТОЛЬКО СЕЙЧАС НАЧАЛА...»

ИСПОВЕДЬ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ, ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ ВСТУПИВШЕЙ В КПСС

Вот так бывает: приехал всего за фоторепортажем, да выпала удача совсем с другого боку — встретился с женщиной непростой судьбы. Лидия Аверьяновна — человек в совхозе уважаемый, работает от зари до зари, о прошлом ее знают только: сидела за убийство. Записал ее рассказ на магнитофон. А что она тут порассказала, судите сами.

АЛЕКСАНДР БОМЗА

Хотите, чтобы я рассказала о своей жизни? С чего начать... Пожалуй, со своего первого мужа — он мне не нравился даже внешне. Вот верь в это, не верь, но, видно, судьба: я в 23 года вышла замуж за человека, который по всему был мне чужд целиком и полностью. Когда на смотрины приехали, мне мама одно сказала:

— Не знаю, дочка, смотри сама. Сама выбирала...

Школа, в которой я после окончания педучилища работала, нам комсомольскую свадьбу устроила, первую в районе. Но... пожалуй, самые тяжелые годы в моей жизни, вдумайтесь, не тюрьма, а проведенные с первым мужем. Вот где лихато хватила! Только месяц после свадьбы продержался, а потом я узнала, что он по-бешеному пьет. Людям нашего поколения стыдно было сразу разводиться, да все от мамы скрывала, что жизнь не ладится. Все-таки не выдержала — ушла. Ушла в никуда, дочке еще года не было. Вернулась — уговорил. Обещал, что будем жить отдельно от его матери: она бражку все ставила, самогонку гнала, спаивала мужа. Не тем помянута, трудолюбивая женщина была — давно в живых ее нет.

Вернулась, но наступил момент, и я поняла, что, если дальше буду затягивать, ребенка изуродую в моральном смысле (девочке было три года), и ушла окончательно.

Я работы никакой не чуралась, мне плевать: горшки мыть, так горшки. Пошла работать няней в детский сад только для того, чтобы дочку пристроить. И жила там же в кладовке на птичьих правах, заведующая из жалости пустила. Потом пошла воспитателем в школу-интернат, там мне служебную площадь дали. Эти годы были какие? Ничего яркого, но и ничего плохого. Все думала, где что подешевле купить. Научилась сама шить, это меня и спасало. Никаких сбережений не было, потому что зарплата маленькая, да матери помогала. Она тяжело болела. Если еду к ней, так уж с полными сумками. Что есть лучшего — на себя надену, не хотела перед ее соседями показать свою неустроенность. Все братья и сестры (нас шестеро было) крепко на ногах стояли, жили семьями, у всех квартиры, дачи, машины, а у меня? Мама очень болезненно воспринимала...

Со своим вторым мужем в лесу познакомилась, за клюквой ездила. Здорово пел. За то я его, пожалуй, и признала: что Бог мне не дал, а ему дал. Я еще не видела его лица, меня голос покорил. А внешне был обыкновенный, толстоватый. Он меня знаете чем взял?

— Не то что я там богач, но деньги у меня есть, руки тоже. Вот снимем частный дом...

Такая простота меня подкупила, понимаете? Приехали познакомиться с моей матерью. Она его углядела как — вызвала меня на кухню:

— Дочь, делаешь промашку. Ты думаешь: за спиной широкой будешь жить, как за каменной стеной,— ошибаешься, он не твой человек...

А мои подруги... приятельницы, подруг у меня в жизни не было, в один голос:

— Что ты копаешься? Да тебе в жизни ничего подобного не найти. Смотри, какой надежный мужик, как о нем хорошо отзываются, не курит, не пьет.

Я даже, как бы ненароком, познакомилась с его сослуживцем, он мне знаете что сказал:

— Мужик-то крепкий, вот только нелюдимый, сам по себе: у него друзей нет и никогда не будет.

Вот бы мне тут насторожиться, потому что я очень общительная, но... намучилась с первым, пьяницей, это и перевесило. В сентябре за клюквой ездили, а в ноябре сошлись, сначала не регистрировались. Ну, дело сделано, сняли домик. Вернее не домик, а верхний этаж у евреев, очень хороших людей, кстати говоря. Я не хотела — думала несвоевременно, а он очень настаивал, умолял, почему-то был уверен, что будет мальчик. Теперь не жалею, сын хороший, правда.

Как-то зимой отправляла детей гулять, схватила первый попавшийся шарф на вешалке и... Вы думаете что?

— Берите свои вещи, а мои не трогайте.— Муж с сына в довольно сильный мороз шарф снял. Прибегает дочка, вся в слезах:

— Мама, дай что-нибудь.

Он ее какими-то погаными словами обозвал, она не рискнула повторить.

А тут соседка встретилась:

— Вы не хотите дочь потерять?

— Что вы, он ее не обижает.

— Это вы так думаете. Снимите очки.

Дочка у меня очень скрытная, не такая, как я, голову опустит: «Все нормально»,— а что у нее на душе? Присмотрелась, и вижу: муж ее просто терпит. Откровенная нелюбовь, а за что? Она очаровательный ребенок была, до мозга костей хозяйственная: с пяти лет посуду мыла, стирала, готовить научилась рано-рано — в первую свекровь, не в меня. Думаете, он ее ко мне ревновал? Нет. Он был, знаете... рыба, холодная рыба. Друзей у него, правильно, не было, и моих еле терпел.

Это было время после хрущевской оттепели, еще не самый застой. Все учителя одевались хорошо, и мне хотелось, к тому же я все время была на людях — общественная работа. Сапоги не сапоги, кофты не кофты, но вещи в магазинах были, да и у спекулянтов тоже. Наша семья жила очень скромно, а тут как-то опять соседку встретила, она мне:

— У вас, наверное, денег куры не клюют?

— Откуда? У меня всего 15 рублей до получки.

— Да? А твой-то машину скоро купит.

Я не знала. Она язык и прикуси-

ла — поняла. Прибегаю домой, все обыскала — нет. Думаю: «Ну, где? Куда бы я сама положила?» У него инструментов много было, и я нашла сберкнижку.

Все-е-е. А вот здесь... Мне теперь надо было дочку не хуже других одеть, сына, себя — коли так. Я и мужа не обижала, но ему в пику вещи взаймы накуплю: «Так. Давай денег». Когда дает, когда — обходись. Была у меня знакомая, которая за тридорога шмотки поставляла, были, естественно, и приятельницы: «Мне тоже достань». Неудобно с них запрашивать — могли подумать, что я для себя. Мне перед вами что? Вы не священник, не судья, чтоб вам врать. Куплю, например, шапку за 100 рублей, а за 50, за настоящую цену, отдам. Когда подсчитала, сколько должна,— вот здесь был караул. Я, конечно, виновата, мне бы снова развестись, а не пускаться во все тяжкие... Чтобы деньги вернуть, я к мужу, а он мне: на-кось!..

С долгом я рассчиталась, но уже наступил момент, когда у нас отношения с мужем зашли — дальше ехать некуда. Все! И дочь я потеряла. Она была еще совсем ребенком, но размышляла, и очень крепко. Как-то у меня спросила: «Ты не возражаешь, если я съезжу к бабушке?» Первая моя свекровь еще жива была. Забегая вперед, скажу: я знаю, что моя дочка замужем, что есть внук, что живет она в Ленинграде и... все. Пыталась, уже будучи здесь, ей слезные письма засылать. Не знаю... может, она стесняется, что я сидела? Меня иногда спрашивают: «Что, не спала ночью, руки болели?» Я говорю — да, хотя дело не в руках, это кусок сердца оторванный всю жизнь болит.

И вот, после развода со своим вторым мужем, у меня была одна сердечная привязанность, которая меня, можно сказать, и посадила.

Я считаю, что в жизни любила только одного человека — ни первого мужа, ни второго, а вот эту мою привязанность. Знала, что он женат, что у него двое детей, и ничего от него не требовала. Встречались у меня дома или у него на даче. Мужик был! Умел ухаживать, юморист, много знал (два высших образования), а для меня главное, когда есть о чем поговорить.

Приезжал к нам, мне — букетик цветов, сыну — фрукты, мальчик его любил. Я его угощала. Он любил вкусно поесть, выпить (но никогда не напивался — ему, наверное, ведро надо, чтобы напиться), а когда уезжал, я у него спрашивала:

— Деньги на дорогу есть?

— Надо посмотреть...

Ну, значит, надо дать. И так пять лет, а велика ли зарплата? Я тогда в регистратуре поликлиники работала — 80 рублей, еще уборщицей подрядилась, но денег не видела.

Однажды он пригласил меня и мою подружку (она с его знакомым встречалась) в ресторан. Не была никогда, да и вести себя там не умею, но уговорили — пошла. Просидели там весь вечер вчетвером, а когда пришло время расплачиваться, мы с приятельницей переглядываемся: «Интересно, у них хватит рассчитаться?» По нашим подсчетам, астрономическая сумма, хотя мы с ней только пригубили (наливка или настойка?) «Золотую осень», съели по салату «Столичный» (который я очень люблю), по мороженому, и все. Наши кавалеры к нам обращаются:

— У вас деньги есть?

— Мы это предвидели,— говорит подружка, а мне шепчет.— Давай раскошеливаться, чтоб не опозориться.

Счет был страшный, и я хотела проверить, а она мне:

— Не вздумай. Тут не положено.

После этого я под каким-то предлогом поссорилась и разорвала со своим. Вот тут бы и остановиться, но... встретились нос к носу в метро через несколько месяцев, и опять все поехало — видно, так Богу надо.

Как-то он мне сказал, что потерял казенные деньги (сумма порядочная), убедил меня, что самое большее через месяц отдаст, и я заняла для него у знакомых. Мне люди верили, тем более расписку дала.

Во-о-от. Наступает время деньги вернуть, а его нет. Я знала, где он жил, иду. А как вызвать? Останавливаю мужчину на улице: «Слушайте, я заплачу, позовите из такой-то квартиры...» У меня, наверное, было очень расстроенное лицо. Когда мой-то меня увидел, он, пожалуй что, опупел:

— Пойдем куда-нибудь быстрей.

Я уже поняла, что денег не увижу, но говорю:

— Мне нужно долг отдать.

— У меня нет.

Развернулась, ушла. Останавливал он меня, не останавливал — все... для меня он умер... вот в ту секунду... все.

Ну, чего дальше-то делать? О, Боже мой! Вот уж я голову поломала. Решила последний раз с ним встретиться — что же мне, вешаться теперь? Нашла его на даче, поздоровалась, говорю: «Ты подумай».— А он знаете что сказал? Не дай Бог никому в жизни услышать: «Ты на что рассчитывала? За любовь надо платить».

Сейчас бы я ему плюнула в морду, и все, а тогда мне впервые в жизни дурно стало, в прямом смысле: ничего не помню... упала... все... отключилась. Сколько я была в таком шоке? Уже стемнело (он меня в теплицу затащил):

— Заночуешь?

А я ему:

— Нет. У тебя — нет.

Пошла к соседу, я его знала:

— Можно остаться? Утром уеду.

— О чем разговор. Вон времянка, а я в доме.

Мой уехал на попутке, а сосед ночью с любовью полез: «Он мне велел с тобой не церемониться». На всю жизнь осталось для меня загадкой: была фраза эта роковая сказана, или сосед придумал? Вот. Стала ему говорить, что ко мне сейчас и не положено прикасаться, а мое боковое зрение уловило на печечке кувалду, как потом оказалось, 16-килограммовую. Он мне: «Сейчас вот стукну головой об стенку и отправлю в подвал отдыхать»,— сильно пьяный был. А времянка метров пять, и я эту кувалду в горячке, одним махом... такой жердина, а я маленькая... и попала в висок... и сразу рухнул мужик... и сразу насмерть... Когда увидела струйку крови из носа, вот тут я пришла в себя, и меня стало рвать почему-то. Просидела перед ним не знаю сколько, врать не буду. У него пачка сигарет лежала — я впервые в жизни закурила, и всю эту пачку без остановки и выкурила. Я курю не взатяг, обратили внимание? Мать у меня старообрядка была, если б узнала, что дочь курит, в гробу бы перевернулась.

Так. Теперь слушайте! Я его отправила туда, куда он меня хотел: открыла погреб и столкнула. Две недели я никому ничего не говорила, только приятельнице: «Меня посадят. (Она-то думала, что за деньги.) Меня посадят очень скоро, позаботься о сыне. Его лучше отвезти к отцу, а тот, если не женился, найдет, куда деть». Так. Я две недели не спала, не ела, дошла до ручки, мне уже галлюцинации стали мерещиться — не выдержала и сдалась. Из автомата позвонила в милицию: «Моя фамилия такая-то. Я совершила убийство. Никто о нем не знает». В считанные секунды подъехали. Отвезли в ближайшее отделение. Дала показания. Арестовали. Камера захлопнулась. Все.

Самое тяжелое было то, что он мне снился, этот убитый мной, почти год, пока меня сокамерницы не научили: «Помяни его. Вечером только».

Ну, что? На суде мой был в качестве свидетеля. Сказал, что я, ну... малознакомая ему женщина. Хотите — обвиняйте меня, хотите — нет, но я ему подлянку сделала. Чисто случайно как-то слышала, что он со своим двоюродным братом украл контейнер с дефицитным стройматериалом для дачи. Я обращаюсь к судьям и говорю:

— Прошу дать перерыв суду и вызвать сюда службу ОБХСС.

Уже в зону прислали запрос: могут ли меня в качестве свидетеля этапировать на суд. Сразу сказала: «Нет, не поеду». Потому что я уже работала и втянулась в те условия, если можно так сказать — втянулась. Там у меня была одна задача: сохранить в себе хоть что-то человеческое. Материться, правда, сразу

научилась, там без этого нельзя, и на второй день подралась, причем первая в рожу дала, чтоб больше не приставали.

Я попала в ту волну (1980 год.— **А. Б.**), когда долго не было амнистии и зона переполнилась. Представляете: 150 женщин в одной секции спят в три яруса. Тут, знаете, до бесконечности можно рассказывать. Тоска! Проще там бабам легкого поведения, те могли и с конвойными переспать. Но что меня особенно поражало, так это страшный беспредел. Гомосексуализм.

Нет, не лесбиянство — этих презирали... Кто за мужчину — называется Кобёл, за женщину — Ковырялка. Может быть, и имеет право на жизнь (я в одном журнале статью в защиту читала, мол, в Швеции не запрещено), но это так погано. Иной раз драки были какие из-за ревности. А трудились как? Меня сразу назначили нарядчицей, так иной раз чуть ли не тычками на работу девчонок гонишь. Смене по закону положено в 5.30 утра начинаться. План не тянут, вот и поднимали в три ночи, попробуй не пойди. Вывод строем на получасовой обед, и обратно в цех до двух часов дня. Потом другая смена работает до часу ночи. Машины отдыхают два часа, и снова бабы идут. Тут еще что! Ежедневный политчас — хочешь не хочешь, нравится не нравится, а брежневскую конституцию вдоль и поперек. Ну, засыпаешь на ходу: спать нельзя, подымайся, слушай стоя! Это не потому, что администрация там плохая была, нет — РЕЖИМ. В обязательном порядке два часа в день субботник — кирпичи носили. Сегодня от этого забора к тому, а завтра наоборот. Другой работы не было, а по РЕЖИМУ положено. Эта бессмыслица, знаете, как она губит? Говорим: «Давайте, мы будем делать то, от чего польза есть». Допустим, если б мы носили дрова, которыми отапливались. В помещении зимой + 7, не больше. Постирать есть где, а просушить — только на себе. Промочишь ноги в кирзачах, поставишь сапоги у батареи, придут контролеры, в окно выкинут: «Сушить в секции не положено». А где? Холодно, сыро — две пары чулок, двое трусов — все. Последний только год рейтузы разрешили иметь. Если заболеешь, какая бы температура ни была, больничный давали на один день. Можно поправиться за одни сутки? Нет. Только самых тяжелых клали в санчасть, ну а если уж совсем дошла, отправляли с надзирателем в областной центр. Правда, лично я в зоне не болела, но два года подряд снился сон: бегу от машины, и мне не убежать — руки-ноги отказывают. Здесь уже дало о себе знать, когда одномоментно они онемели, я этот сон вспомнила.

А чувство голода? Я же не лошадь — не могу сразу положенные мне 600 граммов хлеба съесть, у меня желудок съежился, а выносить из столовой не положено. Мы куда его только не прятали, чуть ли не в штаны, чтобы ночью съесть. Я в самодеятельности занималась и в новогодние праздники все Бабой Ягой наряжалась, да такой, что меня администрация подарками награждала. Что значит получить на 9 рублей продуктов, когда нас за 11 рублей весь месяц кормили? Вот у меня ставка нарядчицы была 80 рублей, но половина всей зарплаты шла ХОЗЯИНУ (государству.— **А. Б.**), а с оставшихся денег вычитают: за обмундирование, за питание, за... черта в ступе. Останется рубль, два, три — переводят на твой лицевой счет, и если нет нарушений, разрешают отовариваться в ларьке на 7 рублей в месяц (я вычитала в каком-то журнале, что теперь на 25 рублей. Наверное, потому, что все подорожало), а там: махорка, маргарин, сухари, конфеты «подушечки» (мы называли их «уцененная белочка», сейчас в зоне, наверное, нет) и, в последний год моего срока, иногда пакеты молока привозили — хватали их как ошалелые. По режиму положена пачка чая в месяц. Я теперь вспоминаю и думаю: вот дожили, на воле та же норма.

В колонии нарядчица первое лицо, помощник администрации, к тому же я имела одни поощрения, и заключенные удивлялись, почему меня на УДО (условно-досрочное освобождение.— **А. Б.**) не представляют. Только за месяц до окончания срока замполит мне сказал: «Я почему-то считал, что тебе сидеть очень много». А чего считать, когда у него картотека перед глазами?

Недели за три до моего освобождения приехал в зону директор совхоза искать доярку, ферма была на грани закрытия. Я говорю:

— Если научите, поеду. У меня сын, жилье дадите?

— Дадим, но неблагоустроенное.

— Плевать, годится, приеду.

За сутки до освобождения дают вещи привести в порядок. Гляжу: у меня пальто кримпленовое — не мнется, а платье слежалось. По разрешению администрации я себе сшила кофту из белых хлопчатобумажных носовых платков и юбку. В тюрьме платья почему-то очень короткие носят, извините, по одно место — ко мне это не привилось. Я знаю, что мне идет чуть ниже колена. Никогда не красилась, не выглядела вульгарной. Оделась, причесалась — не было видно, что я из тюрьмы. Идет женщина, откуда и куда — кто знает.

29 мая 1985 года освободилась. Сразу телеграмму сыну дала, потом в привокзальный буфет. Взяла три стакана кофе и много-много пирожков. И еще купила пачку сахара — пока шесть часов поездом ехала, всю сгрызла — так сладкого хотелось. Денег-то у меня было всего 60 рублей, я их тратить боялась, не знала, что дальше будет.

В совхозе меня приняли с распростертыми объятиями. Они были поражены, что я час в час приехала. Сколько ни договаривались до меня, никто не приезжал. В первый же день прописали, на второй прошла медосмотр, и уже вечером меня ждали коровы. И в деревне меня встретили тоже очень хорошо: яиц, сала, картошки, варенья нанесли. Три дня сына на станции встречала, да так и не встретила. Прихожу на ферму, плачу навзрыд, а мне говорят:

— Да вон какой-то парень идет.

— Нет, мой меньше.

Узнала только, когда вплотную подошел — так вырос. Его отец, мой второй муж, и месяца с ним не прожил, сдал в интернат, будучи сам не женат.

Всю жизнь хотела похудеть, даже в колонии полная была, а здесь что куда делось? В первое время уставала по-зверски, думала, не выдержу, плакала горючими слезами. Как перекидаешь 8 тонн силоса, вечером придешь домой, не только что есть-пить от усталости не можешь. Потом проснешься в два часа ночи, подойдешь к холодильнику, схватишь что-нибудь всухомятку... Я питаюсь, можно сказать что никак. Пока сын в армию не ушел, ела нормально. Он рюкзак возьмет, продукты нанесет, и готовить умеет, и пирожки печь. Каждый вечер меня встречал с работы: «Мама, все на столе».

Да, вот еще что. Я пришла становиться на учет в отделение милиции, а мне говорят:

— Не надо.

— Почему?

— На вас пришла отличная характеристика.

Больше я там не бывала. Если они сами ко мне приедут, спросят, не слыхала ли чего — знаю, подскажу. Причем делаю все громогласно, никакой мести не боюсь. Иной раз сама при всех на телефон сажусь: выезжайте, то-то и то-то. Баб своих сдавала два года назад за хулиганство — в открытую. Может быть, и злятся в душе, но не высказываются. Нас трое на ферме работает, все после отсидки. Старшая в общей сложности 30 лет в тюрьме провела. В первый раз в 14-летнем возрасте за кусок хлеба попала. Пьют сильно. Я иногда их вместе сведу, пьяных-то, возьму за шкирятник и говорю:

— Ну, что? Будете еще? А то сейчас стукну носами...

Не смотрите, что я маленькая — они меня побаиваются. А только так! Сами же и признают:

— Если б не держала нас, давным-давно опять бы в зону попали.

Вот так вот и живу здесь шестой год. У меня два года назад уже направление в больницу было на предмет получения инвалидности — руки почти не работают. Не поехала, жалеючи коров. Кому их оставишь? Мы ведь с четырех утра и до вечера работаем. Меня тут сватал один, а я говорю:

— Если бы даже молода была и мне нужен был мужчина, я бы и то глубоко подумала — выходить замуж или нет. Тогда надо с этой работы уходить, а я без коров уже не могу.

С детства интересуюсь политикой, и кто у власти, честное слово, того и буду защищать. Маленькой девочкой в деревне ходила на демонстрацию — с босыми ногами, а «Ура товарищу Сталину». Отец нас рано приучил газеты читать, очень хорошо помню заголовок: «Украсим Родину садами» и речи тов. Вышинского в ООН. Интересуетесь, как я раньше относилась к партии? При Хрущеве — изумительно. При Брежневе, когда начался «звездопад», я просто прозрела. Увидела, что книжно-газетные мои понятия и реальность не сопоставимы. Поклонницей Хрущева остаюсь до сих пор, а Брежнева не любила с первого дня и до последнего. Нас собрали всех в клубе (я еще в зоне была) смотреть его похороны по телевизору. Помните, гроб-то долбанулся? Я на весь зал сказала: «Так ему и надо! Бог не принимает». Все зашикали, что, мол, начальство здесь стоит, голос мой знают, но никто даже не шевельнулся. Просто-напросто думали, наверное, так же, как и я. Не переваривала его за неумение связать двух слов. Я вот к Рыжкову с большим уважением отношусь. Он, может быть, не сильный политик с точки зрения нашего времени, но мне нравится его манера говорить. Можете со мной не соглашаться — это мое мнение. И с большим уважением отношусь к Горбачеву. Уже хотя бы за то, что он до конца воз тянет. Думаете, ему легко? Да он, мне кажется, проклинает этот день, когда дал согласие, потому что жизни-то сейчас не видит. А как он постарел! Вы что думаете, его жене и ему самому доставляет удовольствие, что они все время на виду? Им простое человеческое счастье уже недоступно, а? У него, наверное, и ночью голова болит. Не завидую я политикам-то! Настоящим политикам. Только сейчас в политику лезут все. Ну, слушайте, нет что ли? Вы сильнее меня в споре, эрудированнее, что тут говорить, поэтому я не могу создать вам конкуренции, но помяните мое слово: если мы сейчас так бездумно все разрушим (а мы и так все порушили), останемся с одними забастовками, голодовками, пикетированием, так... с чем еще? черт его знает, с чем... с чрезвычайными положениями разными — не получится ли так, что кому-нибудь придется кликнуть клич:

— Вставайте, люди русские, объединяйтесь!

Ведь что раньше крестьянин-то делал? Он сначала дом строил, потом времянку разрушал, а мы наоборот. Так не бывает. Мы все идеалы разрушили. Слушайте, а ведь неплохо раньше было, когда, допустим, ехали в тот же колхоз на прополку и песни пели. И сколько их знали. А сейчас? Ну, молодежь знает эту поп-музыку, западную эстраду, а где то, что нам было исконно присуще? Вот меня что беспокоит. И забастовки эти сколько ущерба принесли, а что они дали? Ну ладно, давайте я буду бастовать, что у меня не было ни единого выходного за пять лет работы на ферме, зубы не могу вставить. Не выйду три дня на работу, коровы у меня все запустятся — их только на бойню вести. Кто от этого выиграет? Появится мясо где-нибудь на два-три дня, и все.

О вступлении в партию еще в прошлом году подумывала, смущало то, что у меня судимость. Я у секретаря совхозной парторганизации узнавала, есть ли такое положение, которое запрещает бывшим заключенным вступать в КПСС. Он навел справки и сказал, что сейчас не те времена. Ну, раньше сама бы не посмела, я ведь это понимаю. С людьми посоветовалась, с сыном — все одобрили. Подала в этом году заявление. На собрании, которое меня принимало, я предвидела вопрос: «Как ты можешь с такой биографией просить о вступлении в партию?». Готовилась ответить примерно так: «Свое я отработала в колонии. Ой, как отработала, не дай Бог, лямку какую тянула. И здесь я работаю: за доярку —

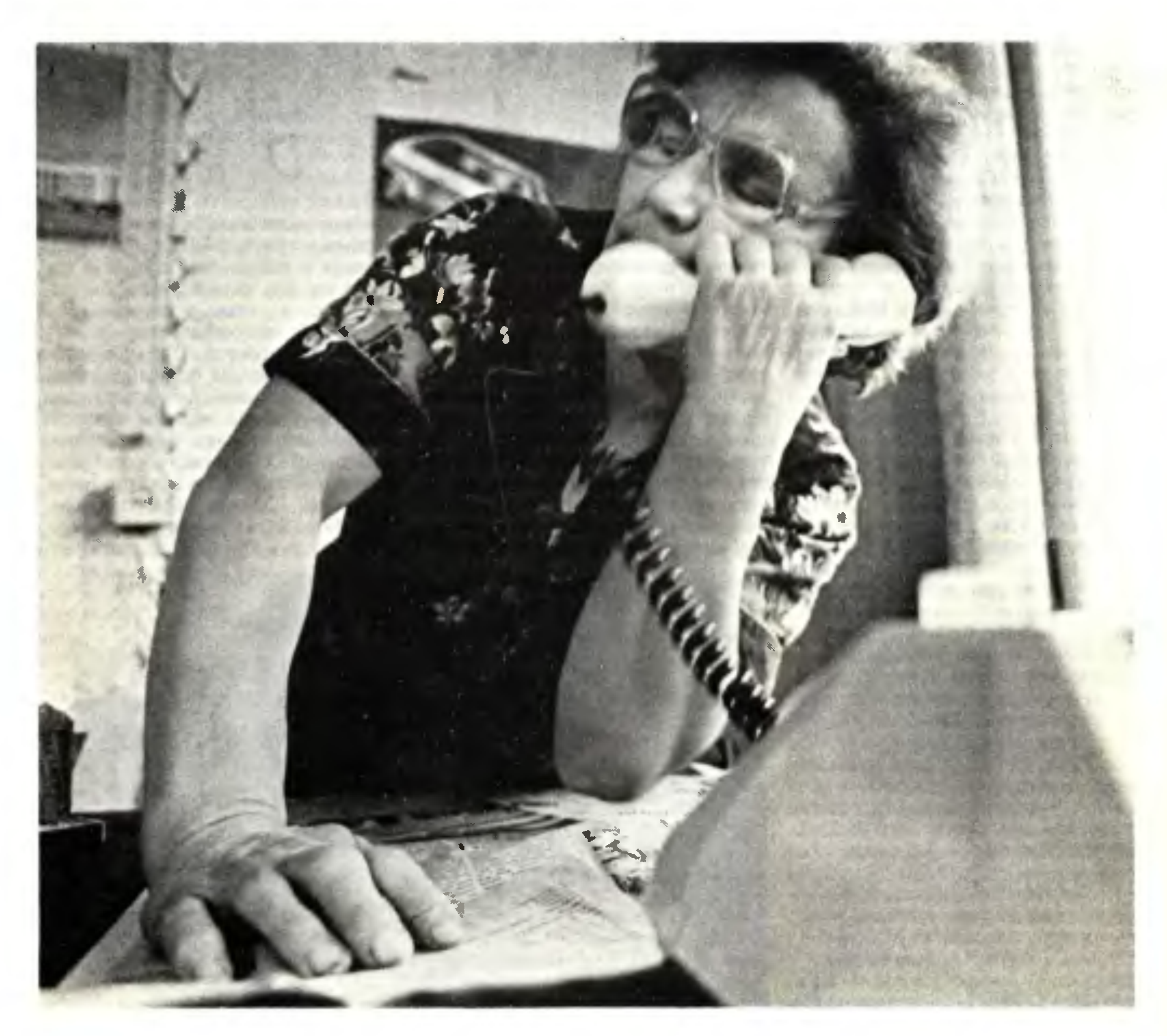

раз, за скотника — два, за зоотехника — три, за заведующую фермой — четыре, за воспитателя — пять». Еще депутат нашей деревни... Не спросили. Вопросы, правда, задавали. Такой, например: «Как вы оцениваете то, что перестройка идет, а в магазинах пусто?» Ну, ответила, как понимаю. Все единогласно проголосовали «за», сказали: «Давно пора!» Нет, давно было не пора.

Почему я за партию? Ну, давайте поставим ее на колени, давайте догробим, давайте все грехи на нее повесим, но... Ведь виноваты-то в общем масштабе единицы, ну, десятки, ну, пускай, тысячи, но остальная-то масса, она-то? Ведь слушайте: «Коммунисты, вперед!» — и они шли. Разве это только красивые слова были? «Ты коммунист, ты не имеешь права отказаться». Худо ли, плохо ли, а он шел. Он не хотел, а шел. Ну, так что это? Зачем же все валить на партию? Это поветрие. Помяните мое слово: надоест нам играть в демократию, надоест нам чесать языки, и перейдем на что-нибудь другое. А ведь может быть еще хуже! У нас в совхозе еще нет многопартийности, а где гарантия? Приедет какой-нибудь журналист из Москвы, как вы сегодня, убедительно поговорит, и мы решим создать новую партию. Не зеленых, так, может быть, синих, или розовых, может, еще каких, и... надо будет сеять, а мы пойдем митинговать. Переболеют нападками на партию, если сделать главное — любой ценой сохранить сильными первички. Сейчас мы еще какую-то силу представляем, а ведь удар по первичкам сделан большой. Кому-то по шапке надо дать, а я в Москве не бываю, так что не дотянуться. Это шутка, но дело в том, что умный человек знал бы, куда бить. Если у нас не будет освобожденного секретаря при нашей загруженности, мы самораспустимся.

Что думаю о своем будущем? Знаете, у меня сейчас такая форма раскрепощенности, которой я в своей жизни еще не знала. Пожить бы хотелось! Как это ни странно звучит — жить только сейчас начала. Вы знаете, деньги, конечно, зло, но без них очень плохо, а у меня теперь на сберкнижке — и к пенсии прибавка, и на смерть хватит (я уже на кладбище место присмотрела), и людям помогаю. По сто рублей без возврата давала — и не раз, и не два было. Потому что, когда я сюда приехала, мне помогли, меня поддержали. Пусть другие люди — это без разницы. На пенсию выйду, буду много-много читать, смотреть телевизор. Ну, и... конечно, очень хочу дождаться того дня, когда можно будет выспаться.

Костромская область,
декабрь 1990 года.

ЛЕОНИД МАХЛИС (ФРГ) *

МИССИЯ

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ Р. ВАЛЛЕНБЕРГА, НЕИЗВЕСТНЫЕ ДАЖЕ КГБ

В самом конце войны, уже испытывая первые приступы агонии, гитлеровцы не забывают о евреях. В мае 1944 года в Будапешт прибывает Адольф Эйхман, чтобы лично руководить операциями по окончательному решению этого вопроса. Когда Эйхману доложили об активности некоего Валленберга, эсэсовский эмиссар взревел: «Я прикажу расстрелять эту еврейскую собаку!» В декабре неизвестные протаранили машину Валленберга. К счастью, владельца в тот момент в ней не оказалось. Эйхман реагировал на неудачу оптимистически: «Ну что ж, попробуем снова». Эйхман не сумел выполнить обещание. Это сделали за него энкавэдэшники. После освобождения Будапешта советской армией Валленберг был арестован и вывезен на восток. Согласно официальной версии, он скончался на Лубянке в 1947 году от сердечного приступа. Тогда ему было 35 лет.

В последние годы печать уделяет больше внимания послевоенной судьбе Валленберга, чем периоду его деятельности по спасению евреев от преследований нацистами. Это вызвано тем, что в печать начали просачиваться косвенные свидетельства того, что Валленберг жив. Некоторые из этих свидетельств заслуживают внимания, другие носят откровенно спекулятивный характер.

Между тем несколько лет назад шведское правительство предало гласности ряд документов, находившихся все эти годы в секретных архивах. Среди них личная переписка Валленберга, его дипломатические доклады и другие. Так стало известно имя человека, который сыграл не последнюю роль в организации Валленберга. Этим помощником была молодая жена министра иностранных дел фашистского правительства Венгрии Габо Кемены. Мне довелось встретиться с баронессой Элизабет Кемены и получить ценную информацию, что называется, из первых рук. Ее рассказ, наряду с другими исследованиями, лег в основу этого очерка, который я предлагаю читателям «Родины».

15 октября 1944 года для евреев Будапешта означало конец иллюзий. Несмотря на присутствие в стране гитлеровских войск, о Венгрии все еще принято было думать как о независимом, свободном государстве. Хотя нацификация Венгрии шла уже несколько месяцев при пассивном сопротивлении престарелого адмирала без флота регента Хорти.

Незадолго до переворота Хорти собрал свое правительство. «Нас обвиняют в преступлении,— жаловался он,— которое заключается в том, что мы не хотим сотрудничать в решении еврейского вопроса. С Божьей помощью мы преодолеем это критическое время». Адмиралу не оставалось ничего другого, кроме как уповать на Всевышнего. В его окружении с каждым днем оставалось все меньше людей, для которых интересы Венгрии стояли выше интересов фюрера. Пост премьер-министра уже занял Дёме Стойяи, который много лет служил верой и правдой Третьему рейху в роли венгерского посланника в Берлине. Личный телохранитель Хорти Петер Хайн числился на действительной службе в гестапо... Не только числился, но и ревностно служил, снабжая Берлин ценной информацией о настроениях в королевском дворце. Награда не заставила долго ждать. Вскоре он был назначен главой собственного венгерского гестапо. Его «творческая лаборатория» обосновалась в подвалах элегантного отеля «Мажестик», с верхних этажей которого уже любовались чарующим видом на излучину Дуная оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман, 38-летний шеф еврейского отдела гестапо, и члены его «айнзатцкоммандо».

Около миллиона евреев, как венгерских, так и беженцев из Польши и Румынии (уже давно ставших к тому времени «юденфрай»), утратили не только свои гражданские права, но и право на существование. Почти все было готово в стране к массовой депортации евреев.

* Леонид Махлис — журналист, автор ряда публикаций на Западе о Рауле Валленберге. Родился в Москве. С 1971 г.— в эмиграции.

15 октября адмирал Хорти сделал последнюю отчаянную попытку объединить нацию. Он обратился по радио к соотечественникам со словами: «Мы не станем ареной войны для Третьего рейха. Мы решили повременить и со вступлением в войну против Советского Союза...»

Страна обезумела от счастья. Евреи высыпали из домов-убежищ и принялись срывать с себя желтые звезды. То тут, то там вспыхивали костры из сваленных в кучу ненавистных лоскутков. Венгерские солдаты уже кое-где начали раздавать оружие мужчинам из еврейских трудовых бригад.

Пока шло ликование, вокруг королевского дворца сжималось железное кольцо из четырех немецких дивизий. А к концу второго (в тот же день) выступления Хорти, зачитавшего по радио Декларацию о мире, в эфир ворвались уже хорошо знакомые маршевые ритмы «Хорста Весселя». Звуки песни вернули жителей венгерской столицы к реальности.

Нацисты легко овладели стратегическими пунктами города, проложив дорогу в Королевский Дворец уже давно дожидающимся своего звездного часа головорезам из «нилош»[1]. С этой минуты город принадлежал им.

Венгерским путчистам, зеленорубашечникам из «Скрещенных стрел», понадобилось всего две недели, чтобы отладить по эсэсовскому образцу машину расовой ненависти. Правда, под непосредственным наблюдением Эйхмана. Такое ответственное дело нельзя было полностью доверять новичкам. И без того уже достаточно повозились с упрямыми министрами регента Хорти. Подумать только — дошло ведь до того, что его министр внутренних дел Ференц Керештес-Фишер решительно заявил регенту о своем нежелании играть в расистские игры. «Я не позволю вывезти из города ни одного еврея!» — произнес он. И через несколько минут подал в отставку. Вскоре министру самому пришлось уйти в подполье. Его наследник — министр внутренних дел нового фашистского правительства Габор Война был напрочь лишен подобных сантиментов. Так же, как и его шеф, самозваный премьер-министр Ференц Салаши, Габор Война ненавидел всех социалистов и либералов, но больше всего досаждали ему евреи.

Нацистский путч 15 октября знаменовал собой больше, чем крушение еще одной европейской монархии. Он означал полное изъятие из обихода таких понятий, как законность и права личности... Новый режим объявил, что для него все евреи одинаковы. Это означало, что «охранные грамоты», которыми обеспечили многих из них посольства Швеции, Швейцарии, Ватикана и Португалии, теперь представляли собой не более, чем клочок бумаги. От слов Салаши перешел к делу. Уже на следующий день после захвата власти зеленорубашечниками около двухсот человек, не успевших сорвать с одежды желтые звезды, стали жертвами погромщиков. Сотни мужчин и женщин угодили в камеры новых инквизиторов. Нарушение приказа о ношении шестиконечных звезд каралось смертью. В городе росла паника. Люди метались в поисках безопасного убежища. Многие подкупали знакомых христиан в надежде получить укрытие. Тысячи евреев уже держали наготове фальшивые удостоверения личности, свидетельства о крещении, в котором едва просохшими чернилами были выведены старые венгерские имена — Сабо, Геза, Дьюла... Очевидцы рассказывали, что некоторые даже пытались выторговать у фашистов их униформы. Но ни форменные шинели, ни липовые документы не были достаточно надежным средством спасения.

По брусчатке будапештских мостовых потянулись нестройные колонны обреченных на депортацию и уничтожение мужчин, женщин, детей...

Баронесса Элизабет Кемены постепенно привыкала к своей новой роли первой леди. Шеф ее мужа — премьер-министр Ференц Салаши был вдов. Поэтому на государственных и дипломатических приемах первенство по праву доставалось жене министра иностранных дел барона Габора Кемены. 28-летней голубоглазой австрийской аристократке из древнего рода, давшего миру двух римских пап, такая «нагрузка» не была обузой, даже несмотря на ту неловкость, которую ей доставляла беременность. Элизабет Фукс Кемены свободно владела четырьмя европейскими языками. Гости почитали за честь заполучить ее в качестве партнера по бриджу.

Ее знакомство с таким же заметным представителем австро-венгерской аристократии, которое приключилось во время светской утехи — охоты в заповедных владениях барона, было нормальным, если не сказать хрестоматийным сюжетом. Габор Кемены был сентиментален. Его самыми сильными чувствами были любовь к чардашу и ненависть к большевикам. Что толкнуло барона на сближение с «нилош», где заправляли люди, от которых веками его предки были отгорожены сословными барьерами, с уверенностью сегодня сказать никто не может. Правда, это движение сулило молодому аристократу быстрое удовлетворение амбициозных запросов. В 31 год бывший журналист без какого бы то ни было политического опыта, идеалист и мечтатель Габор Кемены стал министром иностранных дел. Эта неразборчивость в средствах стоила барону жизни. Сразу после окончания войны Габор Кемены был арестован американцами в Южном Тироле и выдан венгерским властям. Вместе с другими членами правительства Салаши он был судим как военный преступник и повешен.

...Дойдя в своем рассказе до этой темы, баронесса Элизабет Кемены делает паузу, подносит к губам рюмку с горьковатым вермутом, но тут же снова отводит руку и продолжает, глядя мне прямо в глаза:

— Но он был не такой, как другие. Он не был антисемитом. Если бы его судили отдельно, а не в составе группы, он смог бы защитить себя. Но ему не дали этого шанса.

Баронесса держится с подчеркнутым достоинством. На мой вопрос, что заставило ее столько лет хранить молчание о своем знакомстве и сотрудничестве с человеком, чья судьба так волнует людей во всем мире, фрау Кемены говорит:

— Видите ли, если бы я раньше заговорила об этом, то многие восприняли бы это как сказку, которую я сама сочинила, чтобы обелить моего мужа после смерти. Теперь, после того как были рассекречены некоторые найденные в Швеции документы, в частности письмо Валленберга его матери, где он рассказывает обо мне, я этого больше не опасаюсь. Я слишком горда, чтобы давать повод для разных кривотолков и подозрений. Эти события медленно возвращались в мою память — ведь я столько лет старалась похоронить эти воспоминания и связанные с ними мысли. Меня очень злило, что некоторые из посвященных твердили, что я была любовницей Валленберга и только по этой причине ему помогала. Это все вздор. У меня был красивый муж, и к тому же я ждала рождения моего первого ребенка. Валленберг был мне просто другом и ничего больше. Некоторые утверждали, что я еврейка и инстинктивно стремилась помочь моим соплеменникам. И это неверно — я не еврейка, ни по происхождению, ни по вере. Я христианка.

— Что же в таком случае руководило вами? Как это все началось для вас, жены министра, католички, имевшей все основания в те дни сосредоточиться на личной жизни?

— Я руководствовалась только чувством гуманности и жалости к несчастным людям. Однажды — это было в самом конце октября 44-го года — я подошла к окну и увидела колонну гонимых евреев. Они не могли идти. Они тащились. Женщины, дети... У многих были перекинуты через плечо палки, к которым были подвязаны какие-то узлы (почему-то эти палки особенно запали в память). В колонне были дети. Много детей. На меня как на женщину это произвело впечатление. Эти крохотные существа, которых конвульсивно сжимали в своих руках взрослые, боясь потерять их. Чтобы они не убежали. Неизвестно, что с ними случилось бы тогда. Их охраняли двое вооруженных людей.

В тот же вечер я рассказала о своем впечатлении мужу.

— И вам удалось пробудить в нем аналогичные чувства? Ведь он был сентиментален, не так ли?

— Он уверял меня, что ничего не знает об участи евреев. В конце концов он был министром иностранных дел и ведал совсем другими вопросами. Но он обещал навести справки.

Габор Кемены сдержал слово. От него Элизабет впервые услышала хлесткое слово «депортация». Расшифровка истинного значения слова уже не требовала особого воображения. С этого момента мысли баронессы были заняты только одним — как помочь людям, которые — и это уже не оставляло сомнений — обречены на насильственную смерть.

— Но найти человека, который был бы готов мне содействовать, было чрезвычайно трудно,— продолжает баронесса.— Я никого не могла найти. Обращалась к женам министров, коллег моего мужа с просьбой сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь бедным людям. Они отказывались. Они боялись. То ли немцев, то ли СС, то ли «нилош» — я не знаю, чего именно. Я не могла наладить никакой организации. Я еще ничего не знала о существовании Валленберга.

Баронесса регулярно появлялась на дипломатических приемах. Как-то к ней приблизился молодой человек располагающей наружности. Отрекомендовался первым секретарем шведского посольства. Швеция и не думала признавать режим Салаши. Но шведский посол Даниельсон сопротивлялся настойчивым рекомендациям своего министра иностранных дел покинуть Будапешт вместе со всеми служащими.

Уже через несколько минут беседы Валленберг и баронесса обнаружили много общего. Элизабет подкупили его открытость и пренебрежение формальными манерами, что, как ей казалось, так необычно для дипломата. Не сговариваясь, как бы ища убежища от скрипучего немецкого акцента, заполнившего комнату, они перешли на английский, который, как выяснилось, оба любили. Быстро оценив предоставившуюся возможность и доверившись интуиции, Рауль Валленберг открылся хозяйке дома, рассказав все о «своих» евреях. Попутно он высказал все, что думал о политике режима в отношении этих людей. Наибольший гнев вызывал отказ нового правительства признавать «шутцпассы» — охранные грамоты, которые выдавало шведское и некоторые другие нейтральные посольства в Будапеште. «Без этих паспортов,— объяснил Валленберг,— я не могу содействовать их спасению. Их будут продолжать гнать на смерть. Я — дипломат. Чтобы действовать, я нуждаюсь в какой-то легальной базе. Я не могу заниматься таким делом подпольно». Эти слова, произнесенные с темпераментом, за которым угадывалось глубоко личное восприятие трагедии, вернули его собеседницу к тем смутным чувствам, которые она пережила за несколько дней до того.

— Я сначала ему не поверила,— продолжает баронесса.— Потом он начал приводить ко мне людей, которые нуждались в помощи... Я поняла, что это именно тот человек, который мне нужен. Хочешь не хочешь, а я должна была подключить моего мужа — без него я вообще ничего не могла сделать. Все, что я узнавала, я тут же сообщала Валленбергу, так как осознавала, что эта информация может быть полезна. Когда Валленберг оказывался в затруднительном положении и не знал, как действовать дальше, он приходил к мужу лично.

— Удалось ли вам добиться поддержки кого-нибудь из других членов правительства?

— Были в правительстве и другие люди, которые были чужды антисемитизма, но помочь они не решались. Боялись.— Баронесса посмотрела на меня в упор:— Вы знаете, что такое страх? — И тут же спохватилась:— Да что это я вас спрашиваю — ведь вы же жили в Советском Союзе. Страх — весьма значительный фактор человеческой жизни. Его очень трудно преодолеть. Если вы подвержены страху, вы уже не можете нормально мыслить. Страх перекрывает все.

— Как состоялась ваша следующая встреча?

— Он сам пришел ко мне через несколько дней. И был не один. Его сопровождал высокий мужчина. Незнакомец был изысканно одет, но лицо его было ужасно — глаза напоминали дольки перезрелой сливы, обе щеки пересекали кровоточащие рубцы. Рассказал, что его выволокли из дома и жестоко избили люди из «нилош». «Но за что?» — спросила я. «Я еврей»,— ответил он.

Мое сострадание к людям, которых он приводил, Валленберг усиливал рассказами об их судьбах. Я ничего тогда не знала. Где я могла это увидеть?.. В Южном Тироле, где жила до 1942 года, еще не было еврейской проблемы. Да и в Венгрии я тоже с ней не сталкивалась. Мой муж состоял в «нилош», но он не был евреененавистником. Этот вопрос никогда не обсуждался в нашем доме. Это пришло позже... В ноябре — декабре 44-го года. Когда немцы во главе с Эйхманом занялись депортацией. Евреев погнали пешком в Вену. Их было тысячи. Много тысяч. Многие гибли в пути, в основном женщины. Об этом узнал мой муж. Он не хотел мне рассказывать, так как я была беременна. Но я все же об этом узнала — то ли от Валленберга, то ли от кого-то другого — не помню. И тогда мой муж подал в отставку. Он подавал в отставку дважды. Ему отказывали, и он не мог настоять на своем.

— Как вы поддерживали связь с Валленбергом?

— У меня был телефон его компаньона Мюллера, еврея, владельца издательства. В его оффисе я иногда виделась с Валленбергом. Иногда мы встречались в ресторане. Но чаще всего мы обменивались информацией по телефону. Он знал, что я в любое время могу беспрепятственно связаться с мужем. В случае ЧП мой муж подключался немедленно. Иногда ему приходилось лично куда-то ехать. Моему мужу были открыты многие двери, недоступные Валленбергу.

— С какими конкретными просьбами обращался к вам Валленберг?

— В основном все крутилось вокруг «шутцпассов». Валленберг не был единственным, кто доставал людям эти документы. Этим занимались папский нунций Анджело Рота, старейшина дипломатического корпуса, шведский посол Даниельсон, швейцарский посол, фамилию которого не помню. Когда пришло к власти правительство Салаши, его первой акцией была отмена этих охранных грамот, что явилось трагедией для тысяч евреев. Новые паспорта больше не выдавались, а старые утратили свою силу.

Вскоре состоялось известное заседание правительства. Я знала,

[1] Венгерское название движения «Скрещенные стрелы».

что готовится это заседание специально по поводу «шутцпассов». За несколько часов до этого заседания я уговаривала мужа использовать свое положение для отмены решения.

Новое правительство было заинтересовано в международном признании, в том числе и со стороны нейтральных государств, посольства которых выдавали охранные грамоты. Здесь мой муж как министр иностранных дел мог оказать давление. Муж проявил скептицизм, сославшись на то, что он самый молодой член правительства и его влияние ограничено. И здесь я в первый (и в последний) раз пригрозила, что, если он не сделает все, от него зависящее, я оставлю его, уеду к матери в Мерано и больше не вернусь.

Это прозвучало как ультиматум. Чувствуя свою беспомощность, он потерял самообладание — резким движением смахнул со стола бесценный майсенский сервиз, подаренный нам к свадьбе, который тут же превратился в сотни черепков, вскочил, оттолкнув от себя дубовый стол, и со словами: «Ты предала меня!» — выбежал из комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Я еще подумала, если он так серьезно воспринял этот разговор, быть может, его злость поможет ему добиться желаемого...

В полночь я услышала по радио: Совет Министров решил разрешить каждому из посольства выдать по три тысячи «шутцпассов», что явилось признанием этих документов де-юре. Для меня количество выданных разрешений в данном случае играло второстепенную роль. Важно было, что их признали.

— А что сталось с обитателями так называемых «шведских домов»[1]?

— В постановлении правительства было выделено положение, в котором говорилось, что правительство обязуется уважать экстерриториальность всех зданий, на которых вывешен нейтральный флаг. Я думаю, эти люди спаслись. Они там жили, ели. У них была вода, свет. Там они чувствовали себя в безопасности[2]. Но в большом еврейском лагере, который разместился в синагоге, все обстояло иначе. Этим пришлось тяжело, так как никто не мог защитить их от жадного до еврейской крови министра внутренних дел Войны и его брата[3]. Там не было ни света, ни воды. Тем не менее Валленберг обратился непосредственно к Салаши, который дал разрешение оказать этим людям помощь.

— Как же немцы допустили принятие такого решения?

— Когда я убеждала мужа проявить настойчивость, то я не сомневалась, что Габор Война, его брат, стоявшие за ними Эйхман и компания будут противодействовать отмене расистского закона. Но даже Эйхман не мог полностью контролировать положение. Венгрия все-таки была суверенным государством со своим правительством. Хотя я уверена, что если бы не настойчивость моего мужа, то закон не прошел бы и Валленберг не смог осуществить все, что он сделал потом.

— Случалось ли вам лично встречаться с Эйхманом?

— Нет, никогда его не видела. Мне приходилось сталкиваться только с дипломатическими кругами. Я знала немецкого посла Визенмайера, других немецких дипломатов, журналистов. Но никогда не была знакома с эсэсовцами. Я была так занята. Каждый день бомбежки. Налеты советских самолетов. Еще страшней были налеты англичан. Люди стремились к эвакуации. И мне приходилось доставать для них паспорта и визы. Я не знаю, кто из них был еврей и кто нет. Часто я делала это через Визенмайера. Однажды он передал через кого-то моему мужу требование запретить мне каждый день к нему бегать.

Жалоба немецкого посла вызвала у молодого барона новую вспышку гнева. На этот раз она длилась, однако, недолго. Зато его жена начала открыто игнорировать приглашения нацистов. Она избегала визитов к Салаши, которого считала тупым фанатиком. Свою беременность выставляла в качестве извинительной причины отказа. Этим же обстоятельством она объяснила и свой отказ посетить Берхтесгаден по приглашению гитлеровского министра иностранных дел фон Риббентропа.

Ее единственным другом стал Валленберг. Она радовалась, когда удавалось веселой шуткой отвлечь его от повседневных забот. Им было легко друг с другом. Очень много похожего было в их воспитании, вкусах, даже в воспоминаниях о довоенной жизни. И еще... Он так походил на ее мужа. Оба были пылкими идеалистами, с той лишь разницей, что служили противоположным идеалам.

— Он был очень состоятельный человек из весьма богатой семьи,— продолжает свой рассказ баронесса фон Кемены.— Учился в Париже, в Америке. Я полагаю, что он был привыкшим к беззаботной жизни. Поэтому миссия, с которой он прибыл в Будапешт, была нелегким грузом... Он владел венгерским, но тем не менее это была чудовищная задача — помогать людям в чужой стране, да еще переполненной немцами. У него попросту не оставалось времени ни для чего другого. Но он умело вел это дело. Он моментально наладил связи с людьми Хорти. Но его задача осложнилась в октябре, когда пришло новое правительство. «Скрещенные стрелы» стали серьезным препятствием его миссии — и тогда он нашел нас.

— Не рассказывал ли вам Валленберг об источниках своего вдохновения? Источниках своей преданности миссии, которая была на него возложена?

— Нет, я только знала, что представители американских еврейских организаций прибыли в Швецию, чтобы найти подходящего человека для этой цели. Чтобы спасти евреев в Венгрии, они решили действовать через нейтральную Швецию. Почему они не искали таких людей в Швейцарии, не знаю. Но полагаю, что Валленберг сам нашел контакт с этими людьми. У него в то время были деловые отношения с евреями в Палестине. Ему случалось и самому там бывать. Да, я думаю, что он сам предложил свои услуги. Для этого он должен был поступить на дипломатическую службу и отправиться в Венгрию. Он был превосходным организатором. В процессе он развил в себе такие качества, которых у него раньше не было. Он буквально врос в свою миссию... Столько людей нуждалось в помощи, что просто удивительно, как он справлялся с работой.

— Были ли у него другие помощники?

— Да, ему постоянно помогал его шофер. Он исчез после прихода русских вместе с Валленбергом. Ему помогали многие коллеги по дипломатической службе. Он создал целый штаб. На него работали почти две сотни человек. Среди его людей было много венгров, через которых он организовывал грузовики для доставки продовольствия евреям, укрывающимся в его домах. Ему нередко приходилось давать венграм обещание, что их помощь не будет поводом для наказания со стороны

[1] После того как Валленберг был лишен возможности переправлять евреев в Швецию, их единственным убежищем оставались дома, которые он скупал на свои деньги в Будапеште.

[2] 8 января 1945 г. группа фашистов ворвалась в «шведский дом» на улице Йокаи, 1, где жили 280 евреев. Только 13 человек спаслись.

[3] Эрно Война в этот период возглавлял «Скрещенные стрелы».

русских, к приходу которых люди уже готовились. (Ирония судьбы — кто, как ни сам Валленберг, больше всех нуждался в такой гарантии! — **Л. М.**) Но многие венгры сами высказывали готовность помочь, так как понимали, что этим несчастным людям больше неоткуда ждать помощи.

Я допускаю, что некоторые делали это исключительно ради денег. Надо сказать, что на евреях зарабатывали все, кому не лень. Мне рассказывал об этом муж. Я страшно злилась, когда узнавала, что этим несчастным приходилось отдавать последние украшения, чтобы получить желанный «шутцпасс».

— Кстати, баронесса, коль скоро мы коснулись этой неприятной темы. В советских публикациях, когда речь заходит о судьбе венгерских евреев, часто встречается тезис о том, что усилия отдельных людей и организаций, направленные на спасение еврейских жизней, касались, якобы, только **богатых** евреев, которые могли заплатить за свое освобождение. Что вы знаете о принципах, которыми руководствовался Рауль Валленберг? Как практически он находил своих подопечных?

— Это неправда. Ко мне приходили люди, которым я давала записку на своем именном бланке и говорила, к кому следует обратиться. Обычно я и муж отправляли их к Валленбергу. Если человек сам приходил в посольство, ему это не стоило ни копейки. Но попасть в посольство Швеции или к папскому нунцию было не так просто. Некоторые посредничали в этом деле. Среди них находились такие, которые брали деньги за услугу. О Валленберге шла молва. От него люди узнавали о новых мерах в отношении евреев. Немцы постоянно комплектовали транспорты. И вдруг люди, которые были назначены к депортации, загадочно исчезали. Когда он узнавал что-либо, он сам начинал охотиться за ними, гнался за этими людьми буквально со списками в руках. На основании этих списков он оформлял «шутцпассы». Были случаи, когда он уже с готовыми «шутцпассами» направлялся прямо на вокзал к вагонам, уже загруженным евреями. Находил тех, кого надо, незаметно передавал им свеженькие паспорта. После этого подходил к эсэсовским чинам и требовал освободить этих людей.

— И его не смущало, что такая активность, мягко говоря, несколько выходит за пределы его официальных полномочий, мало вяжется с дипломатическим статусом?

— Да, с точки зрения дипломатической этики, это был прямой обман. Его шеф, посол Даниельсон, профессиональный дипломат высокого ранга, только качал головой, наблюдая происходящее. Валленберг был неистощим на выдумку. Он уже давно забыл, что такое дипломатическая этика. Цена не играла роли. Главное — спасти людей. Тем более что был уже конец войны и ему было все равно. Окажись он другим — спасти удалось бы едва ли половину.

— Может, он просто в азарте забывал о риске?

— Валленберг был абсолютно бесстрашным. Он был рыцарем. Он был смел, как крестоносец, который шел освобождать Святую Землю.

Спасение евреев так захватило Валленберга, что в нем развились качества, которыми он, как мне казалось, не обладал раньше, о которых не подозревали даже родные.

Когда Салаши понял, что за всей этой суетой вокруг евреев стоит Валленберг, он был вне себя от ярости. И меня не удивляет, что дипломатов хотели ликвидировать.

В начале декабря врач посоветовал баронессе как можно быстрей уехать, хотя бы на короткое время, из города ночных кошмаров и провести оставшиеся до родов шесть недель в более спокойном месте. Она уже сидела в снаряженном для дальнего переезда служебном «мерседесе» мужа, когда к машине подбежал человек, лицо которого было полностью скрыто огромным букетом роз. Валленберг выглядел печальным. Он знал, что теряет верного союзника и друга.

— Вы были для меня большой поддержкой,— сказал он.— Мне будет вас очень не хватать.

Когда «мерседес», эскортируемый двумя военными машинами с солдатами Вермахта, тронулся, Валленберг дотянулся до руки баронессы со словами: «Если с вами что-нибудь случится, я буду хлопотать за вас и ребенка перед Коллонтай».

Последнее имя ни о чем не говорило ей. Откуда баронессе было знать, что Александра Коллонтай, близкая соратница Ленина, в то время являлась советским послом в Швеции, весьма влиятельной фигурой в шведской столице и дружна с матерью дипломата.

Позднее, когда сам Валленберг попал в беду и больше чем кто-либо нуждался в помощи прославленной революционерки, этой помощи он так и не дождался.

БЕЛАЯ СТЕНА

«Блаженны нищие духом»,— сказал Христос. Может быть, это про нас, самозабвенно уничтожающих собственные духовные вершины, взрывающих храмы своей веры, замазывающих краской шедевры живописи в доставшихся нам «по случаю» дворцах, возведенных великими зодчими?.. Еще было сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь». Может, наши вожди свято следовали именно этому постулату в своем стремлении низвести каждого до уровня «средней массы», тщательно оберегая нас от всякого знания — будь то свои корни, история, культура или наука?.. Так белая стена стала самым дорогим для советского чиновника и самым привычным для советского человека. Еще немного — и наши души тоже постепенно превратились бы в гладкую белую стену, без единого пятнышка краски.

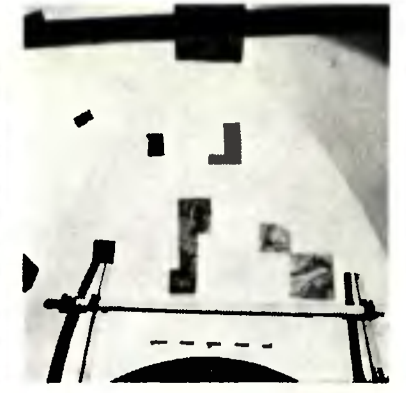

Мало кто знает, каким был Исторический музей вначале. Гордый и непокорный российский двуглавый орел смотрел с высокой кровли на Кремль, геральдические львы и единороги расположились ниже... Внутри музея — в вестибюле (иначе Парадные Сени) — уникальная роспись бригады академика Ф. Г. Торопова создавала атмосферу почти храмовую: в центре композиции изображение «Родословного древа Государей Российских» с портретами князей, царей и императоров от Св. Ольги до Александра III. Царствующие персоны находились в окружении гербов русских земель, названия которых входят в титул царей и императоров России. Музей был открыт в день коронации Александра III, 15 мая 1883 года.

Новая власть, конечно же, не могла позволить, чтобы в центре Москвы оставался памятник, в котором так мощно звучала идея самодержавия. И в августе 1935 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) принимают решение: к 7 ноября снять скульптурные изображения орлов с Кремля и Исторического музея, которых вместе со львами и единорогами, отправили на переплавку. Лишь отдельные экземпляры «диковинных» зверей попали в отдел металла ГИМа как образчик занятий наших, не имеющих классового подхода, предков. Но полностью прекрасные росписи внутри музея, напоминающие многоцветный праздничный сад под лазоревым небом, были уничтожены в 1937 году. «Родословное древо...» было закрашено толстым слоем красок. В то же время замечательный архитектор А. К. Буров разработал новую концепцию ГИМа и, как следствие ее,— белый навесной потолок, закрывающий удивительную орнаментальную роспись в кабинете Председателя музея. Так ГИМ превратился в знакомое нам сумрачное казенное помещение с громадными, ничем не оправданными размерами.

В 1976 году, основательно подзабыв, чтó именно прежде старательно закрасили, решили сделать пробную расчистку. Но, увидев проступившие сквозь краску царские мантии, поспешно закрасили их вновь.

Прошли годы, наступило новое время... В 1986 году в ГИМе лопнули трубы сантехники — начался ремонт. И вот — спасибо перестройке! — директор музея, много лет бывший противником раскрытия живописи, стал ее сторонником. Реставрировать музей пригласили бригаду А. М. Замощина, успешно сделавшую перед тем усадьбу Охотниковых (бывшая гимназия Л. Поливанова) на Кропоткинской, 32 и Купеческое собрание (театр Ленинского комсомола) на Чехова, 6.

Александр Михайлович признается:

— Самостоятельно в ГИМ ни один реставратор бы не пошел: 900 м^2 живописи! Это же немыслимо! Обычно реставраторы работают на гораздо меньших площадях.

Началась работа. И начались неприятности. В программе «Время» вдруг объявляют, что через два года музей откроет двери. Какое там через два! Там и пятилетки мало. Одновременно в здании идет ремонт. У Замощина дома хранится ящик сточенных скальпелей — каждый из них надо было найти и купить самому. Буфета реставраторам организовать не могли — кормились захваченными из дома бутербродами. Рядом финны, восстанавливающие «Метрополь», не только питались вольготно, но имели даже сауну. К тому же в галереях Парадных Сеней ГИМа какая-то дьявольская конфигурация распределения воздуха — его невозможно выгнать из-под сводов. У людей началась аллергия, стали выпадать волосы, зубы... У Замощина бригада не 5 человек, как обычно, а 20. С одним-то художником намучаешься. Здесь же — двадцать! И — комиссии. Одна за другой. Каждый

шаг надо согласовывать.

— Реставрация,— говорит Замощин,— это непрерывный процесс осложнений и выпутывания из них.

Действительно, многие уникальные приспособления были придуманы реставраторами во время работы в музее. Они готовы поделиться, рассказать, дать чертежи... Но, кажется, это никого не интересует.

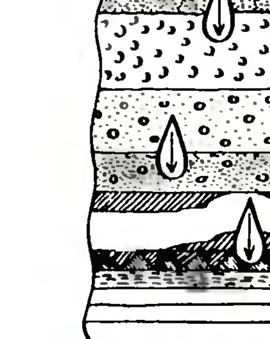
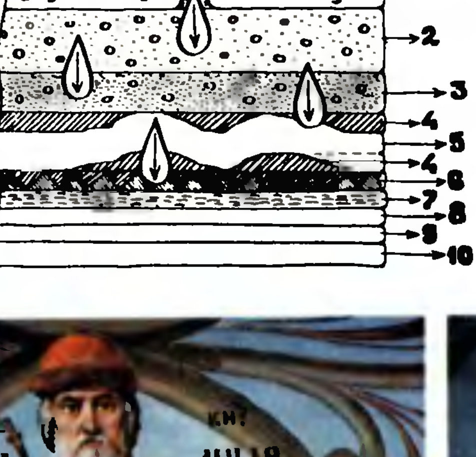
Были и радости. У кого-то из-под толстых слоев краски вдруг появилась нога, рука, глаз... А у кого-то из-под расчистки ничего не появилось — из 68 портретов древа Государей Российских 18-ти просто не было. Они исчезли в 1937 году. Шесть нашли в хранилищах ИЗО музея — покореженные, искромсанные... Они валялись там в буквальном смысле слова. Остальные пришлось восстанавливать. Новый виток работы — копание в архивах, анализ иконографии, поиски фотографий и негативов...

Музей появлялся вновь, как алмаз, выходящий из рук талантливого ювелира, освобождающего душу камня и заставляющего ее играть каждой отшлифованной им гранью. Но... Слишком часто из-за нашей всеобщей халатности кропотливая работа реставраторов оказывается бессмысленной. Примеров тому множество.

После завершения бригадой Замощина усадьбы Охотниковых там протекла кровля. Александра Михайловича увезли в больницу с повышенным давлением.

Дом золотопромышленника Стахеева (теперь Центральный Дом детей железнодорожников) на Новой Басманной, 14, в 1973 году был отреставрирован В. В. Романовой. Протекла крыша — удивительная работа кисти Клавдия Степанова на плафоне погибла вторично. Теперь там работает бригада Замощина. Крышу починили, но кое-как. Александр Михайлович говорит, что не перенесет, если и его работа погибнет.

Исторический музей расположен

на Красной площади. Во время военных парадов гусеничная техника создает вибрацию. После последнего — Замощин наблюдал отставание некоторых участков красочного слоя, который они незадолго до того по кусочкам укладывали на воскоканифольной мастике.

— Я никогда не воспринимал парад как личное горе до тех пор,— признается реставратор,— пока не поработал в ГИМе.

Реставрация — это не только постоянное преодоление трудностей. Это еще и полная анонимность. Они прямые наследники древнерусских летописцев, сказителей, иконописцев. Мы знаем зодчих, художников, многих мастеров, но вряд ли вспомним хоть одно имя человека, подвижнически возвращающего безрассудно утраченные нами ценности. Поэтому-то и хочется, чтобы читатели знали: за возрожденный шедевр они должны быть благодарны А. М. Замощину, В. Жукову, М. Левину, Е. Савельевой и др. Беззаветно помогали мастерам, придумывали вместе с бригадой новые приспособления, консультировали их корифеи отечественной реставрации — В. В. Филатов, Л. М. Колтунова, В. П. Титов, В. М. Шипилов, В. В. Романова, И. А. Кулешова.

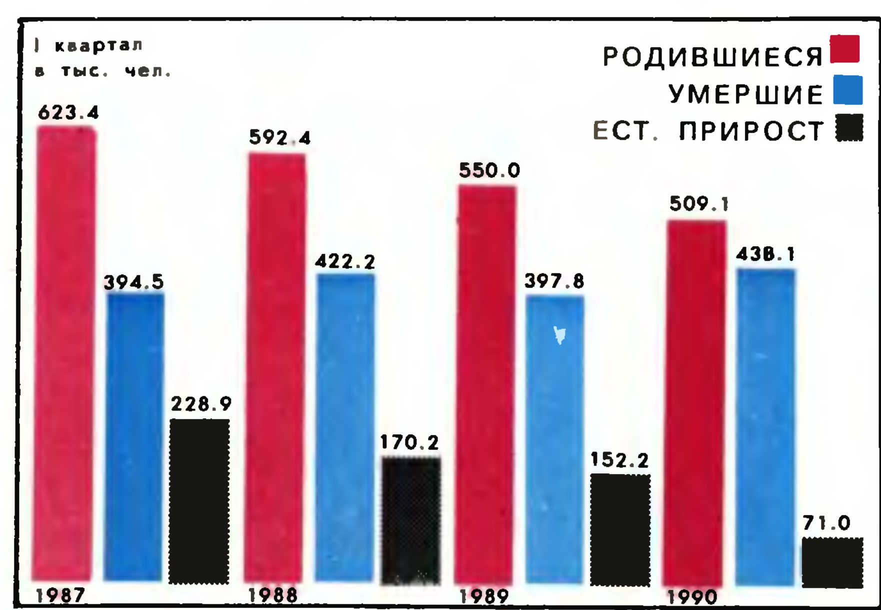
...У корня древа Государей Российских стоят Владимир Мономах и княгиня Ольга. Они обильно поливают это древо водой, чтобы цвело и росло оно, и в красе своей и в доблести радовало мир. Древо это — не только роды Рюриковичей и Романовых. Это — сама Россия, помнящая истоки свои, берегущая их. Чем больше корней, тем крепче и сильней дерево. Обрубим их — останется белая стенка. Но тогда уже навсегда.

ЕЛЕНА СКВОРЦОВА
МИХАИЛ КОРОЛЁВ *(фото)*

ЛЕОНИД РЫБАКОВСКИЙ,
доктор экономических наук

Гнезд здесь аисты не вьют,

жалеючи говорят в народе о доме без детей. Что же сказать о стране в целом, если, например, только в России прирост населения сейчас самый низкий за последние 45 лет и падает продолжительность жизни, растет смертность...

Естественный прирост населения РСФСР

Корр.: Леонид Леонидович, Сталин, приклеив ярлык «буржуазной» науки, демографию заодно с социологией и этнографией запретил на многие годы. Им же была признана «ущербной» перепись населения, проведенная в тридцать седьмом году... Но, судя по всему, подобным же было отношение к демографии в годы застоя?

Л. Р.: В то время «сильные мира сего» считали, что ученые должны ограничиваться только одной констатацией фактов и их апологетикой. Нередко прибегали и к манипуляциям с демографическими данными. Вот хотя бы такой пример. В качестве эксперта я присутствовал на заседании государственной комиссии, где вырабатывались рекомендации для кремлевских деятелей: что публиковать, а что «закрыть». Помню, военные были особенно активными, требовали засекретить данные о численности населения крупных экономических районов. Я стал возражать, сказал, что тогда нужно «закрыть» данные и по областям, так как, сложив их, легко подсчитать число проживающих в регионах. Меня одернули, кто-то сказал: «Не надо облегчать американским империалистам жизнь, пусть сами считают!» Военные настояли на том, чтобы «закрыть» число рождавшихся мальчиков опять-таки под предлогом, что, дескать, это информация для врагов — это, мол, наши будущие воинские контингенты... В результате ЦК и Совет Министров наложили запрет на всю демографическую информацию. В годы застоя ученые попали в идиотское положение. Публиковать правдивую информацию никто не мог. Скажем, такую — весьма тревожную: шло межнациональное брожение, уже в начале семидесятых годов начался отток русскоязычного населения из районов Закавказья и других мест. Вплоть до конца 1988 года данные по миграции населения скрывались от общества, а наши служебные записки, с которыми мы настойчиво обращались «наверх», попадали на столы инструкторов ЦК партии; те их «гладили», затем свою правку вносили партчиновники рангом повыше и так далее, пока записки не доходили до «первых» рук...

Корр.: И сегодня все тот же «метод»?

Л. Р.: Сегодня? Сегодня демографией спекулируют! Особенно когда хотят обвинить русский народ в том, что-де по его вине вырождались другие нации... Мне кажется, следует более взвешенно подходить к публикации демографических данных. В «Огоньке», например, со ссылкой на архивную переписку двух наших бывших соотечественников-эмигрантов Валентинова и Николаевского утверждалось, что в тридцать седьмом году с Дальнего Востока в районы Средней Азии и Казахстана было насильно переселено 3,5 миллиона корейцев и китайцев. Ну, во-первых, тогда все население Дальнего Востока, включая Читинскую область, составляло 2,5 миллиона; во-вторых, проживало в СССР тогда всего 210 тысяч корейцев и китайцев, да и сейчас их в Союзе 388 тысяч... Такие публикации дезинформируют общественное мнение. Представляю, какую реакцию вызвала эта статья в Китае и Корее...

Корр.: На протяжении трех десятилетий рождаемость в стране неуклонно снижается. Единственный и, увы, кратковременный «перерыв» пришелся на начало восьмидесятых, когда правительство субсидировало средства на помощь семьям с детьми.

Л. Р.: Чтобы читателям стал понятен этот феномен, поясню: увеличилось число родившихся в семьях вторыми и третьими. Люди хотели бы завести детей, но несколько позже, а тут правительство расщедрилось, и произошел как бы тайменный, временный, сдвиг. То есть поколение женщин, рожавших в разное время, стало рожать более или менее компактно, сжато. Демографическая волна вообще уникальное явление для мирного времени. Но как только эффект правительственной помощи иссяк, ро-

ждаемость тут же стала снижаться.

Корр.: Высокая рождаемость всегда во благо?

Л. Р.: Нам, казалось бы, только и радоваться каждому «всплеску» рождаемости. Однако зададимся вопросом: что ждет нового человека? Мы колоссально отстаем от большинства стран мира в снижении показателей младенческой смертности. Будь она у нас на уровне западноевропейских стран, только за последние двенадцать лет были бы сохранены жизни миллионам новорожденных. Но, допустим, сохранили, уберегли, и что? Мы знаем, как ухудшился сейчас социальный климат — нет продуктов питания, нет самого необходимого. По оценкам ВАСХНИЛ, в стране живут 60 миллионов «хронически недоедающих». Правительство снова спаивает народ, взвинчивает производство алкогольных напитков — в 1989 году рост на 21 процент! У нас рождается почти шесть процентов больных детей, в то время как в Финляндии — 0,5 процента. То есть мы формируем поколение таким же образом, как в голодные годы и во время войны.

Это будут дети ослабленные! Не иначе, как позорной, следует назвать цифру 32 — столько детишек из тысячи умирает в нашей стране, не достигнув пяти лет.

Корр.: Но в Америке тоже немало — 13...

Л. Р.: Не сравнивайте. В США разработан и успешно осуществляется национальный план защиты детства, чего, увы, нет у нас... Подсчитано: улучшить положение детей в беднейших странах мира можно, если к сегодняшним затратам на соответствующие программы добавить 2,5 миллиарда долларов. В СССР же тратят на водку по нескольку миллиардов рублей... ежемесячно.

Таким образом, демографическая волна, как ни печально, усложнила нашу жизнь. Практически родильные дома оказались неспособными справиться с возросшим числом родившихся. В результате цифра умерших непосредственно в родильных домах увеличилась в 1986 году по сравнению с 1980-м в 1,5 раза, в республиках Средней Азии — в 2 раза, в РСФСР — в 1,4 раза. Кроме всего, скачок рождаемости привел к дополнительному напряжению в социальной инфраструктуре общества. Детсады перегружены, через три — пять лет в школах снова придется вводить трехсменное обучение... Так что на ваш вопрос не только я, но и все мои коллеги ответят однозначно: пойти на непрерывное стимулирование рождаемости мы не можем — и денег нет, и вся инфраструктура не готова.

Корр.: В последнее время мы наконец-то начинаем усваивать, что нет народов больших и малых, значимых и незначимых. И все-таки применительно к русскому народу определение «большой» более чем подходит.

Л. Р.: Я бы остерегся от категорических утверждений. Динамика численности русских в РСФСР уступает многим народам союзных и автономных республик, но вместе с тем русское население все же растет, тогда как численность, например, татар, чувашей, мордвы, марийцев и некоторых других, проживающих в России, уменьшилась. Судьба этих народов в демографическом плане не менее драматична, чем собственно русских. Все население РСФСР на 1989 год составляло 147 миллионов, на долю русских приходилось 119,8, то есть почти 120 миллионов.

Корр.: Если учесть, что примерно еще 25 миллионов русских проживает в других республиках...

Л. Р.: Да, получается, безусловно, величина немалая. Но, образно говоря, не стать бы дереву сухим! То, что доля русских в составе населения уменьшается,— чрезвычайно настораживающая тенденция. Поневоле задумаешься, не преследует ли нас рок...

В стране за послевоенное время было проведено четыре переписи: в 1959, 1970, 1979, 1989 годах. Национальный состав для каждой республики в этих переписях фиксировался. В 1970 году доля русских составляла 82,8 процента; в 1979-м — 82,6, но вот уже в 1989-м — 81,5. В чем же причины? Главная: рождаемость у русских ниже, чем у других народов, проживающих в РСФСР. 14,6 промиле, или родившихся на тысячу населения, у русских, у украинцев этот показатель — 16,9, у белорусов — 17,5, у немцев — 20,9, у азербайджанцев — 25, у казахов — 25,9. Практически в полтора раза ниже показатель рождаемости у русских, чем у других народов!

Корр.: А чем объяснить, Леонид Леонидович, скажем, высокий показатель у казахов?

Л. Р.: Установки на рождение детей разные. Казахи у себя в республике имеют более высокие показатели рождаемости. Переезжают жить в Россию, рождаемость у них снижается, но все равно остается выше, чем у русских. Примечательно, что русские, проживающие в Узбекистане, по рождаемости уступают узбекам, но она у них все равно выше, нежели у нас с вами.

Вторая немаловажная причина уменьшения доли русских — это угрожающе высокие показатели смертности: в РСФСР умирает младенцев в возрасте до одного года 17 на тысячу родившихся. На Украине — 12,9; в Белоруссии — 11,9; в прибалтийских республиках — 11. Сравните: в Финляндии — 5, в Японии — 6. Смертность взрослого русского населения составляла 19 на тысячу родившихся, у татар — 17, у белорусов и немцев — 12. Тревожные цифры!

Корр.: Если все так, почему же не бьем в колокола?

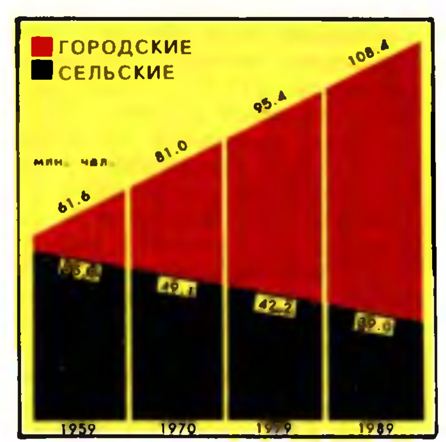
Л. Р.: Скорее всего мы заворожены тем фактом, что нас все-таки немало. Впрочем, мне думается, нас с вами могут неправильно понять, почему мы говорим только о русских. В сложнейшей демографической ситуации вся Россия. Прирост населения в РСФСР сейчас самый низкий за последние сорок пять лет. Идет вымирание в сельской местности — умирает больше, чем рождается. Во всех районах Дальнего Востока отсутствует расширенное воспроизводство населения. Говорю об этом с болью, так как сам уроженец Приморья...

Данные Госкомстата РСФСР достаточно красноречивы. Повсеместное ухудшение показателей воспроизводства. Кроме того, теряем людей из-за несчастных случаев, пьянства, преступлений... На 27 территориях, где проживает сорок процентов всего населения России, число умерших превысило число родившихся. При этом превышение числа умерших над числом родившихся в Новгородской, Тверской, Тамбовской областях составило 40, Псковской — 35, Ивановской, Московской, Ярославской, Горьковской, Воронежской, Курской областях и в Москве — от 25 до 20 процентов.

Корр.: Ваш институт[1] проводил социологическое обследование в Волгоградской, Ивановской, Тверской, Псковской областях. Представляю, с какой тревогой вы оттуда возвращались.

Л. Р.: Российская деревня... Идет самый настоящий открытый процесс депопуляции. Очень многие деревни — это 5—7 домов, и там две-три семьи сверхпенсионного возраста. За неимением хлеба и муки люди пекут какие-то странные серые лепешки... Я подготовил для вашего журнала динамику городского и сельского населения РСФСР:

[1] Институт социологии АН СССР, где Л. Л. Рыбаковский заведует отделом социальной демографии.— Ред.

Динамика городского и сельского населения РСФСР

Она свидетельствует, что численность сельского населения начиная с семидесятого года сократилась с 49,1 миллиона до 39 миллионов. Эксперименты, которые мы проводили с сельским хозяйством, по существу, добили село. Молодые люди по-прежнему покидают деревню. Этот миграционный отток молодежи из сельской местности и начавшееся снижение рождаемости вновь ускорили процесс старения населения. В ряде областей Центральной России доля жителей старше шестидесяти превышает 33 процента. Средний возраст крестьянок — 48 лет... И мы еще надеемся, что их руками сможем поднять сельское хозяйство!

Не менее сложная демографическая ситуация складывается и в городах. Население здесь растет главным образом за счет миграции: естественный прирост, как правило, низкий. Городское население стареет. Возьмите хотя бы Москву. Столица имеет крайне низкие показатели естественного прироста. Население Москвы давно бы стало сокращаться, если бы не было притока мигрантов...

Из-за того, что нет воспроизводства населения — не обеспечивается даже простое замещение поколений! — уже в скором времени республика будет зависеть от притока рабочей силы извне. Отдав другим республикам цвет своего народа, сегодня Россия может рассчитывать главным образом на приток низкоквалифицированной рабочей силы. Исключение составляет лишь русскоязычное население прибалтийских республик, на добровольное привлечение которого в РСФСР можно было бы направить определенные усилия.

Корр.: Увы, обострение межнациональных отношений началось не сегодня и не вчера, а как это влияло на миграционные процессы?

Л. Р.: Как я уже говорил, были «закрыты» все данные по миграции. За пределы Средней Азии выезжали лица некоренных национальностей, в основном славяноязычные. Об этом свидетельствует уменьшение за 1979—1989 годы общей численности русских, проживающих во всех среднеазиатских республиках, а также украинцев из Киргизии и Туркмении.

Корр.: Скрытое бегство, как вы выразились?

Л. Р.: Оно наблюдалось еще в шестидесятые годы в Закавказье. Между 1970-м и 1979-м годами значительно сократилась численность русских в Азербайджане и Грузии. Перепись населения 1989 года отразила также подспудный отток русскоязычного населения из Армении, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана. Параллельно с этим по тем или иным причинам покидали родные места и переезжали в Россию армяне, молдаване и другие. Численность киргизов и таджиков, переехавших в Россию в 1979—1988 годах, выросла в 1,7 раза, узбеков и туркменов — в 2,8 раза. Это переселение быстро нарастает, что также влияет на уменьшение доли русского населения. Молдаван, скажем, в 1979 году в РСФСР проживало около ста тысяч, в 1989-м — уже 172 тысячи, армян насчитывалось 314 тысяч, стало более полумиллиона, азербайджанцев было 152 тысячи, по переписи 1989 года увеличение в два с лишним раза...

Корр.: И, видимо, растет число смешанных браков?

Л. Р.: Такой тенденции не наблюдается. Переехавшие в Россию предпочитают национальные браки.

Корр.: Что даст переезд или, говоря жестко, вынужденное возвращение нескольких миллионов в Россию? Увеличит долю русских?

Л. Р.: Да, в течение трех—пяти лет, затем динамика снова пойдет на снижение — слишком уж устойчивы эти две составляющие: низкая рождаемость и высокая смертность.

Корр.: Стало быть, о приросте русских пока говорить рано. А кто же, интересно, в этом смысле впереди?

Л. Р.: По РСФСР наиболее высокие темпы воспроизводства населения с 1979 по 1989 год за ингушами — 29,6 процента, тувинцами — 24,6 процента, бурятами — 19,3 процента, калмыками — 18,4 процента. Если по Союзу, то это, безусловно, население Средней Азии. Расчет производил демограф Александр Александрович Авдеев. Его прогноз сводится к тому, что в ближайшие тридцать лет население Средней Азии удвоится, только население Узбекистана к 2020 году превысит 50 миллионов, и в целом в XXI веке, вероятно, утроится. То есть произойдут коренные сдвиги в этнической карте Союза. Я не могу сейчас даже представить, к каким это может привести последствиям — политическим, социальным, экономическим,— если сохранится напряжение в межнациональных отношениях. Остается одно — рассчитывать, что наша страна станет более цивилизованной, и тогда проблема наций не будет играть значительной политической и социальной роли.

Острейшая социальная проблема последнего времени — проблема беженцев.

Корр.: В Москве начало работу, помимо республиканских комитетов беженцев, Управление по миграции и переселению граждан, организованное в системе Госкомтруда СССР. Вынужденных мигрантов регистрируют, оказывают материальную помощь...

Л. Р.: Материальная помощь! Каждый получает из резервного фонда Совета Министров пособие в 100 рублей и до 200 рублей на приобретение одежды и обуви... Да это же милостыня! Зарегистрировали, выдали энную сумму, а дальнейшее зависит от самого беженца. Однако, похоже, Верховный Совет СССР даже боится приступить к обсуждению этого вопроса — не дай-то Бог появятся новые потоки беженцев... Необходимо немедленно создать миграционную службу, единый переселенческий госкомитет. Вероятно, в РСФСР в первую очередь, ибо действительно никакими запретами и политическими уловками не остановить движение переселения в Россию.

По нашему мнению, необходимо срочно создавать российские научные подразделения. Уходя вперед, давать информацию о том, что ожидает Россию... За страстью политической борьбы мы забываем, что есть глобальные, долголетние, генеральные цели....

Пятнадцать лет в рамках Института социологии АН СССР функционирует наш отдел, занимающийся наряду с фундаментальными исследованиями проблемами демографического развития РСФСР. Мы могли бы помочь российскому парламенту, если на базе отдела создать научный коллектив, который готовил бы для Верховного Совета РСФСР доклады о демографической ситуации в республике, а также материалы по наиболее острым и проблемным вопросам демографического развития России.

Может, стоит подумать об этом?

Беседу вел
ДМИТРИЙ ВАРСКИЙ

ОЖОГ

ОХ, ЭТИ СТРАННЫЕ ЯПОНЦЫ! ОНИ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЛЮБЯТ РУССКИХ ДЕТЕЙ, ДО КОТОРЫХ НАМ САМИМ НЕТ ДЕЛА...

На снимке: в аэропорту Хабаровска. Фото В. Кузнецова

Костя капризничал, приводя фоторепортеров в смятение. В надежде запечатлеть-таки счастливую Костину улыбку они снова и снова заигрывали с трехлетним героем дня. Увы, нелегкое дело — поднимать настроение в коммунальной спертости Хабаровской таможни. Костя капризничал, родители нервничали, репортеры мельтешили; лишь попутчики-японцы, прилетевшие тем же рейсом из Ниигаты, сохраняли природную сдержанность. Да и те, осмотревшись в разноязыкой толчее, уверенно потянулись цепочкой к Скоропышным и принялись под шумок одаривать малыша — кто игрушкой, кто конфетой, кто баночкой «кока-колы». «Кось-тья»,— ласково шептали японцы, светясь от радости. А он все хныкал, сахалинский мальчик Костя, заставивший в продолжение трех месяцев плакать, молиться, надеяться, сострадать всю сверхрациональную и супертехнологичную державу.

— Все лето в общежитии не было воды. В тот вечер кипятили ее в ведре, а я готовила ужин за занавеской. Вдруг слышу: «Мама, ты меня не ругай». Поворачиваюсь — он мокрый. Схватила его за футболку (он в футболке и шортах был), а она горячая. Я давай снимать — и вместе с кожей...

Я не знаю, что заставило Костиного отца прямо на улице схватить за руку незнакомого японца. Смертельная безысходность? Мальчик, обваренный на три четверти тела, шестые сутки умирал в городской больнице. Отец и мать подранками кружили по городу. Все еще верили в чудо — но в нем отказывали даже всемогущие экстрасенсы. Искали валюту, чтоб купить в Японии чудодейственную искусственную кожу,— но кто поможет?

Я не знаю, что такого особенного увидел шофер Игорь Скоропышный в глазах коммерсанта Яманаки, совершавшего променад по Южно-Сахалинску. Но они объяснились — путано, с помощью добровольных переводчиков — прямо на улице. Было 26 августа, четыре часа пополудни, а в шесть часов Яманака сообщил Игорю о своем телефонном разговоре с губернатором Хоккайдо. И о том, что тот разрешил Скоропышным безвизовый въезд в страну.

От сахалинского мыса Крильон до побережья Хоккайдо по прямой 40 километров.

Все, что было потом, обыденно. И вертолетная посадка прямо на крыше больницы в Саппоро. И шесть блестяще выполненных операций, спасших малыша. И даже беспрецедентная волна нежности, разлившаяся по Японским островам. Все остальное обыденно, потому что вторично. Сначала были потухшие, затравленные глаза на шумной и такой пустой одновременно улице. И другие, раскосые, встречные, что не скользнули мимо. Глаза нашли друг друга — и это тоже, согласитесь, немалое таинство нынешнего времени. Выходит, глаза способны заключить договор, который правительства не могут подписать почти полвека?

А японские пассажиры рейса Ниигата — Хабаровск все несут и несут мальчишке подарки. Уж, кажется, лопнет от них сейчас большая дорожная сумка. Но этого кажется мало: на бетонку аэродрома выгружают из самолета еще и громадный контейнер, тоже набитый всякой всячиной для Кости.

Наверное, думалось мне, уровень сердечности зависит от уровня жизни и богатым легче творить добро. Возможно, сотни тысяч японцев, что собирали иены на лечение Кости, ни в чем не знают нужды. Может быть, господин Каватарэ из Токио, присылавший мальчику каждые два дня русские книжки,— преуспевающий бизнесмен. И 91-летний старик, приковылявший в больницу с полной корзинкой фруктов, бабулька, приехавшая на инвалидной коляске, чтоб вручить Косте связку журавликов,— видимо, их безбедную старость обеспечили государство, дети и внуки. А старушка, собственноручно сшившая малышу кимоно,— не более не менее, как мающаяся от избытка свободного времени миллионерша?

Я же лично знаю состоятельных и даже очень зажиточных людей на Сахалине. И знаю также, что не только инвалютного рубля — теплой строчки не получили Скоропышные от земляков за три хоккайдских месяца. А в Хабаровске, официальные лица не удосужились подарить им хотя б букетик хризантем — всего-то за 10 «деревянных».

Наутро 24 ноября Скоропышные улетали в Южно-Сахалинск. Они потеряют там квартирную очередь, в которой стоят шесть лет: Талине придется уйти с работы для ухода за мальчиком. Они лишатся (надеюсь, временно) заработка отца, угодившего за эти месяцы под сокращение штатов. Они утратят многое из того, что имели, но...

Главное, они спасли, вернули к жизни сына.

И, возможно, кому-нибудь из нас — немножко стыда.

ИГОРЬ КОЦ,
наш соб. корр.
ноябрь 1990 г.

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ,
капитан 2-го ранга

С КРЕСТОМ — НА ПОЛЕ БРАНИ

Первую советскую ракетную атомную подводную лодку из-за частых пожаров, унесших десятки жизней моряков, на флоте прозвали «Хиросимой».
Печальный день устроил встречу этих трех людей. На панихиде по погибшим товарищам-подводникам они стояли вместе: нынешний командир подлодки капитан 1-го ранга О. Е. Адамов, первый ее командир капитан 1-го ранга запаса Н. В. Затеев и его преемник, капитан 1-го ранга запаса В. А. Ваганов.

Фото В. ТЕСЕЛКИНА

Генерал А. А. Брусилов в своих воспоминаниях писал о том, что «за год войны обученная, регулярная армия исчезла; ее заменила армия, состоявшая из неучей. Только высокие боевые качества начальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее. Более чем в каких-либо войсках в данном случае можно было сказать: «Каков поп, таков и приход». Впрочем, в тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой».

(Н. Яковлев. «1 августа 1914»).

Герои-священники были и на суше, и на море. 16 октября 1914 года у мыса Херсонес минный заградитель «Прут» принял неравный бой с германским линейным крейсером «Гебен». И только получив разрешение от командующего флотом на затопление минного заградителя, экипаж покинул корабль. Минный офицер лейтенант Рогусский, пожертвовав собой, подорвал заряд в трюме, чтобы «Прут» быстрее затонул. Судовой священник отец Антоний во время боя находился, как и требовал того устав, «при болящих и раненых».

Спасшимся на кругах и в шлюпках морякам открылась страшная картина: среди пламени и дыма на кренящейся палубе уходящего под воду корабля стоял высокий, седой, в полном облачении, семидесятилетний батюшка. Он закончил исповедовать умирающих и намеревался разделить их участь. Широким крестным знамением пастырь осенил качающиеся на воде шлюпки, затем искореженную сталь вокруг себя.

Посмертно судовой священник иеромонах отец Антоний был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В той истории, которую мы учили в школе, а затем в институте, не было места человеку, носившему рясу священника. Тем более в советской военной истории не могло быть и слова о положительной роли военного духовенства России. Хотя до начала девятнадцатого века все военное духовенство в порядке управления не отделялось от епархиального по месту расположения тех воинских частей, при ко орых оно служило, и находилось в ведении местной епархиальной власти, о нем нигде, за редким исключением, не упоминалось.

Что же дала армии более чем вековая история военного духовенства?

Идея создания отдельного военно-духовного управления была поддержана широкими массами военных. Ведь поражение в Крымской войне 1853—1856 годов показало не только техническую отсталость России, но и высочайший дух русского воинства. Комиссия, образованная из представителей духовного и военного ведомств, выработала проект «Положения об управлении церквами и духовенством военного ведомства», который после всестороннего обсуждения и пересмотра со стороны Святейшего Синода и военного ведомства был доложен Александру III. 12 июня 1890 года этот проект был Высочайше утвержден с изданием 9 марта 1892 года штатов управления протопресвитера военного и морского духовенства.

Соединение двух раздельно до того существовавших управлений воедино со средоточением в одних руках заведования всеми церквами и духовенством военного и морского ведомств представляет собой существенное нововведение. Прежде начальствовавшие над военным и морским духовенством лица назывались оберсвященниками, потом главными священниками гвардии и гренадер армии и флота. В новом положении начальствующее лицо названо «протопресвитером военного и морского духовенства».

Объединение военной церковной власти способствовало сближению не только военного духовенства с епархиальным, но и военнослужащих с гражданским населением. До сих пор величественно стоят в Ленинграде Всей Гвардии Спасо-Преображенский и Свято-Троицкий воинские соборы.

Статья 54 «Положения...» гласит: «Военные священники, по долгу своего звания, обязаны вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным».

Протоиерей одного из гусарских полков Павел Овчинников, человек без всякого состояния, к тому же обремененный большим семейством, настолько любил помогать бедствующим и болящим от ран воинам, что делил с ними стол, одежду и последние деньги. Солдаты называли его не иначе как отцом и утешителем. Когда он умирал, то на вопрос жены: «С чем оставляешь ты меня и детей?» — ответил: «С надеждою на Господа Бога; ты не была голодна при мне, не будешь и без меня».

Каждая военная церковь непременно участвовала посильными пожертвованиями в пользу Общества попечения о бедных. В журнале «Вестник Военного Духовенства» регулярно публиковались отчеты с точностью до копейки о расходовании средств Обществом. А шли они на содержание богаделен, приютов, женского духовного училища, выплату стипендий и пособий для учащихся и т. д.

Обязанность полкового священника во время сражений неотлучно быть при войсках требовала от него чрезвычайного самоотвержения. Он должен был собственным примером поддерживать в военнослужащих непоколебимую храбрость и героизм. Понимая важность такого воодушевления, военные священники безропотно переносили тяжести походной жизни, бестрепетно ходили со своими частями на штурмы, напутствовали больных и умирающих под неприятельскими пулями и снарядами, терпели раны, заключение в плену и саму смерть. Таких духовных героев было множество, но по свойственному им смирению их подвиги не известны из литературы.

В турецкую войну начала XIX века от ран и болезней погибло около тридцати полковых священников, в Отечественную войну 1812 года — более сорока.

В сражениях при Малоярославце и Витебске отличился священник 19-го Егерского полка Васильевский. Неся перед воинами впереди крест, в первом сражении он был ранен в голову, во втором получил тяжелую рану, однако поле боя не оставил. За подвиги он был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

В 1829 году в Балканских горах сражался отряд генерала Рота. Священник 31-го Егерского полка Петр Евламов, во время боя раненный в правое плечо ружейной пулей, в левое — кинжалом, в голову — пикой и в левый бок — тремя штыками, только тогда и был взят турками в плен.

В обороне Севастополя особо отличился военный протоиерей Михаил Стефанович Альбов. Отец Михаил принимал участие во всех боях вместе с Углицким Егерским полком. Во время обстрелов города он безотлучно находился на бастионах, исполняя свои пастырские обязанности. Военные подвиги отца Михаила были отмечены одной из самых высоких наград духовенства — золотым наперсным крестом. За годы службы он был награжден орденами: Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами, Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Высокий моральный дух воинства издавна определялся душевным состоянием каждого воина. Более семидесяти лет мы не задумывались о душе, а проявляли заботу лишь о политико-моральном состоянии военнослужащего. Но к чему, например, может призвать курсанта плакат с названием «Звериный оскал империализма»? Думается, куда большую пользу принесло бы знакомство с картиной ныне забытого художника И. Владимирова «Священник Щербаковский ведет солдат в атаку».

Священник 11-го стрелкового полка отец Щербаковский в сражении под Ялу 18 апреля 1904 года после того, как были убиты все командиры, с крестом в руках, в полном облачении, поднял в атаку остатки полка, которые отбили сопку и дали возможность двум дивизиям выйти из окружения. Израненный, он не покинул поля боля и был взят в плен. Японцы, узнавшие о его подвиге, с почестями вернули Щербаковского на родину.

Только в 1916 году 46 представителей военного духовенства были представлены к высоким боевым наградам. За три года войны на фронтах искалечено и погибло более 4,5 тысячи священнослужителей.

Много было светлых и славных страниц в истории военного духовенства с момента его образования, но подвиг — это вершина духовного состояния человека. К этой вершине военные священники шли сами и вели свою паству трудами праведными каждодневно, самоотверженно и скромно.

На братском собрании военного духовенства 6 февраля 1890 года «вменено было всем военным священникам в обязанность ежегодно представлять в канцелярию протопресвитера одну проповедь и одну внеслужебную беседу». Небольшой перечень бесед дает возможность определить, что волновало духовных наставников русского воинства в то время: «Беседа о том, как старослужащие солдаты должны вести себя с новобранцами»; «Достойная полного подражания отеческая заботливость командира лейб-гвардии Семеновского полка о нижних чинах, увольняемых по болезни в запас»; «Нежелательные явления в обыденной и служебной деятельности среди военного духовенства, указанные господином офицером»...

Сила пастырей русского воинства того времени заключалась в ориентации не на абстрактные «народные массы», а на каждого человека, на обращение к его личности. Тяга к Вере — это тяга к вечным моральным ценностям.

К числу немаловажных героико-патриотических мер военного начальства того времени следует отнести приказ генерал-лейтенанта Батьянова по 23-й пехотной дивизии о том, чтобы во время нахождения полков в Петербурге «были показаны нижним чинам святыни и военные достопримечательности столицы, как-то: икона Спаса Нерукотворного в доме Петра Великого, чудотворная икона Божией Матери в часовне у Стеклянного завода, по Шлиссельбургскому шоссе, Исаакиевский собор, Казанский собор, в котором обратить внимание на могилу Кутузова и балюстраду, сделанную из серебра, отбитого казаками у французов в 1812 году, далее Петропавловский собор, Александро-Невскую Лавру, в которой покоятся мощи Св. Александра Невского и где находится могила Суворова, и Преображенский Всей Гвардии собор».

В 1904 году Святейший Синод указал «...сельским церквам на стенах своих прибить черные доски с переименованием погибших славною смертью на поле брани: «Вечная память погибшим и слава живым». В этом призыве заключалась суть религиозно-нравственного, патриотического воспитания воина.

В 1910 году по проекту архитектора М. М. Перетятковича на пожертвования граждан России был воздвигнут храм Спас-на-водах (Цусимская церковь) в Петербурге. На стенах его были укреплены памятные доски с поименным перечислением всех погибших в Цусимском сражении. В 1932 году храм взорвали. Но разве одни только камни искалечил, порушил этот взрыв?

Как же нам сегодня уберечь искры любви к Отече-

ству, когда каждый новый день развенчивает очередного «коммунистического святого», символы коммунистической веры превращаются в тлен?.. Давно пора в Вооруженных Силах перейти от политработы к духовно-нравственному воспитанию воина-защитника, как это делалось в русской армии. Внебогослужебные беседы, вечерние религиозно-нравственные чтения проводились военными священниками регулярно и были обращены к каждому воину.

И с «дедовщиной» в те годы боролись отнюдь не с помощью кнута. Примеров грубых издевательств над молодыми солдатами история не донесла, но такие случаи, как пьянство среди старослужащих, возложение трудов житейских на новобранцев, были. Однако, в отличие от некоторых наших командиров и политработников, которые пытаются искоренять подобные явления только угрозами, обещаниями посадить «на всю катушку», священники действовали иначе.

Строевой командир, замечавший «неуставные отношения», обращался к батюшке, а тот в своих беседах старался увещевать старослужащего, объяснить постыдность поступка и на библейских примерах обращался к совести и достоинству его. Более того, он превращал таких солдат в своих помощников: они избирались старостами, пели в церковном хоре.

В «Беседе о том, как старослужащие солдаты должны вести себя с новобранцами», говорилось: «Не должно православному воину порядочно вести себя только на службе, а после службы, как вздумается... Новобранец должен ощущать заботу и в слове и в деле».

Военное духовенство обучало солдат грамоте, попечительствовало над библиотеками, заботилось об их постоянном пополнении.

Михаил Иванович Драгомиров, российский генерал, военный теоретик, исследователь и пропагандист полководческого искусства Суворова, особо отмечал христианское человеколюбие, которое передал Александр Васильевич своим ученикам. Не только генералам и маршалам, но и солдатам. Суворов любил повторять: «Христолюбивое воинство...»

Офицеры из Общества ревнителей военных знаний в своем журнале «Офицерская жизнь» № 4 за 1913 год обращались к собратьям по оружию: «Мы русские, с нами Бог!» — сказал Суворов. «Мы православные,— скажем мы,— и вопросы нашей веры должны нас интересовать не менее вопросов тактики и стратегии».

Во славу отечества

В один из майских дней прошлого года пограничный сторожевой корабль «Волга» Камчатского пограничного округа бросил якорь в американском порту Сан-Франциско. Вскоре по его палубе беззаботно разгуливали толпы веселых, никогда не унывающих американцев. Был среди них и молодой симпатичный мужчина в рясе — настоятель Свято-Николаевского кафедрального собора Русской Православной церкви в Сан-Франциско протоиерей Владимир (в миру Владимир Евгеньевич Верига).

Русский батюшка сразу же расположил к себе и матросов, и офицеров особой мягкостью и доброжелательностью, а главное — великолепным знанием русской военной истории. Как-никак — кандидат богословских наук, выходец из семьи русского военного.

«А что,— предложил отец Владимир,— если я совершу чин освящения вашего корабля?» После некоторого раздумья команда одобрила эту идею. И вскоре стояли матросы, офицеры, обнажив головы под кропилом русского священника, вдыхая незнакомый запах ладана, благоговейно внимая молитве: «Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, по водам ногама яко по суху, ходивый... буре же ветрены запретивый и морским утешится волнам повелевый... в корабли сим плыти изволи, всякий противный ветер и бурю утоляя, воздвигни же изрядные и благовременные ветры ко благополучному плаванию... Здорово и весело... возвратитеся благоизволи. Твою богатую и неистощимую благодать... даруя и корабль цел и невредим соблюдая...»

Было бы легкомысленно полагать, что неверующие матросы и офицеры после свершения процедуры сразу же обретут истинную веру. Зачем же в таком случае батюшка совершал обряд? Этот вопрос мы задали ему в Москве, куда протоиерей Владимир прибыл в отпуск.

— Я просто воспользовался редкой, если хотите, уникальной возможностью сказать советским морякам о том, что они наследники величайшей истории великой морской державы,— ответил отец Владимир.

МИХАИЛ ЗАХАРЧУК
ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ

ЗЕМЛЯ В ПАКИСТАНЕ — КАМЕНЬ...

Перед вами все, что осталось от человека — Игоря Суслова.

Табличка с номером в куче земли на тюремном кладбище чужой и непонятной страны Пакистан. Эту могилу никто никогда не навестит... Хотя Суслов и бомж, в далеком Чульмане у него остались мать и брат. Когда к ним пришли и сказали, сколько и чего они должны заплатить за то, чтобы похоронить Игоря в родной земле, они, конечно, отказались.

Вы помните дерзкий, отчаянный побег одиннадцати якутских заключенных на ТУ-154 через половину земного шара? Да, опять мы после Чернобыля, Руста, «Боинга» удивили мир своим бедламом: мировые корифеи детектива умерли бы за своими письменными столами, но такого лихого сюжета ввек бы не измыслили.

Одиннадцать советских заключенных добровольно поменяли советскую тюрьму на пакистанскую (об ужасах которой ходят легенды), поменяли 6—15 лет тюрьмы у нас на пожизненное заключение или смертную казнь у них — ради чего?

ЮРИЙ ГЕЙКО
Карачи — Москва

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ,
инженер-строитель

ТАЕЖНЫЙ ПРОСВЕТ

КАК Я ЕЗДИЛ К АГАФЬЕ ЛЫКОВОЙ

После выхода девятого номера «Родины», в котором мы познакомили читателей с новым изданием — старообрядческим журналом «Церковь», многие наши подписчики обратились в редакцию с просьбой продолжить публикацию путевых очерков А. Лебедева «Таежный просвет. Как я ездил к Агафье Лыковой». С любезного разрешения редакции старообрядческого журнала «Церковь» предлагаем вашему вниманию вторую часть очерков.

Их автор — Александр Лебедев — работает в Старообрядческой Митрополии Московской и всея Руси в должности инженера-строителя. За перо взялся впервые, после того как по поручению владыки Алимпия отправился на берега таежной речки Еринат, к Агафье Лыковой — старообрядческой подвижнице,— единственной оставшейся в живых из семьи отшельников. Но найти Агафью оказалось делом трудным. По ее «горячим следам» автору пришлось немало поколесить по тайге. Этому необычному путешествию, встречам с таежными старообрядцами была посвящена первая часть очерков. И вот наконец встреча состоялась...

ВСТРЕЧА

Наступило утро 10 августа. Прошло почти две недели, как я отправился из Москвы искать Агафью. Срок, отведенный Митрополитом для моей командировки, кончается завтра, а я не достиг еще своей цели. Здесь, в тайге, трудно осуществляются заранее разработанные планы. Как бы мне не «загулять» сверх всякой меры.

Единственное, что вселяет оптимизм,— это постоянные «горячие» следы пребывания Агафьи. И они становятся все «горячее». Есть надежда, что еще один воздушный бросок через горы к берегу Большого Абакана, и мы настигнем ее.

Каир, куда мы прилетели вертолетом,— это пятнадцать домиков геологов да две буровые. Пассажиры нашего вертолета тоже геологи. Выгружаются они долго — много рюкзаков. Мы же, не теряя времени, торопимся к поселку. Здесь ли Агафья? Да вот она сама идет нам навстречу — спешит к вертолету! Лев Степанович, Эльвира Викторовна, Николай Петрович — вся наша маленькая экспедиция — подбегают к ней. Все рады встрече. Я же стою несколько в стороне. Разглядываю Агафью. Одета она просто: на голове платок темного цвета, длинный, до пят, сарафан, на ногах — домотканые сапожки с калошами. В руках — лестовка, узелок да берестяной туесок.

Но надо поторапливаться к вертолету. Погода портится, машине нужно еще успеть вернуться в Таштып. Пилоты спешат! Берем три Агафьиных мешка — гостинцы с Чедуралыга, и — вперед.

Летим. Внизу, под нами, страшный бурелом. Словно кто-то огромный сокрушил эти кедры-великаны, не знающие, сколько им лет. Зрелище девственной тайги просто поразило меня! Вольготно здесь зверю и птице. На вершинах деревьев — гнезда цапель, как в 103 псалме у царя Давыда: «Еродиево жилище обладает ими». Еродий — это цапля. Жилище еродиево — гнездо цапли. Обладает ими — значит, находится сверху.

Нам осталось лететь километров двадцать—тридцать. Внизу домик. Это так называемая северная изба Карпа Осиповича, или «изба в Северу». Продолжаем полет вверх по руслу Большого Абакана, зажатого между скал. Диковатое место. Пробравшись этим узким коридором, идем на посадку. Вертолет садится на косу. Больше негде.

Вот наконец мы и на Агафьиной земле! Забираем вещи и идем вверх по Еринату звериной тропой. Вдруг из-за куста стремительно, кубарем вылетает какой-то черный зверь. Это было так неожиданно, что я даже напугаться не успел. Оказалось — Дружок. Волчком вьется вокруг Агафьи. Собака, встретив свою хозяйку, исполняет танец радости! Кто тут больше рад? Не знаю. Дружок жил без хозяйки полтора месяца, чем питался — неизвестно, но выжил.

Идем тайгой, шагая через поваленные кедры. Один из них перерублен топором, иначе его не перешагнешь. С краю тропы лабаз на высоких столбах, поленница дров, а рядом пугало — красная рубаха. Как у нас в огородах, с той лишь разницей, что здесь оно не от ворон, а от медведей.

Тропа раздваивается, и правая круто идет вверх метров на двадцать. Здесь, на небольшом плато, стоит новенькая избушка, два года назад срубленная лесником. Это и есть нынешнее жилище Агафьи.

Здесь когда-то стоял родительский дом Лыковых, построенный Карпом Осиповичем, в котором и родилась Агафья. Но когда началась война с Японией, на Еринат пришел капитан Бережной и спугнул их с насиженного места. Тогда Карп Осипович бросил избу на Еринате и построил новую «в Северу», которая стоит и до настоящего времени. Дом же на Еринате остался без хозяина и был перестроен впоследствии охотником Хлебниковым в зимовье.

В этой-то избеночке мы с Черепановым и будем жить. В углу железная печка. Две лавки, покрытые шкурами маралов, оконце в две ладони да полочка-подоконник, на котором лежал охотничий припас. Потолок низкий, в полный рост встать нельзя.

Господи, благослови! Начинается наша таежная жизнь. Где спички?

К костру подходит Агафья посушить одежду. Лев Степанович меня ей представляет:

— Вот смотри, Агаша, кого мы тебе привезли. От самого старообрядческого Митрополита Алимпия Московского и всея Руси.

Агафья кланяется. И я кланяюсь. Знакомимся.

Она не просто пришла к нашему костру. Агафья интересуется, чем она может нам помочь. Какую нам оказать услугу.

Еще раньше мне Лев Степанович говорил:

— Вот увидишь, Семеныч, когда встретимся с Агафьей, она подойдет и спросит: «Что вам помочь?»

Так все и случилось: во всем нам помогла, о нас заботясь прежде всего. Наложила нам ведро своей драгоценной картошки, подоив коз, принесла молока.

— Спаси Христос, Агафья.

Я был тронут ее гостеприимством. Невольно приходишь к мысли, что человек, проживший в пустыне 46 лет, не может поступить иначе, чем отдать последнее! Вот и нужны нам пустынники, дабы у них можно было поучиться, как выполнять Христианский Закон. Как должно поступать человеку, как ему жить — среди тайги или среди людей.

Мы, современные люди, забывшие всякую добродетель, а порой и порядочность, потерявшие совесть, погрязшие в смертных грехах (некоторые же из нас утратили и человеческий облик), встретив пустынного жителя-отшельника, монаха, невольно удивляемся и восхищаемся. Оказывается, есть еще на земле достойные люди — молитвенники за Мир к Богу! Не погибло еще человечество!

«И Они, которых весь Мир не достоин, скитаются в горах и вертепах и пропастех земли».

И если ЧЕЛОВЕК, проживший в пустыне 46 лет, говорит что-либо, то не может сказать пустое, но всегда великие слова: «Чем вам помочь? Что для вас сделать?» Нужно почаще нам самим произносить эти слова и делать так, как делает Агафья.

Мы ужинаем.

— Агаша, садись с нами!

— Мне из мирской-то (посуды) нельзя.

...Начинается дождь, а потом расходится все сильней. Агафья приглашает Эльвиру к себе в келью ночевать. Берет бересту, складывает ее пополам и зажигает. С этой свечой они и уходят.

Загоняем в стайку коз. Уже совсем темно.

Этой ночью впервые мне предстоит спать на мараловой шкуре. А Лев Степанович меня поучает:

— Не связывайся ни с фотоаппаратом, ни с магнитофоном. Будь чист от всего этого, иначе ты не будешь оценен у Агафьи, как должно.

С этой инструкцией, под шум дождя я и засыпаю.

Наутро проснулся рано. Не сразу понял, что это Еринат шумит, а не дождь по крыше. Бурлящий поток создает этакую постоянную «шумовую завесу».

Выйдя из избушки, разглядываю Агафьино хозяйство. На площадке, расчищенной от леса, метров сто длиной и пятьдесят шириной, размещены все постройки: небольшая изба с двумя оконцами на север и восток, покрытая корой и рубероидом. За избой — новый курятник. Землянка для коз (стайка) с выгулом. Рядом стоит наша избеночка, за нею сразу же поднимается Агафьин огород. Посреди него висит на видном месте новое, блестящее оцинкованное ведро и красная рубаха — медвежье пугало,— Агафья говорит, что «хозяин» здесь ходит прямо по картошке. В тридцати метрах от дома — могучий кедр.

Иду к Агафье читать полунощницу. Она молится. Дала мне «Часовник» — книга написана от руки, уже местными старообрядцами. Фиолетовые чернила выцвели, корок переплета давно нет.

Кладу начал. Агафья присела отдохнуть на свою лавку. Наблюдает за мной. С подрушником все было так же, как и на Чедуралыге у Вассы. Так же пришлось спрашивать его у Агафьи.

Читаю полунощницу, Агафья — свое.

После утренних молитв пошел на двор корчевать пень. Вчера вечером, споткнувшись об него, едва не сломал себе шею. Надо убрать его с дороги. Намахавшись топором вместо зарядки, чистим с Черепановым картошку к обеду. Эльвира у нас такой грязной работой не занимается, она уже давно ушла писать этюды, хотя строго-настрого предупреждена, что одной в тайгу — ни шагу. Даже сами Лыковы не ходили в тайгу поодиночке.

Но Эльвира Викторовна — женщина смелая. С медведями она еще не встречалась, поэтому ей не страшно. Приходит она к обеду, как по духу чует.

Садимся обедать. День сегодня постный — пятница, поэтому Агафья к нашему столу приносит березовый кузовок гороховых стручков. Они уже поспели. За обедом я привожу Эльвире пословицу: «И по заячьему следу до медведя доходят». Она мне тем же: «Волков бояться — в лес не ходить».

Как хочешь, так ее и убеждай.

Покончив с обедом, вспомнил о подарках, что прислали Агафье. Принес ей свечи, воска ярого, новую кожаную красивую лестовку — подарок самого Владыки Алимпия.

Такого подарка Агафья не ожидала. Свечам она была очень рада, да еще таким ярким — желтым. Ведь свечей у Агафьи нет совсем — пчел она не держит. Лампады перед иконами тоже нет — нет масла. И мне понятна ее радость.

— Спаси Христос, Александр.

Лестовке Агафья тоже рада, и даже не потому, что она такая красивая, кожаная, а скорее потому, что она точно такая же, как и у нее. Нет между ними разницы. Это все — родное и свое. Агафья сердечно благодарит меня за подарки. А я дальше вынимаю из рюкзака: церковный календарь, Новый Завет. Пролистала. Довольна. Начинаю разговор:

— В календаре напечатана история старообрядчества, и Митрополит Алимпий благословил мне прочитать тебе. Давай, Агаша, сейчас и начнем.

Агафья внимательно слушает. Все тут ей понятно.

Когда Агафья притомилась, я достал ей от Владыки Алимпия баночку меда: «Да вот еще банка с медом, это тебе подарок. Не беспокойся, Агафья, здесь все от христиан, и все чисто».

Пришел Лев Степанович звать меня на ужин. Агафья тоже идет с нами, захватив с собой туесок с брусникой. Она ее набрала еще на Каире. За ужином Лев Степанович рассказывает ей про матушку Максимилу и просит объяснить ему разницу между «духовными» и «чувственными». Вот Максимила называла себя «духовной». А что это значит? Но Агафья не может четко ответить на этот вопрос и говорит:

— Вот Александр, он знает поди.

Я объясняю Льву Степановичу, что «духовные» — это люди, считающие, что в мир уже пришел Антихрист и царство его уже наступило. Что его нужно понимать не как физическое лицо, но духовно. Считают, что наступили последние времена, что «Церковь убежала в горы», и на месте святе мерзость запустения. «А аще узрите мерзость запустения на месте святе, то разумейте яко Антихрист царствует,— привожу слова из письма Максимилы к Митрополиту Алимпию.— Священство погибло все и тепере его, священство истинное, не восстановить».

«Чувственные» — напротив, считают, что Антихрист будет человеком, рожденным из еврейского рода, от скверной жены-блудницы. Они, «чувственные», держатся Святого писания, по словам которого: «Ни Церковь, ни священство не погибнет до скончания века». Аминь.

«Чувственные» и «духовные» разнятся между собой. Вот почему Елена Баранникова из Чедуралыга будто бы сказала Агафье: «Как ты посмела, не нашей веры, к нам приобщиться? А Агафья, вероятно, не сойдясь в некоторых духовных вопросах, уехала из Чедуралыга, не договорившись с Максимилой о совместном жительстве и сославшись на плохой воздух. Максимила же мотивировала свой отказ, ссылаясь на Ивана Тропина. Это мне кажется наиболее вероятным.

Но какой же веры Агафья? С этим вопросом мы и отправляемся спать в избушку. Лев Степанович говорит:

— Помнишь? Устинья из Сизима сказала: «На верховьях Енисея три толка». Попробуй тут разберись!

Утро 12 августа несколько хмуровато. «Зайцы баню топят» — клочья облаков висят прямо на верхушках деревьев. Умываюсь в бурлящей воде Ерината, но вчерашний вопрос так и не выходит у меня из головы. Сдается мне, что Агафья не беспоповка, а старообрядка, приемлющая священство. С этой мыслью и пошел я в ее келью читать полунощницу.

Агафья, как всегда, в молитве. Дала мне книгу. Молимся вместе. Я — свое, она — свое.

Агафья после молитвы обычно топит русскую печь, которую сама сложила из дикого камня. Стоит печь в заднем левом углу избы у двери. Справа от двери широкая лавка, на которой спит Агафья. В переднем восточном углу иконы на полке, книги — я насчитал семнадцать.

Мне все время хотелось посмотреть Агафьины книги. Она говорила, что с Урала прислали ей цветную Минею. Все это очень интересно. Но от осмотра книг я все же удержался. Счел это нетактичным — слишком мало мы с ней знакомы, чтобы разглядывать книги. Не понравилось бы это.

Вчера я так и не успел передать Агафье все гостинцы и подарки, что привез с «большой земли». Достаю сверток с одеждой:

— Это тебе, Агаша, прислала Матрона Яковлевна — экономка Владыки.

Агафья обычно ничего мирского не берет, но этот сверток взяла и спросила меня:

— Какая Матрона?

Я сразу не понял вопроса. Агафья пояснила, что Матрон по святцам три. Какая же? Но когда у Матроны Яковлевны день Ангела, я не знал.

— Не знаю, Агафья, поминай, как сама решишь.

Агафья благодарит, говоря:

— Спаси Христос,— и понесла убрать подарок в келью.

ВОЛК

Еще в пятницу я предложил Агафье прочитать общий канон за всех умерших ее родственников на могиле отца. Агафья согласилась, но по какой-то причине так и не собралась. Когда же я предложил ей это сделать в субботу, то она мне сказала, что уже молилась дома. Канон за умерших она читает ежедневно.

Тогда я решил читать канон на могиле Карпа Осиповича один. Ведь это христианский долг — почтить память безвестных православных христиан, могилы которых разбросаны по всей тайге. У них сегодня я в гостях, мне они оказали свое страннолюбие. Мой долг ответить им благодарностью и посильной помощью через ходатайство перед Творцом о их именах.

Совсем недалеко от огорода, на краю тайги, под вековыми кедрами лежит прах Карпа Осиповича Лыкова. Могилу я нашел не сразу: все смотрел, где стоит крест. Принято у старообрядцев ставить на могилах большие кресты. Но здесь ничего подобного я не увидел. Жестокие гонения заставляли и могилы прятать — не только самим скрываться.

«Как же найти могилу?» — думал я. И тут мое внимание привлекли синие цветы, которые, как я потом догадался, посажены Агафьей. Подхожу. Небольшой осьмиконечный крест, высотой всего в метр, почти скрывался в высокой траве, да висела над могилой красная рубаха на плечиках, которую я почему-то сразу и не приметил. Она слегка покачивается от слабого движения воздуха, поворачивается на своей бечеве. Но, несмотря на пугало, медведь приходил сюда и копал по весне могилу, да Агафья отогнала его. А вот могилу дяди ее — Евдокима, застрелянного в тридцатые годы, медведь раскопал. Ее охранять было некому. И всего Евдокима сожрал. Осталась одна только голова.

«Боже, милостив буди мне грешному...»

Читая канон, поминаю всех. Агафья мне дала целый список своей родни: праотцы — Агафонник, Анна, Никола, Ксения. Стефан, Васса; по отцу — Иосиф, Раиса, Карп; по матери — Карп, Агафия, Акилина, Стефан, Евдоким, Савин, Димитрий, Наталия. Не скажешь про Агафью, что она не помнит родства.

После молитвы как-то стало легче на душе. И не беда, что пока читал канон, заел меня мокрец.

К ужину приходит к нашему столу Агафья и приносит нам печеных яиц. Удивительно добрый она человек! Вчера была ягода, сегодня яйца, завтра еще что-то придумает. Я всегда ел только вареные яйца и никогда печеных не пробовал. Они оказались очень вкусные.

Угостив нас, Агафья уходит снова молиться Богу. Сегодня всенощное бдение. Все мои в Москве тоже сейчас в церкви.

После ужина опять с Черепановым готовим дрова. Их на долгую зиму надо много. Вечером, видимо, до Агафьи дошел наш с Черепановым ропот на тесноту в зимовье, Агафья меня приглашает ночевать в избу, и я переезжаю на новую квартиру, забрав мараловую шкуру.

Помолившись Богу, ложусь спать. Агафья спит на своей лавке, Эльвира на лежанке Карпа Осиповича, что стоит вплотную к печи. Я же на полу в переднем углу под образами.

Когда я лег, подошла Агафья и укутала меня своим одеялом, как я ни противился этому. Она потом это делала каждый вечер.

— Ну как же, Агаша, тебе не холодно спать без одеяла?!

— Да нет, у меня лопатина (рабочая верхняя одежда).

Я проснулся — уже было светло. Но вставать еще не хотелось. Воскресный день. Агафья уже молилась Богу. Вначале она молилась молча, а потом вслух начала класть большой начал. Несколько гнусавя, выпевая молитвы на полураспев. В чтении ее я не заметил ни одной неточности или разности в текстах. Все совпадало. И обычаи тоже все совпадают. Если и есть различия, то в мелочах. Ну, например, заметил, как Агафья покрывала сосуд, кладя крестообразно две палочки вместо крышки. У нас тоже так же покрывают, но одной палочкой с молитвой.

Но я залежался, давно пора на речку. Затем молюсь Богу. Вначале правило, а потом по лестовке за литургию. Псалтырь занят — читает Агафья.

Приходит Лев Степанович и зовет обедать. Как раз и обедня в церкви кончилась. Агафья приносит нам молока. Противостоять этому бесполезно. Агафья верна себе — последнее отдаст людям. Что она ест, я не знаю. Ибо ест она, когда я ложусь спать. Агафья ужинает на своем крохотном столике в избе. Тут и обед, и ужин. Ест она, очевидно, один раз в день.

Сегодня никто не работает. Агафья нам рассказывает о своем житье в тайге. Рассказов у нее много. Но самый, пожалуй, интересный — про волка, жившего у Агафьи вместо собаки пять месяцев.

— Появился он поздно вечером, когда я уж вечерню отмолилась. Пошла за дровами, и тут Дружок кинулся за поленницу, на кого-то загавкал. Я вначале и не поняла, на кого. Не видала. Волк был на дворе всю ночь. Вокруг привязанной на веревке козы Белухи протоптал целую тропу. Но козу не тронул. Увидала я его в окно уже утром, когда молилась Богу. Гляжу,

серая собачка стоит. Думала, охотник ко мне идет, вышла, а это — волк! Я выстрел дала! А волк отбежал на пашню и не уходит. Сидит. Я в ведро давай стучать, а ему нипочем. Закричала на него, но он не сдвинулся с места. Не уходил он от избы целый день. Ну, думаю, зарежет коз-то моих. Решила стрелить супостата. Стрелила, да обвысила, темно уж было, целилась по стволу. После этого он в кедрач ушел. Я из избы выходить боюсь. Дружок, говорю, охраняй меня. Ночью Дружок опять на него гавкал. Утром смотрю, волк опять у избы. Сидит против двери в пяти метрах. Приоткрыла дверь, в щель высунула ствол и, взяв поверх, выстрелила! Он отпрыгнул за угол стайки для коз и там сидит. Уж не собака ли это, думаю? Да какая собака! Матерый зверь!

Схватились грызться с Дружком. Дружок-то против него и половины нет. Опять стрелила в воздух. Так разбежались. После он в тайгу ушел. Дружок же бегает по реке и гавкает, думаю, его ищет. Потом, смотрю, напару стали ходить. Дружок, а за ним этот супостат. Волк, подойдя к избе, разгреб лапами снег и стал есть мох мороженый. Ну, думаю, кормить его надо. Покидала ему картошек, так он их все приел. Вылью варево на снег, волк придет и вместе со снегом съест. А однажды волк сунулся к Дружку в чаплашку, когда Дружок там ел, так Дружок его так хватил за нос, что волк своей кровью весь снег вокруг обстрамил. Но стерпел. Дружку ничего не сделал. Не кусал, и только когда тот ему очень надоедал, хватал его за ухо и встряхивал. Дружок враз делался смирным. Жил волк вон под той кедрой (в тридцати метрах от избы). Выйду утром, волк под кедрой спит. Вся шерсть в инее. Решила его поймать и сделала вот эту ловушку, что у избы-то, из жердей. Дружок туды лазал, но волк нет! Потом и волк лазал, да я уж его не ловила. Как-то Ерофей Седов пришел, охотник. Спросила его:

— Не потерялась ли у кого собачка?

— Нет, ни у кого.

Ерофей посмотрел его и сказал:

— Если сам нашелся, то — Найда.

Ну, так я его и прозвала. Найда да Найда. Выйду, погаркаю так: Найда, Найда — и волк придет есть картошки.

В новый год у них гон начинается. Сразу же в понедельник с Дружком схватился. Накормила его, и он ушел в тайгу. Не было дня четыре. Потом пришел, опять накормила. Так более никуды не ходил. Так и жил тут.

Затем ночью загрызли волки маралуху на реке. Страшно ревела скотина, на разные голоса. Уж не знаю, то ли се волки зарезали. али эти с Дружком. Потом Дружок оттуда пришел и притащил клок шерсти. Поняла я по шерсти-то, что маралуха растерзана, они оба ходили ее там жрать. Дружок до того тогда отъелся — чистый чурбан с ножками.

Так волк и жил у Агафьи пять месяцев.

— Так волк тебе никакого зла и не сделал за это время?

— Нет, не делал. Однажды только исстриг шерстяное одеяло, которым я лук покрывала от мороза на ночь. Словно ножницами. Да несколько мешков испортил с комбикормом. Тоже исстриг. А более никакого зла от него не было. Я ему даже конуру сделала.

Удивительного зверя тебе, Агафья, Бог послал...

ХУЖЕ ВОЛКА...

Потом пришел он. Иван Тропин! Волка он убил! Сам же был хуже волка. Что Агафья с ним перенесла, так и сказать страшно! Вот и считает Агафья появление волка и смерть той маралухи ей знамением Господним.

...А дело было так. Агафья через охотника Ерофея Седова написала Ивану Тропину письмо, чтоб приехал к ней пособить в хозяйстве. Он пенсионер. Был дважды женат. Агафья его как родственника звала помочь ей сени срубить, а он над ней насилие совершил. Она сама мне рассказывала, как от него отбивалась три дня. Как он ставил ее перед иконами и говорил:

— Зажигай свечу и клади три поклона.

Но она свеч не зажигала и поклонов не клала.

Рассказывала, как он и лестовку, и белье на ней изорвал! Как отбивалась, как выгоняла его.

А он:

— Выгонишь меня — грех тебе будет.

— Грехом стращал,— рассказывала Агафья.— Я ему от Писания столько говорила, книгу можно написать.

Агафья, детская твоя душа! Кому ты от Писания говорила?! Кому ты сыпала жемчуг под ноги? Не свинье ли? Что ему Писание! У него свое на уме.

Теперь-то уж известна эта история. Дело Тропина сейчас у районного прокурора. И спасает насильника то, что доказательств нет. Агафья все сожгла. Не положено человеку, ведущему монастырский образ жизни, судебные тяжбы творить. Знал он это и, видно, от этого куражу и набрался. Но не верю я, что Иван Тропин остался ненаказанным. Не думаю, что после насилия над пустынножительницей Бог его не осудил. Он, я в этом уверен, понесет заслуженную кару. И дело не в том, посадят или не посадят насильника за колючую проволоку. Наоборот, думается, хорошо, что не посадили, Тропину есть над чем подумать в своей оставшейся жизни. Все в руках Божиих! Может быть, и Тропин придет через это, им соделанное зло к покаянию.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОСТА

...Но время уже к обеду. Садимся за стол. Молоко теперь не едят, начался строгий Успенский пост. Да и с маслом растительным в этот пост не едят. Ем картошку без масла, на что Агафья возражает:

— Сегодня праздник. Происхождение Честнаго и Животворящаго Креста Господня.— Пошла за святцами.

Я, конечно, знаю, что в праздник этот разрешается масло, но смотря в каком уставе или монастыре. Агафья показывает мне книгу. Читаю: «Соловецкий и Кирилов уставы... В первый день августа — происхождение Креста, на трапезе шти, и лапша гороховая с маслом, да каша соковая, ядим единожды днем. Аще ли суббота, или неделя, ядят дважды днем. Отселе начинается пост Пресвятыя Богородицы, до дне Успения Ея».

Потом зашел у нас разговор о духовных стихах. У Агафьи стихи духовные есть — немного. Она после обеда обещала их показать. Эти стихи — вещь очень интересная, я их знаю много, а вот какие у Агафьи?

Она дала мне тоненькую тетрадочку стихов, пожелтевшую от времени. В тетрадочке всего три стиха. Один из них меня очень заинтересовал. Названия у него нет, он начинается словами: «Что на юге и на сивере». Не ожидал я встретить такое в этой таежной глуши. В стихе описывается разорение Оленейского скита, что был на Керженце-реке. Причем указывалась даже и дата разорения монастыря. Находка эта меня буквально взволновала. Такое же чувство, очевидно, испытывал В. Малышев, когда на Мезени вдруг нашел подлинник «Жития протопопа Аввакума» или в Риге «Житие Александра Невского».

Оленейский скит на Керженце — левом притоке реки Волги — был самым большим и знаменитым во всем Нижегородском крае.

В Борском районе и до настоящего времени существуют остатки некогда большого женского монастыря в деревне Елисино. В этом монастыре был когда-то епископ Кирилл — первый старообрядческий епископ в Нижегородском крае, а затем епископ Гурий.

Моя мама еще в девочках с сестрами часто гостили там, воспитывались в этой обители.

Но много воды с тех пор в Волге утекло. В тридцатые годы епископов не стало, инокинь разогнали, но, несмотря на все лишения и тяготы жизни, монастырь и доселе не погиб. Теперь в монастыре, или просто

сказать в Елисине, потому что построек монастыря сейчас не существует, живет одна послушница, Аполинария, соблюдая традиции когда-то большой обители. Вот в каком плачевном состоянии оказался один из знаменитых в прошлом монастырей.

После первого разорения скитов по Керженцу нижегородским архиепископом Питиримом — другом Петра I, старообрядцы разбежались по всей Нижегородской земле, образовав множество нелегальных мелких монастырей. Многие ушли далеко в Сибирь, иные же покинули пределы России.

И вот передо мной подлинное свидетельство о разорении большого старообрядческого гнезда. Цены ему нет!

Сбегав за блокнотом и ручкой, стал переписывать стих. Нельзя, уважаемый читатель, не привести его содержания, хотя бы в сокращенном виде:

«Что на юге и на сивере;
На восточной стороне;
Протекала речка славна Кержанка;
Как на той речке Кержеце;
Много было жителей;
Изо всех стран собиралися;
Новозбранно жити поселялися;
Пустыня была всем прибежище;
А ныне там нитея убежища;
Первый был на сем месте;
Славный скит Олинейский;
И всеми тамо он был православный;
Православием был украшен;
Всем духовным благолепием;
У нас здесь были молебны;
Подобно они были раю;
Уряжены святыми иконами;
Украшены духовным пением;
Служба была ежедневная;
Молитва к Богу непрестанная...
Но Господь нас посещает;
Последняя вся прекращает;
Во осьмом тысячном веку;
Шестидесятом первом году;
Послал на нас Господь гнев свой...
По Божию попущению;
А по царскому повелению;
В Нижний славный град;
Во Сименовской бедной уезд;
Собиралась, соезжались;
Вси к нам не милостивии судии;
Прочитали они нам указ;
От молебных нам всем был отказ;
Вси часовни растворяли;
Храмы Божия раззоряли;
Царские двери снимали;
Все святыя иконы сбрали;
Как жиды Христа вязали;
В Нижний град отсылали;
Вси плакали и рыдали;
Руце к Богу воздевали...
Везде слышан плач и рыдание;
Младыя со старыми разлучаются;
Кто нас старых припокоит;
Кто нас убогих пропитает;
Не своею волею разлучаемся;
А по царскому повелению.

Этот стих мы, конечно, попросили Агафью спеть. И когда она пела, то волновалась, торопилась, порой не успевала вздохнуть — петь для слушателей ей не приходилось. Агафья стеснялась своего голоса. В таежной глуши не до лирики. Пели Лыковы практически только молитвы, порой читая их нараспев. Стихи пелись редко. Но вообще же у Агафьи высокое сопрано, и если б она стояла с малых лет на клиросе в церкви, пела бы неплохо.

Сидим у костра, и Лев Степанович спрашивает у Агафьи:

— Не хочешь ли ты пойти в мир?

Агафья отвечает ему словами пролога: «...Аще и звери обыдут тя, или случится в огне горети, или бесы тя начнут страшить, только не изыди из пустыни, все с радостью претерпи Бога ради. Аще же изыдеши из пустыни, бесы яко пленника тя сотворят».

— Ушла бы дальше, в пустыню, да земли нет. Боле куды? На Туве не советуют. Да и там не пустыня. Воздух плохой — задыхаюсь. Вера там неправильная! А в мир я не пойду, хоть все богатство мира давай — не пойду!

Так закончился первый день строгого Успенского поста.

Утро следующего дня — 15 августа. Опять туман: ведь живет Агафья на высоте более 1000 метров, и тучи здесь частые гости.

Заготавливаем дрова, а затем и веточный корм для коз. Агафья запасает по пятьсот веников на каждую козу, а их две, да еще козел. Так много веников готовится потому, что в тайге сенокоса нет. Трава растет на огороде, где Агафья ее полет, а потом и сушит.

Покончив с сеном, несет нам к обеду что-то в берестяном туеске. Оказывается, горох. Сегодня пост уже без всяких поблажек. Хорошо, что есть картошка, а то чего бы я ел? Верно, на этот случай положила мне экономка Владыки Матрона Яковлевна мешочек сухарей. Я их взял, сгодятся: кто же ходит в тайгу без этого продукта — с ним легко и сытно. «С караваем и под елью рай», а если еще и с вкусной картошкой?!

Черепанову мой пост непонятен:

— Вы что, Александр Семенович, в тайге постами решили заняться? Ведь ног не потянете!

— Митрополит меня от постов на время похода в тайгу не освобождал. От него таких поблажек не дождешься. Да и какая заслуга человеку, если он будет соблюдать пост только лежа на печи? А как же Лыковы-то посты соблюдали?

Вот уж кто попостился в тайге, так это Лыковы! Агафья рассказывает, как жили, как по тайге скитались:

— Охотились тут за нами и выслеживали нас, как волков. Ловили нас и стреляли. Евдокима, дядю моего, убили, да и не его только. Следов мы старались нигде не оставлять. И если кто столкнул ногой камень, то возвращался и его поправлял. Ходили только по камням, по песчаным косам у воды не ходили. Бывало, как посадим огород, посеем горох, сразу же уходили в тайгу.

Ели, что Бог послал: траву всякую ели, солому в ступе толкли, ели грибы, ягоды. Редко в ловчую яму попадался марал. Все оружие было — нож на черену (на палке). Мама-то с голоду померла, а нас все-таки спасла.

И это было совсем недавно: люди охотились на людей.

А вот несколько слов из блокнота Черепанова:

«Должно быть, в Агафье воскресли видения той, особенно тяжелой поры, когда Лыковы обживали берег Карлыгана у сужения Большого Абакана, возле щек (это в «Сиверу»). Надо же какой прыти набралась осень — как во исполнение всевышней кары, столько лет подряд объявлялась не в свой срок, до уборочной поры.

И начался у Лыковых все увеличивающийся недобор зерна. Но страшнее всего было то, что убитые заморозком зерна утрачивали всхожесть.

На диком безлюдье, в сущем «вертепе» Лыковым выпало познать всю горечь пустых весен. Нечего стало есть.

Правда, в забытом мешочке с горохом «ухранился» кончик ячменного колоса. Но сколько же нужно лет на выращивание семян?

На беду, и второго хлеба, картофеля, Лыковым едва хватило до проталин. Потому, мучимые страшным голодом, вынужденно покидали они свой кров, бродили — паслись по распадкам, выискивая «едовые» растения».

— Агаша, а как вы корень бадана ели? Я попробовал его пожевать, так у меня весь рот связало.

— Его, Александр, отваривают в семи водах, а потом только едят.

Да, хватили Лыковы горя в этом поединке с тайгой. Что же им помогло одержать победу? Конечно же, вера. С ней все одолеть можно.

НА ОЗЕРЕ

За ужином у костра Эльвира Викторовна заводит с Агафьей речь о каком-то Голубом озере. Просит ее пойти туда. Лев Степанович тоже говорил мне про это озеро, называя его «Агафьино».

— Ну, так завтра сходим,— отвечает ей Агафья,— после обеда.

До обеда Агафья всегда молится Богу.

Но Матакова просит Агафью пойти туда раньше, она хочет писать озеро днем.

— Добре, добре,— говорит Агафья.

К озеру пошли часов в девять. И, перейдя Еринат с Абаканом, двинулись на восток. Идем девственной тайгой, проваливаясь в мох чуть не по колено. Разная бывает тайга: иногда встречаются места, где тайга довольно спокойная, мирная, а есть — где в трех метрах ничего не видно. Там и ружье бесполезно. Если нападет зверь, даже выстрелить не успеешь. В этом случае вся надежда на нож, которого у меня нет. Есть тайга другая — там стоят огромные кедры, внизу полумрак, и все покрыто пышным мхом. Ходишь по нему, как по перине, и только клочок неба вверху. Вот в такую тайгу мы и пришли. Справа от нас каменная осыпь высотой в полторы тысячи метров. Зимой на санках съехать — костей не соберешь! У ее подножия лежат скатившиеся сверху огромные глыбы, иногда в десяток-другой кубометров. «И падение их бысть с шумом!»

По краю осыпи идет звериная тропа, которой мы и воспользовались. Почти все жители тайги ходят одной тропой, потому что в другом месте не пройти. Тут и мы с Агафьей, и лось с маралом, и медведь. Да вот и его лапы, и свежий, мне кажется, еще даже теплый помет. Он тут хозяин. Кругом стоит полная тишина, даже ветерок не шумит в кронах кедров, не слышно никаких птиц.

В тайге вас постоянно сопровождает чувство опасности. Здесь человек совершенно незащищен. Другое дело, если с вами рядом бежит собачка, ружьишко хоть какое за плечами. Но наш Дружок со своей хозяйкой не пошел. Он остался лежать перед дверью на коврике. Словно на смех этого щенка привезли Агафье. Он даже зайцев не гоняет в огороде. Все время, пока хозяйки не было полтора месяца, жил на чердаке избы, забираясь туда по поленнице. Питался одними мышами. А уж в тайгу — ни шагу! Для охраны Агафья иногда брала с собой козу. Дружок же в это время сидит дома, мышами промышляет. Удивительное создание. Как он ладит с волками? Как они его еще не сожрали? Конечно, хорошая собака, как и хороший человек, нечасто встречается...

Совершенно неожиданно находим озеро. Оно лежит в каменной чаше. Сразу бросается в глаза его необычный бирюзовый цвет. Вода — стеклянная. То ли глубоко тут, то ли мелко? Берега покрыты валежником. Вокруг молодые кедры, белый мох и множество брусники.

Мы с Агафьей ее собираем. Эльвира Викторовна увлеченно работает над этюдом. Не зря она сюда стремилась. Здесь, как в сказке, Великий Творец и Художник все краски положил идеально. Темный лес, бирюза уходящего вдаль озера, прозрачность его вод, в которых отражается лазурь голубого неба, блики яркого солнца на его зеркальной поверхности. Мшистые зеленые берега.

Когда сели среди брусничной россыпи отдыхать, я задал Агафье давно заготовленный вопрос:

— Агаша, а как ты все же живешь? Ни причащения у тебя, ни исповеди нет?

— На что она мне,— ответила, совершенно меня удивив.— С этим у меня все в порядке. Святые Дары у меня есть, еще от прабабушки Вассы из Иргицкого монастыря остались.

Как услышал я это — стало мне не до брусники:

— А где же ты содержишь Святые Дары?

— Они у меня в маленьком таком старом-старом бочоночке. Теперь уж Святых Даров у меня осталось немного.

— А как ты причащаешься?

— По чину в скитском покаянии, как подобает себя причащать.

Вот так да! Оказывается, у Лыковых все соблюдено! Не предъявишь никаких претензий. Далее Агафья говорит, рассуждая:

— Мы знаем, что священство есть и о нем молимся: «за весь священнический и иноческий чин».

Этими словами она ясно говорит мне, что Лыковы не принадлежали к беспоповству. И когда в тайгу ушли навсегда, знали, что им от мира более ничего не надо, у них все есть. Но уж если точно называть монастырь, где прабабушка Васса запаслась Святыми Дарами, то, очевидно, что не Иргицкой, или как произносит Агафья, Иргицкай, а Иргизский. Напомню вкратце его историю.

Из-за невероятных по своей жестокости гонений множество старообрядцев бежало за пределы России. Спустя век после Никона, Екатерина II обратилась с манифестом к потомкам покинувших Родину старообрядцев, призывая их вернуться, обещая свободу. На этот призыв откликнулось множество русских. Для жительства им было отведено место в Саратовской губернии по Иргизу — реке, где вскоре появились слободы и монастыри, и было их более сотни. Иргиз стал одним из центров старообрядчества. Васса, очевидно, и проживала на Иргизе.

В царствование Николая I Иргиз был жестоко разогнан. Но прежде чем покинуть родные церкви, освятили большое количество Святых Даров, которые и разобрали верные и надежные люди.

Здесь четко прослеживается материнская линия Лыковых и точно определяется место проживания их предков. Кроме того, все это доказывает, что Лыковы никогда не были беспоповцами, но всегда принадлежали к Старообрядческой Церкви, приемлющей священство.

Однако время к обеду, и мы разводим костер у самой воды. Агаша готовит себе на отдельном костре, который отстоит от нашего на четыре метра. Достает узелочек и, развернув, вынимает уголек, кресало и трут с кремнем. Два раза ударила кресалом, и вот у нее в руках уже дымок. Интересно, что я тоже дважды чиркнул спичкой по коробку — получил огонь. Наши костры загорелись одновременно. И тут меня, конечно,

взял интерес, как это ловко у Агафьи огонь загорается? Попросил показать.

Много я слышал про трут — он растет на деревьях в виде грибной массы, обычно на старых стволах, да как его зажигают, не знаю. Его и спичкой-то не подожжешь, не только искрой!

— Смотри, Александр, я тебя научу. Берешь маленький кусочек трута и кладешь его на кремень. Ударил крецалом — получаешь искру, вот он уже и горит.

Действительно, на труте появилась маленькая черная точка, которая увеличивалась в размерах, от нее уже шел дымок, и огонек этот не собирался тухнуть. Агафья зажимает трут между двух угольков, раздувает. Горит! Все предельно просто, и на всю операцию ушло не более минуты.

— Ну, теперь, Агаша, дай сам попробую,— взяв трут и положив его на кремень, я стучу, но толку нет. Оказалось, что трут я далеко держу. Вот теперь и у меня дымок. Ура, освоил!

— Но что это у тебя, Агафья, за трут такой? Как вата...

— А его делают так: надо взять горшок и на дно положить слой золы. Затем слой трута, потом опять золы и опять трут. Все это заливается горячей водой и ставится в печку на сорок дней. Потом трут становится готовым на дело.

Агафья, зачерпнув кружкой воды, варит в ней картошку. Вода моментально закипает и картошка готова. Мы же с Эльвирой ничего не взяли и печем картошку в золе. Агафья уже поела, а у нас еще и картошка сырая.

— Хочешь, Александр, моих сухарей? На, попробуй, поешь.

Насыпала мне горсть. Должен вам сказать, дорогие читатели, что эти сухари представляют из себя суровое яствие. Жаль, что вам их не попробовать. Я их просто так есть не мог. Сел у воды и ел их, черпая ложкой воду из озера. Такой хлеб мы в войну ели, помню. Он был как раз таким, и сколько его не мни, он не размякнет. Агафьин хлеб состоит из муки пополам с картошкой. Всегда ли он у нее такой, я не решаюсь спросить. Это, надо думать, средний или хороший. Очевидно, бывает и похуже.

После обеда Эльвира Викторовна закончила свой этюд, и мы снова отправились собирать бруснику. И тут я набрел на чью-то лежку. Мох был примят каким-то небольшим животным. Здесь же были мелкие горошки помета. Агафья сказала, что это следы кабарожки — маленького оленя. Вот уж никак не думал, что в этом страшном лесу живет еще и кабарожка.

Стал накрапывать дождь. Здесь, под пологом тайги, мы и не заметили, что давно исчезло солнце. Все стало в лесу сыро, мы с Эльвирой Викторовной съежились и скисли. Одна только Агафья как ни в чем не бывало собирает дары тайги.

Набрали всего довольно. Как понесем, не знаю. Нести-то не в чем. Но Агафья устроила кузовок очень быстро. Подойдя к поваленному дереву, сняла с него кору. Стянула ее двумя веревками, загнув края так, что получился короб.

— Ну, Агаша, у тебя теперь всякого нета запасено с лета.

Она улыбается. Надо сказать, что она редко улыбается.

* * *

Решили мы с Черепановым выпить чаю. И, сломив несколько веточек черной смородины, заварили на костре в чайнике. Как вкусен таежный чай! Агафья его предпочитает всем. Она заваривает много разнообразных трав. Этими отварами и лечится.

Да вот она и сама идет к нам.

— Присядь, Агаша, с нами.

В разговоре я ее попросил подарить для нашего старообрядческого музея некоторые ненужные в ее хозяйстве вещи. Вот, например, эту большую ложку. Она все равно раскололась и уже никуда не годится.

— Возьми, Александр, можно. Давно я ее делала.

Агафья пошла домой и вскоре возвратилась с берестяной посудой:

— Вот ведро — по воду ходить. Квашня. Все это когда-то мной сработано и уже старое.

Убрав подаренные вещи в избенку, я попросил Агашу показать мне огород.

И полезли мы в эту крутую гору, где растет картошка, пшеница с рожью и овес с коноплей, овощ всякий.

Агафья показывала мне огород с желанием: уж очень аккуратно здесь росла картошка. Каждая борозда росла на своем ярусе — террасе. И верх ботвы предыдущего ряда приходился на основание корней последующего. Такая крутая здесь гора — 45 градусов.

— Агафья, а как же ты растишь эту картошку на такой круче?

— Очень просто. Сажаю снизу вверх; копаю сверху вниз. Спускаю картошку домой по натянутой веревке.

Оказывается, тут есть даже подвесная дорога! Конечно, когда потаскаешься в эту гору — многому научишься.

Агаша руками разрывает два куста картошки мне на семена.

— Это вот кругляшка, а это — долгушка.

И вот держу наконец я в руках знаменитую Агафьину картошку. Предстоит мне следующей весной посадить эти клубни у себя в огороде, да и не только у себя. Желающих разводить эту драгоценную картошку много. Черепанов позапрошлой осенью подарил три картошки машинистке издательства «Советская Россия» — Степановой Валентине Васильевне. Осенью она сняла урожай, набрав целое ведро.

И вот однажды Валентина Васильевна решила посмотреть, как там себя чувствует «гостья». И, подняв деревянную доску, покрывавшую ведро, увидела... О, ужас! Мыши уже съели полведра.

Мыши предпочли Агафьину картошку нашей не случайно. Чем-то она их привлекла.

Интересно отметить, что Лыковы умели сохранять картошку в ямах до трех лет, и она у них не прорастала. Делали они это очень просто, перекладывая картошку слоями луковой шелухи.

Рассказ мой про Агафьин огород был бы совершенно не полным, не приведи я сведений из работы уже известного нам ученого по сибирскому земледелию В. И. Шайдуровского.

Не буду утруждать вас, дорогой читатель, научными терминами, химическими выкладками и формулами; кто интересуется, может прочитать статью в «Сибирском вестнике сельскохозяйственных наук» № 2 за 1989 год. Попробуем поговорить популярно.

Выбирая место под поселение, Лыковы нашли в тайге березовое редколесье. По темному цвету почвы можно было предположить о ее плодородии. И ошибки не произошло.

Участок находится на южной стороне горы, которая хорошо защищает его от холодных ветров, что очень важно в условиях Хакасской области, где средняя температура в июне 16,2°С.

Участок под огород готовили так: тонкоствольные березы и осины вырубали «под корень», после вековых деревьев оставляли пни. Очистив пашню, приступали к рыхлению. В горах плужное земледелие невозможно. Лопата тоже малопригодна. Для обработки применялась мотыга — мотыгами же сооружали и террасы поперек склона горы, чтобы предотвратить смывание плодородного слоя почвы.

Сорта. О достоинствах старорусских сортов свидетельствуют факты. Репа, посеянная в условиях Абазы, дает корнеплоды до двух килограммов. Сочная, полезная, она служила пищей круглый год — сырая, вареная, пареная, тушеная...

Лыковы возделывали почти все зерновые, технические, овощные культуры. Видимо, этим можно объяснить то, что, обходясь сорок лет без поваренной соли, пятьдесят лет без фруктов, почти без животной пищи, они выжили в самых суровых условиях.

«БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО – ЕГО КНИГИ, ОСТАЛЬНОЕ НЕИНТЕРЕСНО»

(В. О. Ключевский)

В университете в мои годы господствовала во всей силе собственно юридическая концепция Соловьева в интерпретации блестящего и умного В. О. Ключевского (1841—1911). В обработке Ключевского эта теория утрачивала все острые углы, модернизировалась и была приемлема для людей начала XX века, несмотря на свою почтенную давность. Тонкий и вдумчивый Ключевский, наблюдательный и нервно-впечатлительный, не мог не отразить в своей исторической схеме интереса к роли экономического момента в историческом процессе и с этой точки зрения переработал схему своего учителя Соловьева. Отсюда своеобразный дуализм его собственной схемы: основными факторами русского исторического процесса являются одновременно фактор экономический и юридический, причем последнему понятию он придает очень широкое значение, нередко отождествляя этот термин с термином «социальный».

Этот дуалистический взгляд на ход русской истории, примирявший в талантливом и ярком изложении основы исторического материализма с предпосылками идеализма, был чрезвычайно удобен как всякая эклектическая теория для малоподготовленных слушателей, не заставляя задумываться о сути вопросов, не требуя отчетливости представлений и усилий мысли. Курс Ключевского не вызывал сомнений, потому что бережно обходил все опасные места, не обостряя научных противоречий, удовлетворял и юношу, склонного к материалистическому пониманию истории, и его товарища, увлекающегося неоплатонизмом восторженного С. Н. Трубецкого. И действительно, схема Ключевского прочно овладела Московским университетом, заставив забыть ее источник — «Историю России» Соловьева.

Последующие поколения московских историков безоговорочно приняли ее и продолжали традиции

Из неопубликованных воспоминаний советского историка С. В. Бахрушина.

Ключевского в стенах Московского университета: и М. К. Любавский, и А. А. Кизеветтер, и М. М. Богословский — все одинаково шли по стопам своего учителя, лишь изредка позволяя себе дополнять или исправлять его в несущественных деталях. Талантливый и яркий А. И. Яковлев, сверкавший оригинальностью и творческой гениальностью своих суждений, всегда умевший подходить к любому вопросу с своей, всегда тонкой и глубокой точки зрения, и тот говорил мне по поводу попыток некоторых приват-доцентов вносить «поправки» в схему Василия Осиповича, что это для него непонятно: «Надо либо целиком ее принимать как она есть, либо строить курс по совершенно новому плану, как сделал Милюков». Такова была сила научного обаяния Василия Осиповича Ключевского...

Итак, ясность, законченность, отсутствие разногласий и споров — вот что находили мы, молодые историки, в курсе уважаемого и гениально-талантливого профессора, в течение десятков лет царствовавшего на кафедре русской истории Московского университета, создавшего целую школу, которая безоговорочно повторяла его схему, объединявшую и, может быть, даже несколько подавлявшую своим высоким научным авторитетом всю современную ему русскую историографию, верховного судьи в вопросах русской истории, от слова которого зависели научные репутации, успехи и неудачи во всей России, острого критика, язвительной колкости которого опасались враги и друзья, иногда капризного и своевольного, но всегда оригинального и яркого. Русская история представлялась нам каким-то законченным монолитом со строгими и определенными линиями, монолитом, созданным мощной силой мысли тщедушного с виду, скромного и малопредставительного старика, вдохновенную речь которого мы слушали, замирая от восторга, обвороженные и ясностью, и последовательностью изложений, и еще больше величавою художественностью его яркого слова.

СЕРГЕЙ БАХРУШИН

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ

БЕДСТВИЯ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ КНИГИ И ЛЕКЦИИ, ОБУЧИЛИ ЛЮДЕЙ ИСТОРИИ

<...> Смутное время можно назвать поворотной эпохой в нашей истории. Самые глубокие и прочные основы государственного порядка поколебались; государи быстро сменялись или друг с другом боролись; некоторое время страна оставалась совсем без государя; общество распадалось на враждебные друг другу классы. Освободившись от уз предания и привычки, умы размечтались и принялись строить свои порядки: небывалые или несбыточные. Чтобы выйти из хаоса, наконец выбрали государя, который был всем люб, и решили вернуться к старине и восстановить порядок. Порядок восстановили, но старины не вернули: все само собой пошло как-то по-новому; из-под старых обычаев вырастали новые нужды; жизнь, видимо, входила в новое русло; за эпохой *смут* следовала эпоха *реформ*.

Такие поворотные моменты в истории производят на переживающих их людей впечатление, очень благоприятное для успехов историографии. В спокойное время люди расположены смотреть на свой быт как на что-то понятное само по себе, простое и неизменное. Об нем не думают и его даже не замечают, как не замечают своего дыхания, пока оно идет ровно и нормально. Но когда жизнь замутится и на общество падут невзгоды, когда люди увидят, что добытые ими блага погибли, а надежды разбились, они начинают спрашивать себя: отчего и как это случилось? Отчего никто этого не предвидел и не предупредил? Тогда, припоминая пережитые бедствия и вдумываясь во вскрывшиеся их причины, они начинают понимать, что они не знали склада своего общества и его жизни, что эти вещи вовсе не простые и понятные сами по себе, а требуют изучения. В минуты общественных потрясений житейский порядок повертывается к людям своей оборотной стороной, изнанкой, и им становятся видны его швы и составные части, вся его мудреная постройка. Люди начинают ясно видеть, что для своевременного предупреждения таких неожиданных потрясений общественного порядка или для поправления их разрушительных следствий необходимо знать, как возник и складывался этот порядок, а *зарождение охоты размышлять о происхождении и составе общественного порядка* и есть пробуждение исторической мысли. Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как *неожиданные болезни поддерживают* интерес к медицине. Где предел историографии переходной?

Более серьезными опытами русская историография обязана Смутному времени. События этой эпохи потрясли столь же глубоко русские умы, как и московский государственный порядок. Общественные потрясения обыкновенно оказывают возбуждающее действие на историческое мышление. Они заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предупредить их повторение? Такими вопросами и начинается историческое мышление: они заставляют людей всматриваться в состав общества, в жизнь, отправления и связь его составных частей, в действие, оказываемое на них различными влияниями и обстоятельствами,— словом, наблюдать и изучать исторические процессы. Так человек, потерпевший физическую боль от своей оплошности или неумелости, потирая ушибленное место, невольно перебирает в своем уме ряд своих поступков, подготовивших случившуюся неприятность, и таким образом привыкает размышлять о связи причин и следствий. *Бедствия гораздо больше,* чем книги и лекции, обучили людей истории.

Доживаемый нами век отличается усиленным изучением истории. Наклонность к этому изучению вытекла из того же, сейчас указанного, источника. В прошлом веке усилиями отважных, но недостаточно наблюдательных умов создана была пылкая вера в зиждительную силу идей, в мирное торжество отвлеченного разума над предрассудками и привычками людей, над преданием. Но последовали факты, которые горько насмеялись над этими идеями; предание со своими неразумными привычками и предрассудками оказалось столь же крепким, что об него разбился ждавший торжества разум и вещавшая мир вера в него нашла себе апостола-предателя в Наполеоне. Тогда люди, пережившие погромы революции и империи, припоминая, какими хорошими словами началось движение и какими плохими делами оно кончилось, и начали догадываться, что человеческие общества строятся и живут не тем разумом, которым мыслят философы; тогда и начали искать этого *исторического разума,* перебирая памятники и воспоминания прошлого. Под такими впечатлениями родилась европейская историография текущего столетия. Если идея этого исторического разума, говоря проще, *исторического закона* мелькала и прежде, то ее методологическая разработка принадлежит бесспорно науке нашего века.

Говоря по поводу Смутного времени об условиях, содействующих пробуждению в обществе исторической любознательности, я не случайно напомнил вам о событиях, какие потрясли Европу в конце прошлого и начале текущего столетия. Эти события дали сильный толчок и русской историографии; под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина. Надобно припомнить, что Карамзин был едва ли не первый русский писатель, почувствовавший, что движение, начатое Французской революцией, кончится полным крушением идей, которыми оно было отчасти подготовлено, проповедь которых по крайней мере оно началось. Приверженец этих идей и близкий свидетель ужасов революции, он писал в свое время: «Век просвещения! Я не знаю тебя; в крови и пламени не узнаю тебя!» Он один из тех многочисленных в тогдашней Европе мыслителей, которые, пережив политическое крушение своих любимых идей, т. е. идей XVIII века, теряли веру и в их внутреннюю логическую доброкачественность и из философов-либералов превращались в консервативных противников реформ, недостаточно подготовленных историей. Смутно почувствовав присутствие в истории таинственных сил, строящих людскую жизнь помимо воли и соображений отдельных людей, но еще не уяснив себе отчетливо ни их свойства, ни способа их действия, не постигнув логики исторического разума, Карамзин в значительной мере разделял в понимании исторических явлений моралистический взгляд древнерусского летописца, что положило на его труд несколько нравоучительный отпечаток. Недаром его называли первым русским историографом и последним летописцем.

Таким образом, Карамзин завершает своим трудом целый период в развитии русской исторической мысли. В этот период она вызывалась пробуждавшейся по временам потребностью уяснить себе такие явления нашего прошлого, которые могли дать русскому обществу практически полезные указания и уроки или внушить ему желательные чувства и стремления. Это было историческое размышление с народно-воспитательной целью. Карамзин только первый попытался провести такую задачу в цельном и художественном изложении всей нашей истории, осветить такой исторической мыслью все явления нашего прошлого. Еще не научное сознание, а поучение, назидание.

Такая историческая мысль родилась у нас именно в начале XVII века под влиянием событий Смутного времени. Вот почему, заговорив об этой поворотной эпохе в нашей истории, я напомнил вам о Карамзине и европейских событиях, влиявших на направление его исторической мысли. Записки русских людей, современников Смуты, по окончании ее пытавшихся отдать себе отчет в ее происхождении и значении, и появление в 1818 году «Истории государства Российского» Карамзина — это рубежи целого периода в развитии русской историографии, отличающегося своими особенностями, особыми задачами и приемами исторического изучения и размышления, не совсем похожими на те, каких держался древнерусский летописец, хотя им и родственными.

Такое поучающее действие оказало на московские умы и Смутное время, которым началось для Московского государства XVII столетие. Прежде всего оно возбудительно подействовало на их политическое сознание, перевернуло их понятие о государстве. До того времени московский люд, не отдельные умы, возвышавшиеся над общим уровнем, а простой всенародный люд, понимал свое *государство* в первоначальном, буквальном смысле этого слова, как *хозяйство* московских государей племени Ивана Калиты. Это хозяйство считалось фамильной вотчиной, наследственной собственностью Калитина племени, которое его завело и в продолжение трех веков расширяло и укрепляло. Люди, народ считались хозяйственной принадлежностью этой фамильной княжеской вотчины, высшие служили люди — дворовыми личными слугами, низшие тяглые — поземельными работниками, городскими и сельскими, те и другие до XVI века — слугами и работниками вольными по договору, а в XVI веке — невольными, обязанными слугами и работниками по долгу, по праву власти государевой. Династический интерес московских князей-хозяев был основным рычагом, приводившим в движение и направлявшим все отношения в этом вотчинном хозяйстве.

Смутное время значительно изменило этот удельный взгляд на государство, расширило и углубило его и даже несколько переместило самую точку зрения на предмет. Династия пресеклась, основной рычаг государства — династический интерес — перестал работать, а между тем государственная машина, разбиваемая своими и чужими, не остановилась, продолжала действовать. Оказалось, что в запасе был другой двигатель общественной жизни, оставался другой общественный интерес, способный приводить его в движение: этот запасный рычаг — всенародная воля, направляемая сознанием религиозно-народного единства и необходимости оберегать его всеми народными силами. Как скоро эти идеи проникли в сознание общества, государственный порядок представился ему в новом виде и в новом соотношении своих частей: фамильная московская вотчина стала национальным союзом русского народа во имя всенародного блага, московский государь-хозяин — верховным блюстителем этого блага, а его дворовые слуги и земельные работники — его подданными. Таким образом, Смутное время заменило в общественном сознании *династическое* понимание Московского государства пониманием *национально-политическим.*

Этот новый взгляд на государство вместе с тяжкими испытаниями, вскрывшими прикрытый в спокойное время механизм общественного порядка, и произвел *поворот в историческом мышлении* людей, *переживших Смуту и пытавшихся осмыслить* пережитое. Поворот был таков. Древнерусский летописец, провиденциалист и моралист, созерцая таинственный план божественного мироправления, был равнодушен к местным особенностям политического быта и редко вводил их в свои соображения. В местной народной жизни его занимало отражение извечной мировой драмы — борьбы непримиримых начал добра и зла, провидения и диавола. Эта борьба идет за человека, за его богоподобную душу, и летописец сосредоточивал свою мысль на судьбе этого спорного венца творения, на его нравственных

О КЛЮЧЕВСКОМ

«Его лекции — каждая лекция, обычная, рядовая лекция для студентов, то есть, по-нынешнему, его будничная «работа», за обычную зарплату и по обязанности профессора, была целым событием, о котором говорил весь Университет, а через студентов чуть ли не вся Москва. В студентах каждая его лекция «переворачивала все мозги»...

Ведь с кем же мы, его слушатели, можем его сравнивать, сопоставлять? Никто никогда не стал бы сравнивать ни с какими профессорами. По его действию на нас мы это полученное от него волнение и возбуждение мыслей и чувств ставили в один ряд с тем, что мы испытываем от Шаляпина, от Ермоловой, от Художественного театра. Эти часы были — все, всегда неизменно, каждый раз — откровениями».

А. Н. ТРОИЦКИЙ

«Он весь был гибок, подвижен, необыкновенно жив. Живость, величайшая живость — вот качество, которое первым в нем бросалось в глаза... Это и есть талант. Ключевский был в высшей степени талантливый человек; не профессор, не ученый, но именно — человек... Богатая и яркая личность».

В. В. РОЗАНОВ

«Глубокий и тонкий исследователь исторических явлений, он сам стал теперь законченным историческим явлением, крупным историческим фактом нашей умственной жизни. Этот факт ждет и требует исследования, объяснения и изучения. ...Ключевский во всем, начиная с самой своей приметной, выразительной, приковывавшей к себе невольное внимание внешности, был своеобразен и самобытен, и в общении с ним чувствовалось, что имеешь дело с оригиналом-самородком, а не с копией с кого-нибудь или в чем-либо. Он был талантлив до гениальности. Но неразгаданной остается и, может быть, навсегда останется тайна гениального дарования. Какие таинственные силы созидают гений? Откуда является он к нам в лучезарном сиянии, озаряя нас и оставляя широкий и светлый след за собою? В нем всегда остается нечто иррациональное, не поддающееся объяснению».

М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

подъемах и падениях как на главном содержании мировой истории, признавал неважными случайностями те местные исторические обстоятельства, в которых вращается человек, условия географические, политические, экономические и всякие другие. Мыслящие современники Смутной эпохи, размышляя о ней, не отрешались от привычного исторического взгляда старых летописцев; но он несколько осложнился в их мышлении. И провидение, и злое начало остались на своих местах и при своем деле — взаимной борьбе за человека; но они теперь получили значение исторических факторов высшего порядка, которые не вступаются в дела человеческие прямо, а пользуются *земными средствами* действия. Эти земные орудия высших сил — людские доблести, недостатки, страсти. Так, целям божественного провидения служит даже недосмотр человеческий, ибо, по Писанию, кого хочет бог наказать, у того отнимает разум. Надобно изучать эти земные орудия, чтобы постигнуть вскрываемые ими пути провидения и козни диавола. Но эти орудия неземных сил, стоящих вне истории, сами подлежат условиям земного существования, т. е. находятся в области ведения географии, этнографии, политической экономии, психологии — словом, принадлежат к числу реальных явлений местной народной жизни, подчиненных действию исторической причинности. Надобно изучать эти явления в связи причин и следствий, чтобы разобрать сложные нити, соединяющие дела человеческие с таинственными силами, их направляющими. Тогда наблюдатели стали внимательно присматриваться и к местным формам политического быта, изведав недавним опытом, какое значение имеют они для индивидуального нравственно-религиозного существования, для жизни души человеческой, всегда бывшей и оставшейся главным средоточием древнерусских исторических воззрений. Новый взгляд на государство помог этому усиленному вниманию к местным условиям жизни. *Несть власти* аще не от бога. Следовательно, государство есть богоучрежденный церковно-народный союз для достижения целей общего блага, духовного и материального.

Материальное, земное благоденствие невозможно вне государства, как вне церкви невозможно душевное спасение. Но ошибки и пороки людей, особенно правителей, могут так испортить этот союз, что он будет только мешать, а не помогать и материальному благоденствию, и душевному спасению. Сколько народных бед приключилось, сколько христианских душ погибло напрасно,— все оттого, что Грозный и Годунов допустили или не предотвратили некоторых непорядков в русском государстве!

Читая записки русских современников о Смутном времени, поражаешься, как новизной, тем напряженным интересом, с каким они, объясняя происхождение Смуты, ищут причин ее именно в *органическом расстройстве государственного порядка*, в неправильном направлении политических отношений. В этих записках мы едва ли не впервые наблюдаем превращение *русского бытописателя из моралиста-обличителя в политика-мыслителя*.

Так совершился переход русского бытописания от летописи к историографии — акт, может быть, самый трудный из всех, какие приходилось совершать русскому бытописанию. Потому он и требует особенного внимания. Переход этот обозначился двумя важными успехами исторического мышления: 1) ходом событий внушен был новый взгляд на государство как на церковно-национальный союз, в самом себе, в своем существе заключающий свои интересы, свои задачи, свои условия существования, независимые от лиц или династий; 2) найдена была видимая, доступная изучению связь между таинственными силами, правящими миром, и фактическим ходом этого *мироправления, вследствие чего исторический процесс введен был в реальные условия человеческой жизни* и утратил в новом сознании характер непрерывного чудотворения, какой он имел в старом, летописном мышлении.

Публикация
Р. КИРЕЕВОЙ и А. ДУБРОВСКОГО

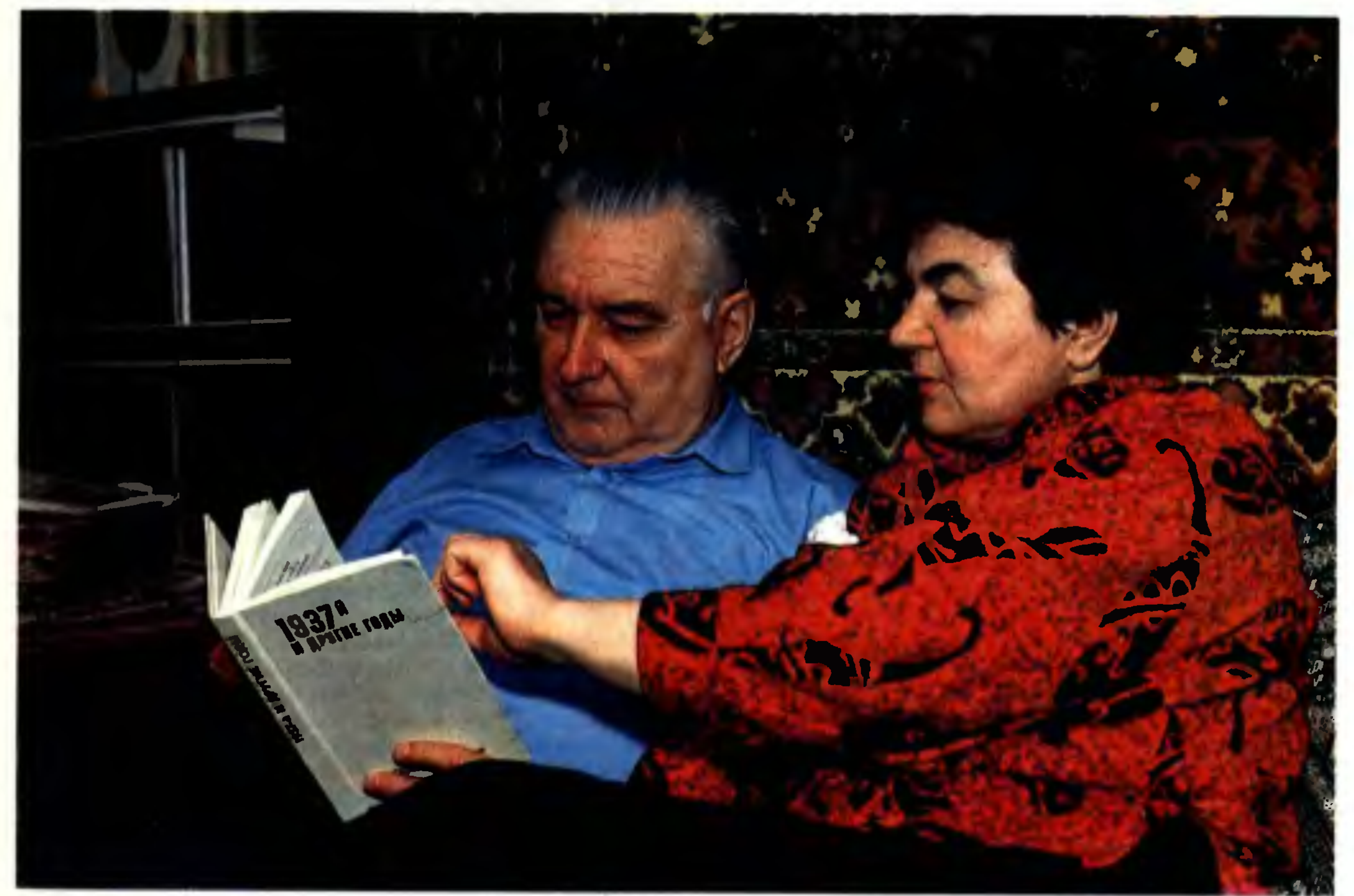
БИБЛИОГРАФИЯ

Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1836; М., 1916; Птг. 1918.
Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; М., 1988.
Боярская дума древней Руси. М., 1882; М., 1883; М., 1902; М., 1909.
Курс русской истории. Ч. I—V (любое издание).
Сочинения в 8 томах. М., 1956—1959.
Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
Неопубликованные произведения. М., 1983.
Сочинения в 9 томах. М., 1987—1990.

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» Нины Андреевой

РАССКАЗ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», ГОТОВИВШЕГО НАШУМЕВШИЙ «АНТИПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ МАНИФЕСТ»

Всем памятен день 13 марта 1988 года, когда в газете «Советская Россия» была опубликована статья преподавательницы химии из Ленинграда Нины Андреевой. Появление ее вызвало большие споры о роли тех или иных политических деятелей в ее написании, о том, кто из членов Политбюро был «крестным отцом» антиперестроечного манифеста. Теперь домыслы и догадки уступят место истине. История появления статьи «Не могу поступаться принципами» будет рассказана в книге «Со Сталиным за перестройку», автор которой, бывший редактор отдела науки газеты «Советская Россия», готовил к публикации названную статью... Речь в книге пойдет также о политической судьбе Е. Лигачева, которого В. Денисов хорошо знал по работе в Томске... Автор приводит многие факты, до сих пор неизвестные общественности.

Книгу «Со Сталиным за перестройку», которая, возможно, станет бестселлером, готовит к публикации издательство «Родина».

Накануне моей поездки в Ленинград мы созвонились, и Нина Александровна назначила мне встречу у Технологического института, у памятника напротив входа. Утром 9 марта 1988 года я был в Ленинграде. «Красная стрела» приходит рано, и я отправился в гостиницу «Смольненская», куда меня приняли по «заказу» работников Ленинградского обкома партии: как известно, просто так в «Смольненскую» никто не мог попасть... К одиннадцати часам, как и было условлено, отправляюсь на встречу. Когда договаривались о ней, я спросил Нину Александровну: «А как я вас узнаю?» «Я сама вас найду»,— был ответ. И вот стою у памятника в асфальтированном квадратике и чувствую себя неуютно под взглядами спешащих студентов. Я еще не знал, что это короткое ожидание обернется вскорости долгим, порой мучительным «стоянием» под пристальными, выпытывающими, изучающими взглядами множества людей, пытающихся понять, что за человек Нина Александровна и тот, кто привел ее на страницы газеты.

Ждать пришлось недолго: из института быстрым шагом вышла среднего роста и крепкого вида женщина в белой рубашке с галстуком, плотно обтягивающей юбке и кожаной куртке и, безошибочно определив, кто ей нужен, подошла ко мне:

— Вы Денисов?

— Я Денисов.

— Пойдемте.

Это была еще мало кому известная, скромная преподавательница химии, через четыре дня ставшая знаменитой Ниной Андреевой.

Поднимаемся по мраморной лестнице. «Я проведу вас на кафедру философии, а то у нас на факультете мы не сможем поработать»,— сказала Нина Александровна. Смысл этой маленькой хитрости я уяснил позднее. Займись мы статьей на многолюдной кафедре физической химии, где у Андреевой был лишь стол в общей комнате, это сразу же стало бы известно всему институту. А кафедрой философии, чего я до поры не знал, заведовал муж Нины Александровны, профессор В. И. Клушин. Мы прошли в его кабинет, и Андреева выложила на стол пачку машинописных листов — первый вариант статьи «Не могу поступаться принципами». Разговор начал Клушин — видно было, что идеи будущей публикации он полностью разделяет.

Позже разгорелись жаркие споры о происхождении статьи, напечатанной под рубрикой «Письмо в редакцию преподавателя ленинградского вуза». Почти все оппоненты слово «письмо» брали в иронические кавычки и высказывали самые фантастические версии. По одной из них, писала статью якобы группа публицистов, экономистов и философов под руководством главного редактора «Советской России» Валентина Чикина. По другой — ленинградские партаппаратчики. По третьей — ближайшее окружение члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева или даже он сам... Потом будто бы шли поиски подставного автора, которого и нашли в конце концов в Петродворце, поскольку именно там... размещены новые корпуса Ленинградского университета. Но в старейшем учебном заведении страны не нашлось-де желающих стать «подсадной уткой», и тогда уговорили Андрееву... Все эти «якобы» и «будто бы» можно нанизывать до бесконечности. Самым убийственным представлялся такой аргумент: простой преподаватель химии не в силах написать программную статью, «манифест антиперестроечных сил». Даже авторы иных писем в «Советскую Россию» просили редакцию снять грех с души и открыть имя «подлинного автора».

Но все это будет позже, когда общество после трехнедельного выжидания с шумом и грохотом расколется на два непримиримых лагеря, когда с каждой новой «антиандреевской» публикацией будет автоматически расти значимость статьи, стараниями ниспровергателей ставшей-таки манифестом — антиперестроечным, разрушительным, неприемлемым для одних, а для других — созидающим, отстаивающим незыблемые принципы бытия... Ясно, что с таких вершин странно выглядел автор манифеста — никому не известный старший преподаватель технического вуза. Если уж борьба во имя высших идеологических целей, то пусть зовет к ним авторитетная личность с высокими политическими титулами. Общество, в течение семидесяти лет молившееся идейным «вождям», было озадачено неожиданным лидерством «винтика» с дипломом кандидата технических (?!) наук. Жаждавшие нового кумира, как и те, кто готовил против него ядовитые стрелы, просто-напросто забыли, что иные былые вожди не то что кандидатского диплома не имели, но порой и аттестата о среднем образовании.

Сегодня, спустя без малого три года, перечитываю ту знаменитую статью и, остывши от бешеных страстей, не могу взять в толк, что в статье такого, что было бы не по силам преподавателю института, да еще с ученой степенью... Нет уж, тогда действительно завязался остроохватывающий сюжет политического детектива с гримом и переодеваниями, но Нина Андреева не стала ни его автором, ни главной героиней. Она добросовестно сыграла отведенную ей судьбой роль в прологе, не подозревая, что режиссеры готовят небывалый спектакль, где она так и простоит актером без голоса, эдаким антиперестроечным символом.

Об этом у нас еще будет возможность поговорить, а пока познакомлю с тем письмом Н. А. Андреевой (действительно письмом, без каких-либо натяжек), что редакция «Советской России» получила в феврале 1988 года. Вот оно передо мной: регистрационный номер 127605/37, датировано 1.02.88. Поводом для письма послужила статья историков В. Горбунова и В. Журавлева «Что мы хотим увидеть в зеркале революции» — о только что опубликованной пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!». Тогда редакция получила несколько откликов на эту скромную рецензию. В письме Н. А. Андреевой неполных две страницы, и есть смысл привести его полностью, тем более что не будет нужды напоминать, с чем не соглашались в пьесе историки. Нина Александровна сама дает ей оценку.

«Уважаемая редакция!

С большим интересом и удовлетворением прочитала в «Советской России» от 29.01.88 статью историков В. Горбунова и В. Журавлева «Что мы хотим увидеть в зеркале революции». Актуальность ее трудно переоценить в условиях, когда в стране активизировались силы, атакующие руководящую роль рабочего класса и его партии, созданной В. И. Лениным. Массированность, оголтелость и «многовариантность» этих атак свидетельствуют, что они далеко не случайны и не стихийны, а связаны с серьезными процессами, происходящими внутри страны и за рубежом. Развернута беспрецедентная кампания фальсификации и искажения истории социализма, фронтального опорочивания руководящего ядра нашей партии и правительства на всех исторических этапах. Призывы Генерального и других секретарей ЦК КПСС повернуть фальсификаторов к фактам реальных достижений социализма как по команде вызывают вспышки новых «разоблачительных» кампаний.

Заметным явлением в этой антипартийной кампании является пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!». Она свидетельствует, что ее автор полностью отошел от теории марксизма-ленинизма. Рецензенты правы, что он абсолютизировал субъективный фактор при игнорировании объективных законов истории, отверг вывод Маркса о решающей роли народных масс в развитии общества, отказался от главного в марксизме-ленинизме — учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса и роли его революционной партии нового типа. Не подкоп ли это под конституцию как основной закон нашего государства? Или эти основополагающие истины марксизма-ленинизма Шатров занес в разряд «штампов», «догм» и «стереотипов»? Следует спросить у драматурга: признает ли он Программу и Устав партии, в которой состоит?

Ученые-историки убедительно показали, что Шатров опасно исказил действительный исторический процесс построения социализма в нашей стране. Подчеркну лишь отдельные моменты. Практика очередной раз подтвердила, что тот, кто с шатровских позиций «замахивается» на Сталина, неизбежно бьет по Ленину и ленинизму. «Исторический нигилизм» — не конечная станция для таких, как Шатров, и он закономерно переходит к опорочиванию государства диктатуры пролетариата и всего построенного и защищенного в боях социализма. И, наконец, при таких исходных «методологических» установках ничего не стоит «повесить» на Сталина убийство Троцкого, Кирова, «блокаду» Ленина. А где доказательства? В общем, принцип старый и знакомый: клевещи, клевещи, авось что-нибудь да останется. И напрасно авторы рецензии расшаркиваются перед «талантами» Шатрова. В художественно-эстетическом отношении его пьесы крайне низкого качества, а привлекаемая в них «острота и конфликтность» носит сенсационно-провокационный характер. Объективно он трубадур троцкистских идей и оценок в наши дни.

Многие из проблем отечественной истории, искажаемых Шатровым, так или иначе отразились в двух интервью секретаря Союза писателей РСФСР А. А. Проханова в газете «Ленинградский рабочий» от 24.07.87 и 1.01.88. Я приняла участие в обсуждении этих интервью, где вопрос касался также «художественной деятельности» Шатрова и К°. Копии этих писем в редакцию «Ленинградского рабочего» от 17.08.87 и 25.01.88 я считаю целесообразным как дополнение приложить к настоящему отклику. Если возникнет необходимость, мои суждения могут быть использованы редакцией «Советской России».

С уважением

член КПСС с 1966 г., старший преподаватель кафедры физической химии Ленинградского технологического института им. Ленсовета, кандидат технических наук Андреева Нина Александровна.

1.02.88».

Вот таким было письмо, с которого все и началось. Кстати, письма аналогичного содержания, и тоже с приложениями, Андреева послала и в другие редакции, в частности в «Правду», но коллеги, похоже, сперва не заметили их (что неудивительно: в центральные газеты ежедневно приходят сотни всевозможных посланий), а потом сделали вид, будто ничего такого не получали...

Еще одно письмо Нины Александровны пришло, кажется, в «Советскую культуру». Но уже заканчивалась поляризация прессы, на первом этапе перестройки выступавшей единым фронтом «за». К весне 1988 года представить письмо Нины Андреевой напечатанным в «Советской культуре» было так же невозможно, как статью Михаила Шатрова в «Советской России».

В общем-то ничего неожиданного в приведенном выше письме нет. Откликов, повторюсь, поступило немало, очень похожих и по содержанию, и по тону. Меня всегда поражала безапелляционность крайних суждений (и «правых», и «левых»): ни тени сомнения в своем праве обличать, ни следа весомых аргументов в пользу своей позиции, ни уважения к объекту критики. Авторы не спорят, а обвиняют, отсюда и особый стиль, очень напоминающий стиль политических судебных процессов 30-х годов. В частности, в письме Андреевой словно бы оттуда взяты формулировки — «опорочивание руководящего ядра», «антипартийная кампания», «подкоп под конституцию», «трубадур троцкистских идей»... Общая с авторами других откликов точка зрения выражена (особенно в приложенных копиях писем в ленинградские газеты) наиболее полно, даже с цитатами из классиков марксизма, обществоведов, политиков и политологов. Причем Нина Александровна свободно оперировала фактами истории и современной жизни. Словом, тут был известный журналистам случай, когда в газету самотеком пришла почти готовая статья.

Письмо Н. А. Андреевой, точнее, его ксерокопию, мне принес главный редактор В. В. Чикин. Вечером в первых числах марта (точно день не помню) я сидел в своем кабинете редактора отдела науки и учебных заведений и разбирал накопившееся за день. (К слову, в «Советской России» вечерняя работа всегда, а при Чикине особенно, считалась непреложным правилом. Если редактор уходил сразу по окончании рабочего дня, он считался неважным редактором. Редко кто отваживался рисковать своей деловой репутацией.) Вошел главный и положил толстое письмо (с приложениями в нем оказалось более 30 страниц):

— Прочти, выскажешь свое мнение...

Те, кто хорошо знает Валентина Васильевича, на этот счет не обманываются: «выскажешь свое мнение» означает, как правило, что он уже все решил, а от тебя ждет одобрения. Прочтя принесенное, я понял, что главный намерен печатать статью, а мне предстоит ее готовить. Причем сделать это будет несложно. Так и сказал ему. Но дня через два выяснилось, что решение принимал не Чикин или, вернее, не только он. Кто же из простых смертных мог знать в тот вечер, что разворачивалась большая политическая игра.

Напомню: критический материал о пьесе «Дальше... дальше... дальше!» появился не только в «Советской России». Почти день в день аналогичную статью (других авторов) поместила «Правда». Профессионалы, которым хорошо известны нравы большой прессы и ее идейных вдохновителей, без труда могли определить: публикации заказаны «сверху». Не думаю, что и для большинства читателей такая скоординированность могла оказаться в новинку. На памяти были кампании «единодушного осуждения» Твардовского, Солженицына, многих других «отступников», а также прочие идеологические залпы: то за всеобщую трезвость, то против нетрудовых доходов... Несть числа спланированным, отлаженным газетным «битвам», в коих журналистам отводилась роль бессловесных организаторов и исполнителей, обязанных, по мысли «заказчиков», взяв под козырек, «творчески» внедрять в массовое сознание очередные спасительные идеи. Средства массовой информации и их сотрудники десятки лет не знали ни своих прав, ни обязанностей. Время от времени, еще с хрущевской «оттепели», вспыхивали споры — нужен закон о печати, споры столь же острые, сколь и наивные: что может закон в море беззакония? Статус журналистов определялся то как «подручные партии», то как «партийные публицисты»: тут тебе «права», тут и «обязанности»...

Не знаю, не интересовался, как распорядилась «Правда» откликами о пьесе Шатрова. О судьбе же писем в нашу газету мне рассказал сам Чикин. Все отклики он отправил Е. К. Лигачеву. Егору Кузьмичу очень понравились суждения Нины Александровны Андреевой, и он позвонил по «вертушке»: «Валентин, что ты собираешься делать с этим письмом? Его обязательно надо использовать в газете!» Так решилась судьба будущего «манифеста». Чикин прибежал возбужденный. Видимо, разговор с Лигачевым состоялся только что и еще раз показал главному редактору, что газета на правильном пути. С этой минуты он стал

торопить меня, ему не терпелось как можно быстрее и лучше выполнить высокое поручение.

В «Известиях» (17.10.90) появилось сообщение о том, что персональный пенсионер Е. К. Лигачев дал интервью американскому журналисту Дэвиду Ремнику. Касаясь истории со статьей Нины Андреевой, интервьюер задает вопрос: имел ли к ней отношение Егор Кузьмич? «Ладно, я готов ответить на все,— сказал Лигачев. Он молча покивал головою, а затем продолжал говорить о себе в третьем лице.— Первое: что касается публикации этого материала, Лигачев не имеет с этим ничего общего. Позже, на заседании Политбюро, были попытки отдельных лиц — я не хочу их сейчас называть — привязать Лигачева к Нине Андреевой. Но Лигачев узнал о статье Нины Андреевой, как все читатели,— прочитав «Советскую Россию».

Предоставлю читателю самому судить, можно ли «привязать» Лигачева к Нине Андреевой, считать ли директивой его «пожелание» Чикину «обязательно использовать это в газете» или всего лишь «советом постороннего». Юрий Черниченко так выразился по схожему поводу: «Нам посоветовали сделать телепередачу про институт, о котором говорит известное постановление. Совет есть совет, его не обсуждают...» Отмечу еще одну подробность: в письме Андреевой оказались подчеркнутыми наиболее «ударные» фразы и выражения. Вряд ли это сделал Чикин перед отправкой почты Лигачеву. Указывать главному идеологу партии, на что ему следует обратить внимание! — на подобную бестактность наш главный редактор не решился бы. В руководящей среде субординация свята... Тут иное: выделяя понравившиеся ему мысли ленинградского химика, Лигачев как бы намечал контуры будущей публикации.

Нет, вовсе не случайно оппоненты Андреевой укажут пальцем на Лигачева, «крестного отца» и вдохновителя «статьи о принципах». Звонки, подчеркивания — это мелочи! Вся деятельность, идеологическая роль с железной последовательностью и необходимостью «привязывали» Лигачева к Нине Андреевой, сплачивали ряды их сторонников в разворачивающейся борьбе.

...После разговора с главным редактором я позвонил в Ленинград. Мы быстро договорились с Ниной Александровной, что из всей присланной «рыбы» («рыбой» журналисты зовут газетный полуфабрикат) она сделает новую статью, добавив факты по своему усмотрению. Главное, чтобы статья была острой и свежей. Тут же условились о встрече. И вот сидим в маленьком кабинете Клушина и вместе с Андреевой читаем первый вариант ее статьи. Мои замечания не очень существенны: что-то уточнить, что-то переписать, что-то добавить. Нина Александровна соглашается далеко не со всеми просьбами. Особенно долго спорили о той части статьи, где шла речь о Сталине. По сути, она взялась его реабилитировать. Оговорки, что-де точную оценку Сталину уже дал XX съезд партии, мало меняют суть.

Да она и не скрывала намерения.

— Я сталинистка,— слышу откровенное признание. К тому времени появилась тьма публикаций о репрессиях, произволе, но у нее на этот счет свои взгляды. В статье они сглажены, не могла же Андреева вовсе не считаться с общественным мнением, но позже расставила все «акценты».

— А экономическая система сталинизма? Ведь она показала свою несостоятельность? — спрашиваю собеседницу.

— Что вы, напротив! Система не успела по-настоящему раскрыться...

Продолжать спор, вижу, бессмысленно. Пусть будет, как она хочет: в конце-то концов не моя, а ее подпись стоит под статьей.

Не стану, впрочем, лукавить: тогда я соглашался со многими положениями статьи «Не могу поступаться принципами». Далеко не со всеми, правда... Теперь думаю иначе. Тем не менее и сегодня не могу принять те обвинения, что приходилось много раз слышать: раз, мол, ты готовил статью, значит, полностью отвечаешь за ее содержание. Так было принято во времена обязательного единомыслия. Но плюрализм или есть, или его нет. «Полуплюрализм» — то же единомыслие. Принцип многообразия мнений предполагает если не уважительное, то хотя бы терпимое отношение ко всяким взглядам. Подчеркиваю: взглядам, а не действиям, которые могут быть противозаконными, за что и нужно привлекать к ответственности по закону. А идеям, которые вас не устраивают, лучше всего противопоставить другие идеи... Может показаться, что автор ломится в открытую дверь. Увы! Через три недели после статьи «Не могу поступаться принципами» и ему, и многим другим пришлось сполна испытать, каков он, наш «плюрализм» образца 1988 года...

На другой день, 10 марта, Нина Александровна принесла дополненный, уточненный и перепечатанный на семейной машинке текст своей статьи. А я пошел наводить о ней справки, ведь ничего же мы не знали, кроме имени и должности. А какой она работник, каково ее «общественное лицо»? Представляю, какие гримасы вызовет сегодня это признание. Но пусть вспомнят газетные ветераны, когда они отказались от такой практики, если вообще отказались... Самому сейчас смешно, но я действительно встретился с заведующим кафедрой физической химии, деканом физико-химического факультета и секретарем факультетского партбюро и сказал им примерно следующее: редакция «Советской России» готовит статью Н. А. Андреевой на идеологические темы и хотела бы знать, не вызовет ли появление этого автора на страницах газеты каких-либо возражений, не связанных с содержанием статьи. Выслушав эту абракадабру, собеседники сделались скучно-серьезными и дали Нине Александровне благожелательные характеристики. Привожу их такими, как помечены в моем блокноте.

Зав. кафедрой: «Очень опытный и знающий преподаватель. На кафедре пользуется уважением, студентам ее занятия нравятся».

Секретарь партбюро: «В общественной жизни очень активна, любые поручения выполняет добросовестно».

Декан: «Так добросовестно, что порой придерживать надо, а то весь факультет втянет... Нет-нет, это я к слову. Нина Александровна хороший работник».

Само собой, характеристики формальны. А я что, откровений искал? С незапамятных времен в газетах считалось обязательным узнать «на всякий случай», нет ли за автором «чего-нибудь», не прикатят ли те же начальники «телегу»: почему с нами не посоветовались, мы бы рекомендовали другого автора... Вспоминаю этот анахронизм, чтобы лишний раз подчеркнуть: насколько рядовой представлялась поначалу статья Андреевой.

Прощаясь в Ленинграде, Нина Александровна сказала:

— Доверяю вам и редакции вносить любую правку, какую сочтете нужной. «Советская Россия» — такая газета, которая мои мысли не переиначит.

Еще недоверчиво спросила:

— Вы уверены, что статья будет напечатана?

— Уверен,— я постарался намекнуть, что ее письмо уже читали «где следует»...

Последнее, что оставалось сделать в Ленинграде,— добыть хороший снимок Андреевой. Позвонил фотокорреспонденту местной газеты. Парень дело свое знал: за пять минут до отправления поезда в Москву принес в купе пакет с готовыми карточками. Одну из них — Андреева среди студентов — «Советская Россия» напечатала с краткими сведениями о Нине Александровне на первой странице в том же номере, где на третьей странице красовалась ее статья. Удивительно, что снимок и подпись к нему мало кто из читателей заметил: немало писем-откликов начиналось словами: «Уважаемая Нина Андреева! Не знаю ни Вашего отчества, ни возраста...» Забегая вперед, скажу, что автора снимка пришлось даже защищать от наскоков: ему, как и мне, тоже ставили в вину появление Нины Андреевой. А он вообще не ведал, что к чему: парню указали фамилию, примерный сюжет снимка — остальное дело техники.

Вернувшись утром 11-го в редакцию, сразу же пошел к Чикину доложиться. Они с первым замом уже ждали:

— Привез?

— Привез...

Оживились, перебирают снимки:

— Поставим статью в воскресный номер.

Эта пятница запомнилась сумасшедшим темпом. Статья оказалась много длиннее, чем могла вместить газетная страница. Сокращали несколько раз. А главное, «приподняли» ее, убрав многие «убойные» обвинения, тяжеловесные формулировки и целые абзацы, поместить которые не решились даже «Советская Россия».

Позже оппоненты выбрали своей мишенью даже заголовок статьи. Почему-то они высмеивали само стремление отстаивать принципы. Не откажу в удовольствии сообщить критикам, что авторский заголовок, выглядевший несколько иначе — «Не поступаться принципами»,— взят из выступления М. С. Горбачева на Пленуме ЦК: «Мы должны... действовать, руководствуясь нашими марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предлогами». Сохраняя основную мысль Андреевой, я вписал заголовок помягче: «Не могу поступаться принципами»... Тут едва не вышел курьез: главный и первый зам решили воспроизвести в газете рукописный заголовок, так сказать, оставить для истории авторский почерк. Может, и предвидели, что найдутся сомневающиеся в существовании Андреевой, так вот вам ее рука! Уже отдали текст фотографу и в цинкографию... Успел сообщить об ошибке. Тогда воспроизвели машинописный вариант.

В субботу на редколлегии Чикин доложил: «На третью полосу пойдет статья из Ленинграда, подготовленная отделом науки». Чья статья, о чем — ни члены коллегии, ни другие редакторы ничего не поняли. Но никто не поинтересовался: давно принимали как должное единоличные решения главного. Атмосфера таинственности висела весь день. Даже ответственный секретарь редакции, чья обязанность — отправлять материалы в набор, с содержанием статьи смог познакомиться едва ли не в подписной полосе, то есть накануне выхода газеты в свет.

Вечером, получив наконец «сигнальный» номер, развернул его почти без сил. Догадывался ли, что начнется через сутки? Отнюдь. В моем тогдашнем представлении статья, повторяю, хоть и отличалась остротой особого рода, все же не была такой уж из ряда вон выходящей, тем более что автор привлечен по настоянию второго человека в партии. А возможно, и первого: ведь многое, о чем писала Андреева, содержалось в докладах и выступлениях Генерального секретаря. Более того, Горбачев и Лигачев в то время усиленно подчеркивали, будто ни на букву не расходятся во взглядах, и не упускали повода публично опровергнуть утверждения о якобы возникающих меж ними яростных спорах. Словом, тоже не поступались принципами, среди которых долгие годы непреложным, прямо-таки священным полагался принцип единства мыслей всех членов Политбюро.

Отгремели ротаторы, размножив имя Нины Андреевой пятимиллионным тиражом,— и страна ахнула! В тот же день, 13 марта, в воскресенье, в редакцию пришли десятки телеграмм: «Благодарим за статью «Не могу поступаться принципами», «Низкий поклон Нине Андреевой и редакции «Советской России»...

В понедельник Е. К. Лигачев проводил совещание с руководителями газет, журналов, информационных агентств, радио и телевидения. В. В. Чикин всегда рассказывал редколлегии, о чем шла речь на таких встречах. В моей рабочей тетради сохранилась запись о совещании 14 марта:

«Лигачев говорил о ситуации в Нагорном Карабахе. Секретариату ЦК поручено вести связанные с этим дела... Сказал, что пресса должна выступать взвешенно и осмотрительно. Критиковал публикацию в «Московских новостях»: «Разве не ясно, что это стоит крови?» Подстрекательскую роль в конфликте сыграла книга Зория Балаяна «Очаг». Михаил Дудин написал письмо Горбачеву, чтобы Карабах передали Армении. Дудина хотели послать в Закавказье, пусть увидит происходящее своими глазами, но не могут вытащить с дачи. Лигачев посоветовал прочесть вчерашнюю статью Нины Андреевой — «во всех отношениях замечательный документ». Общее резюме: ЦК не допустит дестабилизации обстановки в стране».

Конечно, это не запись очевидца. Но атмосферу, стиль передает. И, конечно, случайность, что в тот день речь шла о карабахских проблемах. Хотя как смотреть... Третий год перестройки уже явно показывал: ее колеса прокручиваются вхолостую, движения вперед нет ни в политике, ни в экономике. Начинался кризис, который через год-два клещами охватит хозяйство, науку, культуру, национальные отношения и саму правящую партию. Карабах — один из первых симптомов беды. Случайное соседство в речи Лигачева — Карабах и Андреева — сегодня видится скорее закономерным: старая система искала выход из тупика в старых же методах: «ЦК допустит», «ЦК не допустит»,— еще не понимая, что кризис и порожден всеохватным диктатом.

Логично, что еще через день со Старой площади поступили рекомендации, правда, неофициальные (на официальные не решились: все-таки шел 1988 год, а не 1982-й) — изучать статью Нины Андреевой в системе политического просвещения.

У Чикина в первые дни телефоны не умолкали ни на работе, ни дома: его поздравляли с удачей. Звонили, естественно, те, кто значится в списках абонентов обеих «вертушек» (для непосвященных: АТС-1 пользуются высшие руководители, АТС-2 — ярусом ниже). Начальник Генерального штаба маршал Ахромеев взял домашний телефон Нины Александровны поблагодарить и ее. Андреева потом рассказывала, что маршал наговорил комплиментов, высказал полную поддержку.

Эйфория охватила все этажи власти. Ленинградский первый секретарь Ю. Ф. Соловьев «от имени коммунистов области» пообещал Чикину «широко обсудить» статью.

В то время я, да и не только я, еще не знал, что в Политбюро письмо Нины Андреевой воспринято далеко не однозначно, что через несколько дней главному редактору газеты «Советская Россия» позвонит Горбачев...

До того дня, как общество увидело четко обозначившийся раскол на партийно-политическом Олимпе, оставалось три недели...

Из интервью Н. А. Андреевой советским и зарубежным корреспондентам

ВОПРОС: Ваше новое письмо, которое недавно опубликовали «Московские новости», показывает, что вы нисколько не жалеете, что весной была напечатана ваша статья, которая вызвала резкую политическую реакцию и которая была названа «Манифестом консервативных сил». Почему? Какие у вас имеются аргументы для этого? (Б. Лацманович, «Виесник», Югославия, октябрь 1988 г.)

ОТВЕТ: Действительно, я нисколько не жалею в связи с опубликованием моего письма в «Советской России». Оно отразило создавшееся положение в стране. Я получила свыше 3 тысяч писем читателей. Около 90 процентов авторов этих писем разделяют мои позиции и взгляды, подкрепляя мое мнение аргументами и доказательствами, которые сейчас нежелательно помещать в нашей печати. Те, кто отвергает мои позиции, судя по содержанию их писем, в основном являются родственниками некогда раскулаченных и считают себя еще оскорбленными... За прошедшие полгода меня посетили свыше 500 человек из разных городов и населенных пунктов. Они хотели обменяться со мной мнениями. Беседы с ними позволяют мне сделать вывод, что своим письмом в «Советской России» я задела самые важные вопросы общественно-политического бытия, которые самые активные «духовные вожди» хотели обойти молчанием.

ВОПРОС: Кого вы считали своими пророками из лидеров коммунистического движения, мыслителей? Вы ныне продолжаете их считать своими героями? Кого считаете фальшивыми пророками? (Б. Келлер, «Нью-Йорк таймс», октябрь 1988 г.)

ОТВЕТ: Пророки и пророчества — это что-то от религии. Их не признаю и им не верю. По-видимому, речь может идти об авторитетах в области теории и практики международного рабочего и коммунистического движения. Прежде всего здесь назову наших великих учителей, основоположников научно-пролетарской идеологии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина... Среди выдающихся марксистов и революционеров я бы назвала Г. В. Плеханова, И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана, Георгия Димитрова, Мориса Тореза, Пальмиро Тольятти, Хо Ши Мина, наших современников Фиделя Кастро, Алваро Куньяла, Гэса Холла, Эриха Хонеккера и других лидеров освободительной борьбы народов. Именно их я считаю героями борьбы с международной реакцией за мир, демократию и социализм.

Что касается «фальшивых пророков», то я бы к их числу отнесла прежде всего Троцкого, нанесшего неисчислимый вред мировому коммунистическому движению и нашей стране, а также его политических и духовных наследников — оппортунистов и ревизионистов всех мастей в разных странах.

ВОПРОС: Со сталинской политикой коллективизации связывают массовый голод начала тридцатых годов... (И. Николаев, О. Сидоров, «Молодежь Якутии», март 1990 г.)

ОТВЕТ: Ничего подобного. Мор был связан с засухой. А что касается коллективизации, то именно она спасла крестьян от нищеты и голодной смерти. Когда раскулачивали — сводили личные счеты, да, это было. Но подавляющее большинство раскулаченных были настоящими кулаками.

ВОПРОС: Вы когда-нибудь верили, что коммунизм будет построен при вашей жизни? Верите ли вы в это сейчас? (Б. Келлер.)

ОТВЕТ: Коммунизм в основе его первой фазы, как известно, был построен до моего рождения. Представляется, что основы второй фазы коммунизма в ее достаточно развитой форме будут построены за рамками двух-трех десятилетий напряженных исканий и труда по социально-экономическому развитию социализма.

ВОПРОС: Нынешнюю перестройку связывают с революцией... Так ли это? (И. Николаев, О. Сидоров.)

ОТВЕТ: Сейчас, на пятом году перестройки, можно сделать вывод, что это контрреволюция. И другой оценки быть не может. Суть перестройки — это капитализация социализма, это шаг назад в нашей истории, реставрация капитализма.

ВОПРОС: Нужен ли сегодня какой-то новый путь к душам молодых? (Ю. Бугров, «Молодая гвардия», Курск, ноябрь 1989 г.)

ОТВЕТ: Пусть это звучит тривиально, но нашей ученической, студенческой и рабочей молодежи надо говорить правду. А главная правда сегодня в том, что вновь «Социалистическое Отечество в опасности!».

ВОПРОС: Кто может сейчас реально заменить Горбачева? Тот ли Горбачев сейчас, что и в 1984 году? (Ш. Сили, Венгрия, декабрь 1989 г.)

ОТВЕТ: Как известно, незаменимых людей нет. Если возникает потребность, то, как правило, находятся и люди, способные ее реализовать. Например, как это недавно произошло в Китае. Если возникнет необходимость замены М. С. Горбачева на руководящих постах, то такие кандидаты найдутся в партийном коллективе ЦК КПСС.

Второй вопрос связан с развитием теоретического потенциала и политической позиции Генерального секретаря... Многие считают, что он отступил от ленинизма в решении ряда идейно-теоретических проблем, что и развязало антисоциалистическую тенденцию в перестройке, проявившуюся в кризисе экономики, политики, идеологии и культуры. Недостаточность теоретических проработок обусловила также, по мнению его критиков, принятие ряда позднее отмененных решений и законов.

ВОПРОС: Являетесь ли вы членом какой-либо неформальной организации или выступаете как одиночка? (Ш. Сили.)

ОТВЕТ: 18—20 мая 1989 года в Москве состоялась учредительная конференция организации «Единство»... В выступлениях участников конференции прозвучала озабоченность нарастанием негативных процессов в стране, проанализированы причины тревожных явлений, сформулированы задачи членов организации... Избран руководящий орган — Координационный совет общества. Председателем этого Совета конференция избрала меня... 6—7 ноября с. г. в Москве состоялся расширенный Координационный совет «Единства», который подвел итоги полугодовой работы общества, принял ряд резолюций (о собственности, о власти, об участии в избирательной кампании, о научно-техническом прогрессе, протест против очернения Советских Вооруженных Сил, против нападок «желтой прессы» на журнал «Молодая гвардия» и др.), постановил провести научно-практическую конференцию «Наше дело правое»...

Фото Владимира Лагранжа.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ И НАШ МОНАСТЫРЬ

ГЛЕБ АНИЩЕНКО,
христианский писатель

Более семидесяти лет назад в России прозвучал старый призыв строителей Вавилонской башни: «Построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. 11, 4). Призыв был услышан и воплощен в дело. Но постройка не явилась актом творения, т. к. отсутствовал главный элемент творчества — Боговдохновенность. Поэтому искусственное образование не смогло естественным образом вписаться в Божий мир и органично существовать в нем.

Строители предполагали, что внешняя, искусственная монолитность будет обеспечиваться искусственной же иерархичностью и запланированностью внутренней жизни. Но с течением времени естественные процессы опровергли все планы: выстроенные перегородки неумолимо рушатся. Несмотря на это, внутреннего единства не наступает, скорее наоборот. Вместо искусственных перегородок насельников башни начинают разделять естественные трещины, незапланированные ни «инженерами человеческих душ», ни «прорабами перестройки». И это уже грозит целостности самого монолита.

Одной из первых и самых глубоких трещин, обнажившихся сейчас, стала национальная проблема. Аккуратно расчерченное единство расползается на глазах. «Инженеры» и «прорабы» застыли в оцепенении: по их чертежам такого быть не должно. Не может помочь тут и опыт решения национальных проблем в несоциалистическом мире: ведь речь идет о постройках, отличающихся друг от друга по самой сути своей.

При том, что наше общество теперь все чаще обращает свои взоры к христианству и Церкви, можно было бы надеяться, что ключ к решению проблемы отыщется здесь. Однако в самой Русской Православной Церкви в ее нынешнем историческом состоянии явно заметнее становятся национально-конфессиональные трещины. На одном полюсе накапливаются силы, выступающие за консервацию и очищение русского Православия от «чуждых элементов». На другом группируются экуменистические или околоэкуменистические силы, для которых конфессиональных, а соответственно и национальных границ не существует.

На мой взгляд, необходимо не уничтожение, а, наоборот, сохранение и подлинное развитие своей специфики через врастание в Богочеловечество Иисуса Христа. В результате этого врастания различия остаются, но теряют всякий антагонизм. Благодать Христова очищает все индивидуальное, специфическое от того негативного, что привнесено в него в результате грехопадения. Лишь тогда вражда, ненависть, агрессия исчезнут, «не поднимет народ на народ меча» (Ис. 2, 4), а вот личное, индивидуальное достигнет полноты своего Богозданного бытия: «Волк и ягненок будут пастись вместе» (Ис. 65, 25).

Принцип, который положен в основу взаимоотношений между нациями внутри Православия, в определенной степени можно перенести и на взаимоотношения между разными христианскими конфессиями и между различными религиями. С одной стороны, православная традиция предостерегает от «вавилонского смешения», проводимого экуменическими течениями крайних толков, которые неизбежно выхолащивают самою сущность каждого из вероучений. Но православная же традиция учит и другому. Русское Православие на протяжении всей своей тысячелетней истории существовало на территории, где было представлено множество иных религий. Всякое бывало за это тысячелетие: были и гонения на старообрядцев, и некоторые ограничения для иноверцев. Но никогда не было крещения огнем и мечом, которое испытали на себе коренные народы Америки, Африки, Австралии, или того порабощения неверных, которому подверглись жители части Европы, завоеванной мусульманами. Русский человек, руководимый православным духом терпимости и всепрощения, веками вырабатывал в себе такой подход, который бы дал ему возможность, оставаясь христианином, мирно сосуществовать с другими народами и религиями. «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить»,— отмечал Лермонтов.

Я пишу это вовсе не для того, чтобы восхвалить свою религию или свой народ. Похвастаться нам, увы, нечем. За последний век русский народ растерял почти все то, что было накоплено веками предыдущими. Впрочем, и другие народы нашей страны, столько лет находившейся во власти атеистов, утратили лучшие традиции своих вероучений.

Очевидно, что именно тогда, когда внутренняя жизнь религиозного организма искажена, он начинает проявлять внешнюю агрессивность. В этом — большинство причин межрелигиозных конфликтов. Истинно верующим людям разных вероисповеданий гораздо легче понять друг друга и договориться, чем тем, кто лишь поверхностно соприкоснулся с религией и пытается утвердить свою веру за счет противопоставления другим.

Но такова реальность. Религиозно-национальное возрождение у всех народов нашей страны будет протекать трудно и мучительно. Это необходимо осознать и смириться с этим. Другого выхода нет: только пройдя тяжкий путь восстановления духовных основ жизни каждого народа можно выработать принципы их сосуществования. И в этой связи особенно важна «идея всечеловеческого единения», усвоенная Русским Православием. Повторяю, что это не похвальба, а призыв осознать ту величайшую ответственность, которая лежит на нас в деле примирения всех народов, населяющих Российское государство.

Сейчас вокруг нашей больной Родины собрался врачебный консилиум. Врачи от «перестройки» предлагают всеми силами сбивать температуру, не пытаясь обнаружить причину болезни. Другие, общество «Память», например, усиленно ищут те шипы, о которые (как им кажется) больная когда-то укололась. Третьи приносят мешок заграничных лекарств, мало заботясь, какие именно болезни лечатся этими лекарствами, и не обращая внимания на возможную аллергию. Критик С. Чупринин, скажем, заявляет: «Нет уж, пока мы не перестанем упирать на то, что нас отличает от всего прочего человечества, мы не станем цивилизованным обществом. Неповторимость неповторимостью, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят...»

В чужой-то, верно, не ходят. Но пора вспомнить, что у нас был, есть и, надеемся, всегда будет свой «монастырь» — Русская Православная Церковь в ее метафизическом значении и русская Православная культура, этой Церковью воспитанная. Именно в этом «монастыре» нашей больной стране и нашему народу следует пройти длительный курс духовной терапии. Там они обретут одновременно и самих себя, и лекарство всечеловеческого единения во Христе.

ЛЮБИТЬ В СЕБЕ ПРИРОДУ!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЙ ЖУРНАЛ «НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА»

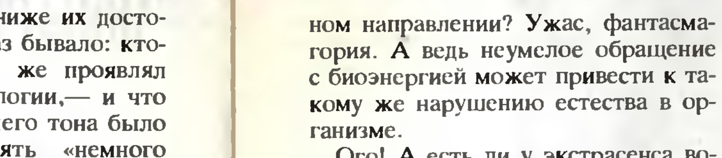
Его, как и «Родину», будет выпускать наш редакционный коллектив (в мае планируется выход первого номера). «Любить в себе природу!» — таков девиз нового издания. Журнал рассчитан прежде всего на тех, кто мечтает поднять ресурс своего здоровья. Здесь будут и практические рекомендации, и всевозможные школы здоровья, и рецепты траволечения, и тысячи других полезных. советов. Но вот чего точно не будет, так это дешевых сенсаций, бьющих на низкопробный вкус с расчетом любой ценой нажить славу изданию. В стране уже столько страданий и беды, что безнравственно развлекать, надо всерьез помогать людям.

Само название журнала уже проясняет его концепцию. О чем он? Во-первых, об уникальном наследстве, оставленном нам всей историей живого на планете,— физиологическом богатстве человека. О том, как народная медицина во все времена изобретательно находила способы адаптации человека к социальной действительности. Журнал и о том, как врачу и народному лекарю делить сферы влияния.

Знакомя с бесспорными достижениями всего, что предлагает для профилактики здоровья народная медицина, журнал будет и организатором официальной проверки, аттестации методов знахарей, экстрасенсов, нетрадиционных подходов в лечении болезней.

Предлагаем вашему вниманию одну из рубрик журнала «Народная медицина» — «Экстрасенс в клинике».

НАТАЛИЯ ХАРИТОНОВА,
главный редактор журнала «Народная медицина».

ДИПЛОМ ДЛЯ ЧАРОДЕЯ

Красивая женская рука как бы протирает подушечками пальцев небольшой участок на стекле. Но никакого стекла — это движение в воздухе, перед широко открытым глазом ребенка. «Ах, ты мой комарик!» — приговаривает экстрасенс. Она заставила бабушку заводить внучку в кабинет раз в час. И всякий раз упорно «стирала» то самое пятнышко с невидимого стекла. С девочкой беда: упала с качелей, ударилась, и глаз застило бельмо — белая пленка на зрачке. На эту-то пелену и направляла целительница биоэнергию своих пальцев. И — о, чудо! — уже на третьем сеансе стал прорезываться черный контур зрачка...

Людмила Жукова, работая инженером-обогатителем в Донецком НИИ, с давних пор помогала знакомым и малознакомым — люди обращались с недугами, она не отказывала. Но все между делом. Подругам, коллегам по работе снимала мигрень. В транспорте в толчее болезненно ежилась — чувствовала хвори рядом стоящих. Словом, склонности были явные. От судьбы не уйдешь: сегодня она как экстрасенс ведет прием больных вместе с врачами.

Весела, уверена в себе, в полном согласии с внешним и внутренним миром. Мажор чувствуется во всем, видна тяга к яркому, необычному — в ее собственном доме пестрые, в огромных цветах обои (любопытно — на каждой стене своего цвета и рисунка), две собаки, кошка и почему-то — гусь...

Но что-то, ловишь себя на мысли, мешает гармонии. Какое-то навязчивое из ее уст повторение: «Я подняла таких-то неизлечимых», «Я помогла», «Только благодаря мне»... Уж давно собеседник не сомневается, верит в ее чудодейственную силу, из вежливости слушает усиленную саморекламу, эти странные попытки защититься, оправдаться. Защититься — от чего? Оправдаться — почему?

Разные они, экстрасенсы, но почему-то вот эта черта у них одинаковая. Общее родимое пятно — глубоко засевший страх, что их не воспринимают всерьез, комплекс неполноценности. Их больно ранит, что биоэнергетика, с которой они работают, в восприятии многих не более чем эстрадный фокус, а подобное целительство — ловушка для простаков.

Увы, именно наша наука во многом дала повод к такому толкованию. Вспомним, ученые советы и не помышляли вносить биоэнергетику в планы исследований, заниматься магией, разумеется, ниже их достоинства. Правда, не раз бывало: кто-либо из ученых все же проявлял интерес к парапсихологии,— и что же? Правилом хорошего тона было его самого объявлять «немного того». Десятилетиями люки были задраены намертво. Сейчас совсем другое дело, кажется — мир перевернулся. Только и разговоров, что о чудесах экстрасенсорного целительства, сверкают имена, восходят кумиры. А если всерьез? К подлинному признанию, как и к знанию, не приблизились — из одной крайности бросились в другую. А те, одаренные природой, кто действительно способен к сверхчувственному восприятию, по-прежнему как в изгнании. Ведь сенсации, ажиотаж, в сущности, одной природы с непризнанием. Если вчера трудно было добиться, чтобы тебя услышали, то сегодня практически невозможно отмежеваться от шарлатанов. От тех, кто, получив удостоверение экстрасенса на курсах сомнительного пошиба, энергично стрижет купоны за счет невежества людей, производя действия, кстати, далеко не безвредные по последствиям.

— Биоэнергия — то же оружие, ею можно ранить,— предостерегает Л. Жукова.— Возможно ли представить, чтобы кто-то под давлением заставил вашу кровь течь в обратном направлении? Ужас, фантасмагория. А ведь неумелое обращение с биоэнергией может привести к такому же нарушению естества в организме.

Ого! А есть ли у экстрасенса вообще право лечить? Медицинская наука давно уже должна была с этим разобраться. Тем более что есть убедительные факты, с ними не поспоришь, биоэнергетику нельзя не признать. Почему, скажем, в новый дом, по народной примете, надо первой впустить кошку? Суеверие ли только? Оказывается, так устроена порода кошачьих, что для восстановления своего жизненного потенциала они ищут отрицательные энергетические зоны. И где свернулась клубком кошка, там нельзя ставить кровать — будет болеть голова. Древнее народное поверье, выходит, имеет научное обоснование.

Или взять насекомых — они сами заряжены отрицательной энергией. Поэтому от века практикуется такой метод борьбы с тараканами: мальчик верхом на кочерге должен обскакать по кругу избу. Язычество? Ларчик открывается просто: у детей сильный положительный заряд и очерченная ими невидимая замкнутая линия оказывается как был ловушкой для насекомых — впредь их это место не устраивает как место жительства, они уходят.

Самое удивительное... увы, в том, что медики, которым бы первыми заинтересоваться эффектами биоэнергетики, до сих пор проявляют ледяное равнодушие. Впрочем, медики — неточно. Органы командно-административного управления в этой отрасли — да, до сих пор были непробиваемы. Что же касается рядовых врачей-практиков, то сегодня мы свидетели того, как огромной волной поднимается их интерес к народным методикам лечения, в том числе и к приемам экстрасенсов.

Вот и на этот раз в Донецк съехались дипломированные врачи (в том числе и руководители клиник) из Сибири, Урала, Казахстана, Приполярья с желанием разобраться в сущности биоэнерготерапии, подвергнув практику Людмилы Жуковой коллективному мозговому штурму.

Семинар этот организован Украинской ассоциацией нетрадиционной медицины. Но для нас важно подчеркнуть не то, кто что организовал, а мотивы: ассоциация возникла как попытка противостоять искажениям и спекуляциям вокруг экстрасенсов. По мнению профессора С. Табачникова, ее руководителя, главное сегодня — бороться с тем, что дискредитирует народную медицину: снижать цену на услуги экстрасенсов (тут разброс более чем трехкратный), отработать правовую модель деятельности целителей с выдачей сертификатов, обучать этим методам дипломированных врачей и, конечно же, неустанно накапливать научную базу — фактические данные, подтверждающие результаты лечения биоэнергией.

...К Людмиле Жуковой всегда очередь. Она берется помогать преимущественно тем, кто не нашел помощи в клиниках. Искренне стремится им помочь. Слова заштампованные, а ведь какое редкое явление по нынешним временам — искренне стремиться помочь. Такое скажешь далеко не про каждого участкового врача. Тот в тисках формализма: заполнить карту, выписать рецепт, оформить справку. А поговорить? Некогда. Не потому ли качнулся народный интерес к лекарям, что невмоготу больше казенный конвейер, хочется человеческого тепла, участия? Жукова выходит в приемную: «Кто иногородний? Проходите без очереди». Маленький признак внимания — мы отвыкли и от него. И так в каждой мелочи — поразительный контраст с бездушием поликлиник, где нагрубят в регистратуре, швырнут пальто в гардеробе...

Может ли кто из врачей, как Л. Жукова, приняв в день 40—50 пациентов, завершить «смену» глубоко за полночь? Нет, заведено уходить ровно «по звонку». А в каком мединституте удалось отстоять ту истину, что врачи любой специальности должны быть также и психотерапевтами? Туго дается она чиновникам из ведомственных коридоров. А вот народным лекарям совершенно очевидна: каким бы методом они ни работали, они прежде всего психотерапевты, пусть даже самоучки.

ИРИНА НЕВЗОРОВА

Украинская ассоциация нетрадиционной и народной медицины осуществляет весь спектр методической помощи экстрасенсам: проводится экспертиза их методов, ведутся клинические наблюдения за больными, предоставляется возможность для повышения квалификации.

Экстрасенсы под руководством врачей, а также врачи-экстрасенсы ведут прием больных со всеми заболеваниями, кроме инфекционных и онкологических, туберкулеза, а также острых и хронических психозов.

Обращаться по адресу: 340059, Донецк, пр. Ильича, 90а, тел. 94-65-67.

ВЛАДИМИР ЖУХРАЙ,
профессор

АЗЕФ В ЮБКЕ

Список наиболее опасных агентов-провокаторов был бы далеко не полным... без Зинаиды Федоровны Генгросс-Жученко, долгие годы работавшей в охранке под псевдонимом «Михеев». Жизни этой действительно необычной женщины хватило бы на несколько детективных романов: современники называли ее Азефом в юбке, а руководители политического сыска — ласково «наша Зиночка».

В 1893 году в департамент полиции к тогдашнему главе политического сыска России Г. К. Семякину пришла на прием воспитанница Смольного института, дочь полковника Зинаида Генгросс. Семякин с удовольствием рассматривал золотоволосую красавицу с огромной косой, гадая о цели ее визита. Не так-то уж часто и тем более добровольно посещали его учреждение девушки из известных дворянских семей. И уже совсем удивился руководитель политического сыска, когда Генгросс заявила, что хотела бы заняться «неженским делом» — активно бороться с врагами государя-императора и просит удостоить ее такой чести. Опытный Семякин разгадал в Генгросс будущего талантливого и изобретательного агента.

Вот как описывал Генгросс-Жученко один из опытных революционеров А. В. Прибылев, которому в эсеровской партии пришлось работать с нею рука об руку и который после ее разоблачения, конечно, не мог не презирать ее как шпика охранки: *«Она очень высокого роста и очень худощава, правильное, симпатичное лицо с высоким лбом обрамлено светлыми, негустыми волосами. Золотые, под цвет волос, очки никогда не покидали ее носа... В общем, она была очень мила, всегда и на всех производила настолько приятное впечатление, так старательно располагала в свою пользу, что люди, впервые видевшие ее, скоро начинали относиться к ней с полным доверием и охотно открывали перед нею свои планы и мысли... Почти всегда ровная, спокойная и рассудительная, нередко веселая, она пользовалась неизменным успехом, а ее как бы искренняя сердечность и кажущаяся теплота отношения к людям вообще невольно вызывали симпатию и сочувствие окружающих... Отличительной чертой ее была деловитость, соединенная с величайшей скромностью... Она достигла без труда того, чего хотела. К намеченной цели шла уверенным шагом, не уклоняясь в сторону, не колеблясь перед выбором средств... Каждый шаг ее, каждое движение были рассчитаны на то, чтобы не обнаружить своей истинной роли, своего подлинного образа мыслей и своей деятельности...*

Скрыть свою душу, спрятать себя под скромным видом полной благонадежности было ей необходимо прежде всего. Но так же было необходимо проникнуть по возможности в таинственные планы окружающих ее друзей и получить наибольшую осведомленность о ходе их бесконечных предприятий. И то и другое удавалось ей в совершенстве».

Семякин направил Генгросс проходить «практику» в Московское охранное отделение. Вскоре, приехав в Москву, она не без любопытства рассматривала в Гнездниковском переулке двухэтажное зеленое здание — там помещалась охранка. Войдя в здание через небольшую узкую дверь и назвав себя (ее уже, по-видимому, ждали), Генгросс по винтовой лестнице поднялась в приемную начальника. Ее встретил старший чиновник для поручений, впоследствии небезызвестный руководитель всего филерского дела в России статский советник Медников — тучный человек с длинными русыми, зачесанными назад волосами, небольшой бородкой и усиками, с которым в будущем Генгросс пришлось немало поработать.

Попросив ее немного подождать, Медников скрылся за дверью кабинета. Сам Бердяев отсутствовал, и в кабинете в этот момент находился его помощник Сергей Васильевич Зубатов — к нему-то по распоряжению Семякина и была прикреплена Генгросс для обучения ремеслу тайного агента. Первое, что она увидела в кабинете,— это висящий на стене огромный портрет Николая II. Под ним за письменным столом сидел среднего роста человек в очках, с небольшими усиками и бородкой, по внешности ничем не отличавшийся от тогдашних российских интеллигентов. Он показался ей каким-то бесцветным.

Выйдя из-за стола и галантно поцеловав Генгросс руку, Зубатов заговорил приятным баритоном:

— Господин Семякин уведомил меня о вашем желании послужить Отечеству. Это очень похвально.

Заботливо усадив свою посетительницу в стоящее у стола кресло и удобно устроившись в кресле напротив, Зубатов продолжал:

— Но должен вас предупредить, работа, которой вы собираетесь себя посвятить, крайне опасная. В случае провала вы можете получить пулю или удар ножом из-за угла.

Зинаида Генгросс улыбнулась:

— Хотите запугать меня, господин Зубатов. Уверяю вас — я не из пугливых, сумею, если надо, постоять за себя. Хотите проверить, как я стреляю из револьвера? Навряд ли я стану легкой добычей. Впрочем, я вообще не собираюсь проваливаться.— И глаза Генгросс задорно блеснули.— Ну, а если что и случится со мной, то, значит, так тому и быть. Жалеть не буду.

Жандармский генерал Заварзин, объясняя поступление Генгросс-Жученко на службу в охранку, писал: «...Она согласилась пойти в секретную агентуру из любви к таинственному, риску и, отчасти, авантюризму».

Изучая Генгросс, Зубатов узнал, что на связи с мужчинами, в том числе и на верность в браке, она смотрит весьма легко, а своих многочисленных любовников презрительно именует «партнерами», оставаясь верной каждому из них не более трех дней. Впоследствии злые языки болтали, что и сам «идеолог» «полицейского социализма» в России Зубатов не устоял перед ее чарами. Утверждали также, что во время своей работы в охранке она находилась в интимных отношениях с руководителем филеров Медниковым, жандармским генералом Заварзиным и начальником Московского охранного отделения фон-Коттеном.

Дебют Генгросс в качестве тайного агента охранного отделения пришелся на время коронации Николая II в Москве. Бердяев решил воспользоваться предстоящим приездом царя в Москву и «порадовать» начальство созданным по рецептам Судейкина и Рачковского каким-нибудь громким делом. Все складывалось удачно. Именно тогда в московскую охранку поступило агентурное донесение: в доме, принадлежащем Якуб, по Тишинскому переулку, где проживали студенты Московского университета — члены сибирского землячества, собирается революционный кружок; в него входит и учащаяся молодежь. Как-то на заседании студент Иван Распутин напомнил слова Николая II при вступлении на престол: все либеральные перемены — бессмысленное ожидание — и высказал мысль: было бы хорошо для народа, если бы нашлись люди, способные убить царя во время коронации.

Иван Распутин был взят в активную агентурно-оперативную разработку, вел ее лично Зубатов. В ходе разработки выявилось, что Распутин поддерживает дружеские отношения с состоящим давно уже на учете охранки А. Ф. Филатовым. Через несколько дней было перехвачено письмо Филатова в Тобольск политическому ссыльному В. А. Ордынскому: «Какое мы переживаем время! Всюду жизнь, всюду движение, в воздухе носится тревога, чуется приближение бури, скоро разразится гроза, и неизвестно только, как она проявится и в какое направление пойдет. Интеллигенция готова, народ поддержит ее, недостает только руководителя героя. Но он явится, мы его создадим».

Прочитав письмо, Бердяев сказал Зубатову: «Ну что же, надо помочь им создать такого «героя». Пусть им станет сидящий под нашим колпаком Распутин».

Зубатов в выполнении замысла Бердяева главную роль отдал своей ученице Генгросс.

Генгросс вышла замуж за студента Жученко, хотя он меньше всего походил на героя ее романа. Зато он был близко знаком с Иваном Распутиным, правда, в его кружок не входил. Была ли женитьба Генгросс счастливой для охранки случайностью или запланированным Зубатовым элементом в разработке Распутина, сказать трудно. Вполне вероятно второе. В охранке понимали: юную жену друга, да еще такую с виду наивную, Распутин вряд ли заподозрит.

Через мужа Генгросс познакомилась с Распутиным и вскоре стала активной участницей его кружка. Она так ловко вошла к нему в доверие, что через какие-то две недели на столе Зубатова лежал полный список «распутинцев».

Действуя по инструкциям Зубатова, Генгросс-Жученко развила «кипучую» деятельность. Она вошла в группу, готовившую покушение на царя, нашла и переписала для Распутина и его друга Бахарева научные трактаты по изготовлению взрывчатых веществ (естественно, при содействии Зубатова), снабдила

их всеми необходимыми материалами и веществами для изготовления бомб, хранила у себя на квартире изготовленное взрывчатое вещество. Благодаря Генгросс-Жученко Зубатов и Бердяев знали о каждом шаге Распутина и Бахарева. Филеры Медникова следовали за ними по пятам. 17 апреля 1895 года они зафиксировали изучение Распутиным и Бахаревым помещения для членов императорского дома на Московском вокзале Николаевской железной дороги, а 25 апреля на Ваганьковском кладбище Москвы — испытание взрывчатого вещества; Распутин и Бахарев были столь неосторожны, что оставили часть склянок с изготовленным взрывчатым веществом на месте испытания. Впоследствии это послужило против них серьезной уликой.

2 мая охранка зафиксировала: Распутин, Бахарев и Акимова в подмосковном лесу почти пять часов заряжали бомбу. В ночь на 4 мая группа Распутина была арестована. В эту же ночь охранка произвела тщательные обыски более чем у 60 человек. При аресте Бахарева в его квартире обнаружили лабораторию для изготовления взрывчатых веществ и заряженный револьвер.

В Москву из Петербурга прибыл директор департамента полиции генерал Добржинский, славившийся особой тактикой допроса, умением вызывать на спор, а значит, и на «откровенность» арестованных.

Распутин и Г. Акимова не сочли нужным скрывать от следствия свои революционные взгляды. На допросе Распутин заявил: «Занявшись самообразованием, я пришел к убеждению, что жить узким личным интересом невозможно, что целью жизни надо поставить вопрос о голодных и раздетых... обратить внимание правительства на этот вопрос и разбудить общество можно лишь произведя эффект террористического характера». «Крайне угнетенное состояние русского народа,— говорила следователю Г. Акимова,— можно устранить лишь борьбой с политическим строем путем систематического террора, вплоть до цареубийства». Один из арестованных участников распутинского кружка Павелко-Поволоцкий подтвердил, что Распутин действительно призывал осуществить террористический акт против императора.

Накануне ареста группы Распутина Зубатов виделся на конспиративной квартире с Генгросс-Жученко и просил ее «посидеть» некоторое время в тюрьме. «Это застрахует,— говорил он,— от разоблачения и создаст вокруг ее имени революционный ореол, столь необходимый для дальнейшей работы в революционной среде». Немного подумав (уж очень ей не хотелось в тюрьму), Генгросс согласилась. В тюрьме она пробыла 11 месяцев и вела себя там «мужественно». Как и предполагал Зубатов, ее смелые выступления против произвола тюремной администрации, участие в голодовке заключенных создали ей нужный авторитет среди революционеров. В тюрьме она стала всеобщей любимицей. Приговор по делу «распутинцев», ожидавших смертной казни, был неожиданно для них «мягким». Распутин был приговорен к 5 годам тюрьмы и последующим 10 годам ссылки в Якутскую губернию. Г. Акимова — к 3 годам тюрьмы и 10 годам ссылки, Генгросс-Жученко — к 5 годам ссылки в отдаленные местности Сибири. 17 других участников кружка были освобождены и высланы из Москвы в отдаленные места под гласный надзор полиции. Бахарев во время заключения умер от брюшного тифа.

Столь «мягкий» приговор суда свидетельствовал, с одной стороны, что руководители политического сыска позволяли себе еще поиграть в «либерализм», с другой же — приговор показал, как высоко ценилась Генгросс-Жученко. Чтобы не выводить ее из игры, решили пойти на смягчение приговора всем осужденным, тем более при тщательном надзоре с ними всегда можно было расправиться и без суда.

За ликвидацию дела «распутинцев» Зубатов был награжден орденом Владимира — большая редкость в то время: столь почетным орденом жандармы, как правило, не награждались. А Генгросс-Жученко (в то время беременная), получив 1000 рублей наградных, фальшивые документы на вымышленное имя, 100 рублей ежемесячной пенсии, вместо ссылки поехала отдыхать к своим родителям в Кутаиси. Риска не было — все революционеры знали, что охранка старается после осуждения разметать однодельцев подальше друг от друга.

Перед арестом у Генгросс-Жученко произошел разрыв с мужем, узнавшем о ее многочисленных изменах. Окончив к этому времени медицинский факультет, он уехал в Сибирь работать врачом. Генгросс-Жученко родила в Кутаиси сына, некоторое время жила с родителями. Однако скоро ее авантюристической натуре такая жизнь наскучила. Она обратилась к Зубатову с просьбой восстановить ее на работе в охранке. Зубатов решил, что новый ввод этой дамы в русскую революционную среду надежнее будет осуществить постепенно и лучше всего из-за границы. В соответствии с разработанной Зубатовым легендой Генгросс-Жученко на положении ссыльной жила некоторое время в Сибири, затем «бежала», перешла на нелегальное положение, была «объявлена» во всероссийский розыск с указанием основных примет, включена в список лиц, подлежащих аресту в 1899 году.

А тем временем, прихватив с собой сына, названного ею в честь царя Николаем и который с тех пор много лет воспитывался в пансионате, Генгросс-Жученко оказалась в Лейпциге в распоряжении заведующего заграничной агентурой департамента полиции в Германии Гартинга. В Гейдельберге он познакомил ее с местными эсэрами-эмигрантами. Вскоре она завоевала полное доверие со стороны ЦК эсеровской партии и почти пять лет подробно «освещала» охранке эсеровскую эмиграцию. В сентябре 1905 года ЦК командировал ее на работу в Москву — в распоряжение эсера Сладкопевцева (партийный псевдоним «Казбек»), руководителя боевой дружины. Став любовницей Казбека, она не только полностью прибрала его к рукам, но и сумела выявить для охранки всех московских боевиков. Большинство из них накануне и в дни декабрьского вооруженного восстания были арестованы. Среди них оказался и эсер Беленцев с весьма интересной боевой биографией.

После участия в экспроприации одного из петербургских банков он бежал в Швейцарию, но был выдан русскому правительству. По дороге в Россию бежал, спрыгнул на ходу с поезда. Пытаясь скрыться от бдительного ока охранки, «совершил» в Москве карманную кражу, за что как человек без документов и определенных занятий под вымышленной фамилией попал в Бутырскую тюрьму. Об «одиссее» Беленцева Генгросс-Жученко рассказал Казбек. Сообщая о сенсационном разоблачении Беленцева, газеты распространили созданную охранкой легенду, будто бы Беленцев был раскрыт вследствие того, что в порыве откровенности, находясь в камере Бутырской тюрьмы, проболтался сокамерникам-уголовникам, которые и продали его администрации тюрьмы за 25 рублей.

Во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве по заданию эсеровского центра Генгросс-Жученко вербовала революционно настроенных рабочих и студентов в боевые дружины и тут же выдавала их охранке. Сам Казбек случайно избежал ареста. В сопровождении Генгросс-Жученко он уже поднялся на третий этаж дома (там в квартире этажом выше ожидали Казбека участники боевой дружины). Вдруг мимо промчались сыщики и жандармский наряд. Казбек не растерялся — сделал вид, что звонит в квартиру. На него не обратили внимания. Казбек и Генгросс-Жученко тотчас спустились вниз и скрылись. Генгросс-Жученко уговорила начальника Московского охранного отделения не арестовывать Сладкопевцева (Казбека) (он к этому времени был смертельно болен) и отпустить его за границу. Генгросс-Жученко уговорила и Казбека уехать за границу на лечение. Незадолго до смерти Сладкопевцева, уже после своего разоблачения, Генгросс-Жученко написала ему полное садистского цинизма письмо: подробно описала, как она, будучи тайным агентом охранного отделения, водила за нос и его, и руководство эсеровской партии.

Вскоре после отъезда Сладкопевцева за границу Генгросс-Жученко стала секретарем Московского областного комитета эсеровской партии и провалила вновь созданную боевую дружину, а в июле 1908 года — рязанский съезд эсеровской партии. Насколько тонко и умело она работала, говорят факты. Перед провалом, по разработанному Московским охранным отделением сценарию, Генгросс-Жученко (под видом организации ночевок, получения фальшивых документов и денег) знакомила очередную намечаемую к аресту жертву с агентом охранного отделения — некой Зарайской (партийный псевдоним «Аушка»). И только после этого «жертву» арестовывали. Все подозрения, связанные с провалом, падали прежде всего на Зарайскую. Проведя как-то ряд удачных провокационных комбинаций, Генгросс-Жученко бросила тень на секретаря Московского областного комитета эсеровской партии Г. С. Потапову (Лапину) (партийная кличка «Бела»). Ее заподозрили в предательстве. Человек исключительно честный, Потапова не выдержала позора и 19 мая 1909 года застрелилась, оставив записку, в которой говорилось, что, может быть, ее смерть заставит более бережно и чутко относиться к партийным товарищам, быть более осторожными с обвинениями в провокаторстве.

Для характеристики тайного агента охранного отделения Генгросс-Жученко важны два случая из ее провокаторской деятельности.

В январе 1907 года в Москве появилась отсидевшая долгие годы в каторжной тюрьме и бежавшая затем из ссылки член эсеровской партии Фрума Фрумкина. Она была осуждена за неудачное покушение на начальника киевского жандармского управления генерала Новицкого и горела желанием принять участие в новых террористических актах. Когда Генгросс-Жученко доложила об этом начальнику Московского охранного отделения, было решено захватить Фрумкину «с поличным». Генгросс-Жученко вместе с Фрумкиной и боевиком Прибылевым наметила подходящую для покушения фигуру. В своих воспоминаниях Прибылев впоследствии писал, что Фрумкина просила разрешить ей убить томского губернатора Азисгеева: это под его руководством черносотенцы в трехэтажном здании Томска заживо сожгли более тысячи революционно настроенных жителей города, собравшихся на митинг. Генгросс-Жученко возразила: несмотря на страшное злодейство, фигура провинциального губернатора для задуманного террористического акта все-таки мелковата — и предложила осуществить покушение на московского губернатора Рейнбота. На том и порешили.

Прибылев писал, что Генгросс-Жученко передала Фрумкиной браунинг и даже сама пришила к ее платью карман для его ношения, в намеченный день она проводила Фрумкину в театр и указала кресло, где якобы Рейнбот должен был сидеть во время спектакля. Оставив Фрумкину в зрительном зале, Генгросс-Жученко выдала ее агентам охранки: та была арестована в фойе театра. Она заявила, что намеревалась убить Рейнбота. На суде вела себя спокойно и мужественно.

«Смелость ее мысли,— писал Прибылев,— полнейшее отсутствие страха перед угрожающей ей участью и редкое умение с силой и убежденностью обрисовать свое внутреннее «Я» оставили глубокий след и поражали всех присутствующих на суде, не исключая и ее судей». Фрумкина была казнена. Так, благодаря провокаторской деятельности Генгросс-Жученко погибла эта мужественная женщина, хладнокровно и цинично посланная ею на верную смерть.

Второй факт. Генгросс-Жученко поручили организовать покушение на минского губернатора Курлова, будущего товарища министра внутренних дел. Боясь своим отказом от этого задания вызвать подозрение у руководства ЦК эсеровской партии и сохранить свое исключительное положение в партии, она согласилась.

В Московском охранном отделении разработали хитроумный план. За день до покушения на Курлова Генгросс-Жученко принесла изготовленную эсеровскими боевиками бомбу на конспиративную квартиру охранки. Там специалист по взрывным устройствам обезвредил запальное приспособление. Перед покушением Генгросс-Жученко передала эту бомбу эсеровскому боевику Пулихову; в ее присутствии он метнул ее в Курлова. Бомба, конечно, не взорвалась. Пулихов был схвачен и казнен.

После разоблачения Генгросс-Жученко Меньшиковым литератор Бурцев по заданию ЦК эсеровской партии встретился с нею в Берлине. На этой встрече, длившейся несколько часов, Генгросс-Жученко рассказала о многочисленных проваленных ею революционерах, о людях, отправленных ею на виселицу, в тюрьмы, на каторгу и ссылку. В заключение беседы с Бурцевым она сказала: «О каком предательстве вы ведете речь? Я служила идее. В то же время я просто обычный и честный сотрудник департамента полиции в его борьбе с революционным движением. Конечно, за свою опасную, но крайне нужную работу я получала очень высокое содержание и сумела материально хорошо обеспечить и себя и моего сына».

В тот же день она подробно описала содержание своего разговора с Бурцевым в письме к начальнику Московского охранного отделения фон-Коттену. Если Бурцев узнал из этого разговора только то, что уже было известно из разоблачений Меньшикова, то Генгросс-Жученко сумела установить, что тайны царской охранки выдает Бурцеву именно Меньшиков. В письме к фон-Коттену от 24 сентября 1910 года она писала: «О, если бы не Меньшиков. Тяжело, мой друг, не быть у любимого дела! Без всякой надежды вернуться к нему».

Еще 7 сентября 1909 года, желая морально подбодрить после провала свою бывшую ученицу, Зубатов писал ей: «...перед обществом вы прекрасно отчитались и объяснились, вполне реабилитировав значение секретной агентуры... Не устроиться ли вам официально при департаменте в качестве руководительницы и воспитательницы секретной агентуры... Воспитание Николашки (сына Генгросс-Жученко.— **В. Ж.**) — дело хорошее, но не заскучаете ли вы?»

В последнее время перед разоблачением Генгросс-Жученко получала жалованье 500 рублей в месяц. По представлению департамента полиции царь назначил ей пожизненно, по ее словам, княжескую пенсию в 3600 рублей в год.

После победы Великого Октября Генгросс-Жученко видели в Бельгии в обществе ее бывшего куратора Гартинга и бывшего чиновника для особых поручений при министре внутренних дел А. А. Красильникова, затем ее след затерялся.

ТИХОН КУЛИКОВСКИЙ-РОМАНОВ (КАНАДА)

Между двух огней

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУКА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ДЛЯ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

В России его имя почти не известно. Скромной жизнью обычного человека в небольшой квартире в Торонто живет родной племянник последнего российского императора Николая II, внук царя Александра III.

С Тихоном Николаевичем Куликовским-Романовым я познакомился этим летом. Жизнь его типична для оказавшихся на чужбине, чудом спасшихся членов семейства Романовых. Отнюдь не роскошное житье-бытье, потеря родных, переезды из одной страны в другую, смены подданств, жилья, профессий... Пока не осели кто где, не устроились кто как...

Внук российского императора служил в армии, учился, работал. Последние 22 года до пенсии — в Министерстве путей сообщения. Искренней страстью всей его жизни стало увлечение историей русской армии. Слабость Тихона Николаевича — оловянные солдатики, их у него более тысячи. Собранием своим гордится и с удовольствием демонстрирует гостям. С волнением показывал мне Тихон Николаевич немногие семейные реликвии: портрет деда, автопортрет матери, великой княгини Ольги, нарисованный при помощи двух зеркал, ее рисунки, семейные фотоальбомы. Настоящим событием для тихой, теперь уже устоявшейся жизни стала поездка в Финляндию в местечко Лангинкоски. Там стоит живописный рыбачий домик Александра III, где он любил проводить свой досуг. Домику этому в прошлом году стукнуло сто лет, и на этот «юбилей» местные власти и общественность пригласили в качестве почетных гостей внука царя Тихона Николаевича Куликовского и его супругу Ольгу Николаевну. «В Гельсингфорсе,— вспоминает Тихон Николаевич,— мы посетили Успенский собор. Над Сенатской площадью высится памятник моему прадеду, Царю-Освободителю Александру II... В порту у пристани перед дворцом президента, на обелиске, распростер свои крылья двуглавый орел. В 1918 году он был сбит большевиками, но уже в середине 20-х годов орел был возвращен на место. Независимая Финляндия уважительно отнеслась к истории...»

О нашей жизни хозяин расспрашивал с большой тревогой, хотя все, что происходит у нас, и так известно ему в подробностях: читает, слушает, искренне переживает. С надеждой говорит он о возведении храма на месте расстрела царской семьи в Екатеринбурге и о том, что пожертвует тогда удивительную реликвию, икону «Троеручицу», свидетельницу кровавой трагедии. Его письмо об этом было опубликовано в седьмом номере нашего журнала.

Сегодня мы печатаем отрывки из воспоминаний Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Для него это воспоминания о своей жизни и своей семье, для нас — история нашего государства.

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Моя бабушка*, Императрица Мария Феодоровна, родилась в 1847 году в Дании и была наречена принцессой Дагмар. Она была четвертым ребенком принца Люксборгского, будущего короля Дании Христиана IX, который вступил на престол лишь в 1863 году, по смерти бездетного Фредерика VII — последнего из рода датских Ольденбургов, занимавших престол более 400 лет.

Начало царствования моего датского прадеда было бурное. Его травили как «немца», но, процарствовав 43 года (с 1863 по 1906 год), он стал не только популярен и любим у себя дома, но, подобно королеве Виктории Великобританской, прозванной «Тещей Европы», был вправе называться «Тестем и Душкой Европы», титулом гораздо более уютным.

Своих дочерей король Христиан IX называл: Александру — «моя красивая дочь», мою бабушку — «моя умная дочь» и Тюру — «моя добрая дочь».

Младший брат — принц Вальдемар, умерший в 1939 году, был родным дедушкой Анны, королевы Румынской (урожденной Бурбон-Пармы).

Детство принцессы Дагмар было неспокойное. Дания, потерявшая в результате наполеоновских войн Норвегию, а с нею и свой флот мирового масштаба, была страной бедной. Восстание в Голштинии, тогда принадлежавшей Дании, поддержанное Пруссией, Саксонией и другими странами Германского союза, вылилось в 1848 году в трехлетнюю войну (1848—1850). Отец моей бабушки, принц Христиан, участвовал в этой войне, будучи командиром Конно-Гвардейского полка.

Спустя 14 лет, в 1864 г., при его вступлении на престол, невзирая на признание королевой Викторией английской и русским царем его прав на всю территорию датского королевства, Пруссия и Австро-Венгрия, ведомые железной волей канцлера Бисмарка, напали всей своей военной мощью на Данию, оправдывая свое нападение «защитой прав» южных герцогств Шлезвиг и Голштинии.

Разгром Дании был допущен Россией отчасти в отместку за то, что Дания пропустила английскую эскадру в Балтийское море во время Крымской войны (всего десятью годами раньше). Однако почти сразу после поражения посчиталось желательным поддержать и узаконить новую датскую династию, выдав замуж молодую принцессу Дагмар за цесаревича, старшего сына Царя-Освободителя (освободителя крестьян, а впоследствии и освободителя Балкан).

Однако чахотка в те времена была неизлечимой болезнью. На смертном одре цесаревич, соединив руку своей невесты с рукой брата, будущего Императора Александра III, завещал ему жениться на молодой датской принцессе. Свадьба состоялась 9 ноября 1866 года.

*Орфография оригинала

Молодые поселились в Аничковом дворце, где и находились в течение 15 лет, вплоть до вступления на престол наследника Александра. Это обстоятельство оказалось очень благоприятным, так как моя миниатюрная бабушка, казавшаяся еще меньше рядом с исполинской фигурой моего деда, за 15 лет смогла вполне освоиться со своей новой родиной, новыми порядками и обычаями.

Живой и жизнерадостный нрав моей бабушки приобрел ей друзей и обожателей на всю жизнь. Она любила красоту, роскошь, наряды и танцы и после бедной Дании наслаждалась пышностью русской придворной жизни, которой она и впоследствии придавала блеск и веселье при дворе своего мужа, ставшего Императором Александром III.

Они прекрасно дополняли друг друга. Он был всецело и принципиально человеком долга, человеком прямолинейным, любившим порядок, простоту и скромность. Но никогда он не был тяжелым «истуканом», каким его любят изображать современные горе-«историки».

Следует отметить, что он был очень весел и хорош с детьми. У него было прекрасно развито тонкое чувство юмора. Как пример приведу следующий случай. Мой дед не очень любил балы, а бабушка могла бы танцевать всю ночь! И, конечно, пока Императрица танцует, бал не может окончиться... Тогда Государь прибегал иногда к такой «тактике»-шутке: он подходил как бы невзначай к оркестру и потихоньку отсылал прочь поодиночке музыкантов, пока не оставался последний, который дул на трубе во все щеки «ум-па-па, ум-па-па». Танцы волей-неволей, но прекращались.

У моих бабушки и дедушки было пять детей:

будущий Император Николай II — родился в 1868 году,

Вел. кн. Александр (скончавшийся в младенческом возрасте) — родился в 1869 году,

Вел. кн. Георгий (умерший молодым в Абастумане от чахотки) — родился в 1871 году,

Вел. княжна Ксения — родилась в 1875 году,

Вел. князь Михаил — родился в 1878 году,

Вел. княжна Ольга — родилась в 1882 году.

Из всех детей бабушки я лично знал, кроме моей матери, лишь одну тетю Ксению, умершую в один год с мамой. Тетя Ксения умерла на Пасху, а моя мать — до Рождества в 1960 году.

Став Императрицей, Мария Феодоровна не вмешивалась в государственные дела своего державного супруга, но была всегда его лояльной помощницей во всем остальном, беря на себя также значительную долю репрезентативных обязанностей. Она была шефом Гвардейского Экипажа, также была «La Dame Blanche», т. е. шефом Кавалергардского полка («Кавалергардия» была создана Петром Великим к коронации Екатерины I, причем он сам стал «Полковым» Командиром. Генералы были офицерами, а майоры и ниже — «рядовыми»! Почтеннейшая воинская часть!). Кроме того, моя бабушка была шефом Кирасир Ее Величества (так называемых «синих» или «гатчинских» кирасир).

Так, в царственных обязанностях протекала жизнь Марии Феодоровны при жизни и после смерти Государя Императора Александра III в 1894 году и во время Великой Войны, наступившей в 1914 году,— вплоть до самой революции, которая застигла ее в Киеве, откуда Мария Феодоровна переехала в Крым, куда последовали и мои родители, и тетя Ксения с супругом Вел. князем Александром Михайловичем и детьми. Там все оказались арестованными «Ялтинским советом» и держались под стражей. Бывали частые «обыски» — якобы в поисках оружия. Но обыкновенно «исчезали» разные дорогие вещи... Императрицу «обыскивали» лишь один раз, ввалившись в спальню ночью... Но она, сидя в кровати, так накричала на комиссаров и матросов, что они смущенно убрались и больше в ее спальню никогда не заходили. Несмотря на то, что она была пленницей, и несмотря на свой маленький рост, она могла еще быть и грозно-повелительной, даже влиять на разнузданных бунтарей.

После Брест-Литовского «мира» в Крым пришли немцы и нас всех освободили, спасши от неминуемой гибели.

Императрица, с детства питавшая лютую ненависть к немцам еще за Данию, а теперь и к Вильгельму — за Россию, не приняла немецкого генерала, пожелавшего к ней явиться.

После поражения и капитуляции Центральных Держав в Крым пришли «белые» и английская эскадра.

По настоянию своей матери Король Георг V прислал за своей тетей военный корабль H. M. S. Marlborough (названный в честь нам всем знакомого «легендарного» Мальборга, предка Черчилля). Но Государыня поставила условием своего отъезда согласие англичан забрать одновременно всех тех, кто пожелал бы с нею покинуть Россию, что и было исполнено королевскими моряками.

Мои же родители (я родился в Крыму) не пожелали бросать родину. Тогда, им казалось, еще была надежда на лучшее... И они переселились на Кубань (где родился мой брат Гурий весной 1919 года).

После крушения Белого Движения на юге России мы эвакуировались в Константинополь (на Принкипо). Из Турции, через Сербию и Вену, мы добрались до Дании, куда бабушка уже приехала из Англии. С нею мы и прожили до ее кончины в 1928 году.

В изгнании вдовствующая Императрица продолжала, по мере сил и катастрофически урезанных финансовых возможностей, помогать всем к ней обращавшимся. Теперь, как и при царствовании своего супруга, а затем и ее сына, о котором и о семье которого она продолжала думать как о живых, в политику она не вмешивалась. Единственный раз Государыня нарушила свое молчание, дав разрешение Вел. князю Николаю Николаевичу предать гласности ее письмо, написанное ему по поводу произвольного выступления Вел. князя Кирилла Владимировича. Как мудро звучат и поныне слова Царицы-Матери: «Ваше Императорское Высочество! Болезненно сжалось мое сердце, когда я прочла манифест Вел. князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским. Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если Господу Богу, по Его неисповедимым путям, угодно было призвать к Себе моих возлюбленных сыновей и внука, то я полагаю, что Государь Император будет указан нашими основными Законами, в союзе с Церковью Православной, совместно с Русским Народом. Молю Бога, чтобы Он не прогневался на нас до конца и скоро послал нам спасение, путями Ему только известными. Уверена, что Вы, как старший член Дома Романовых, одинаково со мной мыслите.— Мария. Хвидере, 21 сент./4 окт. 1924 года».

Не только Вел. князь Николай Николаевич, но и последний вождь Русской Армии, генерал барон Врангель, и большинство истинных монархистов мыслили одинаково с моей бабушкой.

Зимой она жила в Копенгагене во дворце «Амалиэнборг», состоявшем из трех- и четырехэтажных зданий в стиле барокко, охватывавших широкую площадь. Ей было отведено то здание, в котором раньше жил ее отец — Христиан IX. Прямо напротив была резиденция короля Христиана X, ее племянника. С правой стороны ее дома жила вдовствующая королева Луиза, а здание слева, как и нижний этаж «нашего» здания, были предназначены для официальных приемов.

Когда король был в резиденции, то в 12 часов дня происходил «Вахтпарад» — смена караула, с музыкой, выносом знамени и т. д. Причем некоторые офицеры всегда косились из-под козырьков своих медвежьих шапок: не стоит ли Государыня у окна, и если ее замечали, то радостно, хотя и не официально, салютовали ей саблей. Королю это не нравилось, и он делал им грубые замечания. Но офицеры все же продолжали. Ибо Государыня была очень популярна среди датчан.

Сколько я себя помню, я всегда питал глубочайшее уважение к «Амама», как мы ее звали в семье. Она — мне казалось — была «всех главней!». Дом, сад, автомобиль, шофер Аксель, два ка-

мер-казака, при кинжалах и револьверах, дежурившие в прихожей, и даже датские гвардейцы, бравшие на караул у своих красных будок,— вообще все, все, все было бабушкино и существовало лишь для нее. Все остальные, включая и меня самого, были «ничто»! Так мне казалось, и так, до известной степени, оно и было.

«Аудиенции» у «Амама» были ежедневным ритуалом: к четырем часам дня нас подчищали, причесывали и вели навестить «Амама». Она сидела в небольшой светлой комнате, в углу между двумя большими окнами. Одно выходило на восток — на нижний сад и на море, другое — на юг, на дорогу, утопающую в садах, ведущую вдоль моря в Копенгаген. Когда мы входили, Государыня сидела лицом к двери, в голубой дымке от папирос «Абдулла», которые она курила через янтарный мундштук. Иногда она пила чай, а иногда просто вязала. В комнате обыкновенно присутствовали наша мать и тетя Ксения. Бывали и гости. Чаще всех — младший брат Императрицы — «дядя» Вальдемар, с бородкой и в золотом пенсне, со своим закадычным другом принцем Жоржем Греческим,— тем самым, что в свое время смягчил своей тросточкой удар японца-фанатика по голове наследника, будущего Царя-Мученика Императора Николая II.

В зиму с 1927 на 1928 год мы не уезжали в Копенгаген, ибо доктора посчитали, что Государыня была слишком слаба для переезда. Не рассчитанный на зиму дом согревался керосинками. Прошло еще полгода, и осенью, к вечеру, она скончалась. И почти сразу же появился датский гвардейский офицер в парадной форме с огромным венком от полка, шефом коего был в свое время Император Александр III.

Одинаковые телеграммы были посланы Митрополитам Антонию и Евлогию. Ответ Евлогия был: «Выезжаю». Ответ из Карловцев был условный: «Приеду, если не будет Евлогия» — и не приехал...

На похороны прибыло много высокопоставленных лиц: племянник Императрицы — король Хокон Норвежский, король Бельгийский Альбер с наследником Леопольдом, будущие короли Англии, братья Эдуард VIII и Георг VI и многие, многие другие.

В 1985 году, будучи в Дании, мы навестили собор в Роскильде, где раньше короновались короли и где находится их семейная усыпальница. Гроб Государыни покоится в соборе, в склепе, прямо под усыпальницей ее родителей. На стене, около гроба Императрицы, висят иконы и лампады. Белые стены, вдоль которых размещены гробы ее родственников, по протестантскому обычаю не украшены лампадами и иконами.

Покойная Императрица после своей смерти, может быть, навсегда оставила светлый след и сохранится в памяти людей на долгие годы.

Моя покойная мать — Вел. княгиня Ольга Александровна, родилась в Петергофе 1 июня 1882 года и поэтому является единственным «багрянородным» ребенком Императора Александра III. «Багрянородным» называется ребенок, рожденный от царствующего императора — от помазанника Божьего. У греков такого ребенка называли «пурпурогенный». В Византии, в первой христианской империи, этому придавалось особое значение.

Детство ее, хотя и протекало во дворцах, было подчинено строжайшей дисциплине и размеренному порядку и почти в спартанских условиях. Самым близким ей человеком была английская няня миссис Элизабет Франклин, по прозвищу «Нана», которая и оставалась при Великой княгине в России на правах друга до своей смерти.

Будучи самой младшей в царской семье, моя мать была ближе всех к Великому князю Михаилу Александровичу — дяде Мише, который был всего лишь на 4 года старше ее. В 1894 году скончался Император Александр III — Царь-Миротворец. Ольга Александровна обожала своего отца, мощного, уверенного, повелительного, а в семейном кругу веселого, ласкового и уютного. Потеря такого отца была для 12-летней девочки первым жестоким ударом. А в жизни ее ожидало еще много тяжелого.

Ее брак с герцогом Ольденбургским был неудачен. Он был страстный игрок, совершенно не интересовавшийся ничем больше. Когда она вышла замуж, ей было всего 19 лет. Ему было 33 года. Жизнь во дворце старых Ольденбургов была невеселая. Старый герцог был вспыльчив и, будучи сам энергичною личностью, презирал бесхарактерность своего сына и делал ему часто резкие выговоры, иногда кончавшиеся семейными сценами и бегством мужа Великой княгини в свой клуб. Он возвращался во дворец лишь на другой день, иногда с новыми картежными долгами. Более свободно дышалось Ольге Александровне в ее собственном имении Ольгино, в Воронежской губернии.

Великая княжна в детстве любила простых русских людей — солдат, матросов, несших службу во дворцах и на императорских яхтах. В имении же она видела вблизи жизнь народа с его радостями и нуждами. Она стала поддерживать местную школу и часто навещала ею созданный деревенский госпиталь, учась у доктора и помогая ему. Городская жизнь, балы и приемы ее не интересовали. Ее душа была открыта красотам природы. С детства она пристрастилась к живописи и продолжала ею увлекаться всю жизнь, куда бы ее ни забрасывала судьба.

Как-то, будучи на параде в Павловске, Великая княгиня повстречалась с Николаем Александровичем Куликовским, офицером, служившим в лейб-гвардии Кирасирском Ее величества полку («синих» или «гатчинских» кирасиров). Эта встреча оказалась «любовью с первого взгляда». В этом же полку в то же время проходил службу и ее любимый брат и нераздельный друг детства, Великий князь Михаил Александрович. По просьбе сестры Миша вскоре пригласил к себе одновременно моих будущих родителей, где и состоялось официальное знакомство. Великая княгиня, будучи очень прямолинейным человеком, жизненный девиз которой можно было определить словами «быть, а не казаться», сразу попросила развод с намерением выйти замуж за молодого офицера. Государь же решил, что она еще молода, жизни не знает и что это, вероятно, лишь временное увлечение, и предложил ей подождать семь лет. Ее старший брат, которого она горячо любила, был для нее одновременно и безусловно Императором. И она безропотно подчинилась его решению, смирившись терпеливо ждать семь долгих лет.

Уже с 1901 года моя мать стала шефом славного 12-го Гусарского Ахтырского полка. Летом 1914 года этот армейский полк прибыл на смотр Государя в Царское Село, где блестяще показал себя Императору и прямо оттуда, не заходя к себе в Меджибуж, ушел на фронт, т. к. в это время внезапно грянула первая мировая война. Мой отец Н. А. Куликовский добровольно вступил в ряды Ахтырского полка и с ним ушел на Юго-Западный фронт. А Великая княгиня, у которой был известный медицинский опыт еще со времени ее пребывания в Ольгино, пошла простой сестрой милосердия на тот же участок фронта, в район города Проскурова. И лишь потом, приобретя опыт, она стала начальницей своего госпиталя. Опять в согласии с ее девизом «быть, а не казаться».

Скромность Ольги Александровны была просто невероятна. Вот эпизод из ее жизни на фронте. Раз Великая княгиня посетила свой полк и, обходя окопы, оказалась под австрийским артиллерийским обстрелом. В те рыцарские времена от сестер милосердия не требовалось быть так близко к линии боев, и Великую княгиню за проявленную храбрость наградили Георгиевской медалью, которую ей вручил тогдашний начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал барон Маннергейм (впоследствии президент Финляндии). Бедная мама считала, что она ничего героического не сделала и положила медаль в карман своей кожаной куртки. И лишь по мольбам офицеров своего полка, уверявших ее, что, награждая шефа полка, награждают и весь полк, она надела медаль себе на грудь.

Прошло уже более семи лет с тех пор, как Ольга Александровна просила о разводе и все это время терпеливо ждала,

будучи уверена, что старший брат не забудет ее просьбу. Когда, наконец, пришло извещение от Государя об аннулировании ее брака с герцогом Петром Ольденбургским, госпиталь Великой княгини находился в Киеве, где проживала и ее мать, вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. 4 ноября 1916 года в маленькой церковке Великая княгиня Ольга Александровна повенчалась с любимым ею ротмистром Николаем Александровичем Куликовским. На свадьбе присутствовала ее мать, вдовствующая Императрица, и муж ее сестры, Великой княгини Ксении Александровны — Сандро — Великий князь Александр Михайлович — мой будущий крестный отец. На свадьбу были приглашены также несколько офицеров Ахтырского полка и сестры милосердия госпиталя Ольги Александровны. Свадьба закончилась ужином в госпитале.

Ольга Александровна была так благодарна Богу за свершившееся долгожданное счастье, что обещала бесстрашно принять все испытания, которые могут встретиться в будущем на ее жизненном пути.

После революции вдовствующая Императрица с обеими дочерьми и их семьями находилась в Крыму, где я и родился 25 августа 1917 года и был крещен Тихоном. Моя мать давно дала обет, еще живя в своем имении в Воронежской губернии, где святитель Тихон Задонский почитался местным святым, своего первенца назвать Тихоном.

Позже, как я уже говорил, мы перебрались на Кубань.

Принимая во внимание, что Государь с семьей, так же как и Вел. князь Михаил Александрович, были зверски убиты, и что на всей территории России из царской семьи осталась только одна Ольга Александровна, которая была очень популярна среди простых людей, т. к. молва широко разнесла по России ее инициативу по сооружению больницы и школы в Ольгине, ее заботу о раненых солдатах и жертвенную работу в прифронтовых госпиталях во время войны, возникла идея провозглашения ее Императрицей. Идея эта широко поддерживалась монархическими кругами Белой Армии. То, что она была замужем за «простым смертным», старый сенатор граф Гейден считал положительным фактором, принимая во внимание демократические веяния, вызванные революцией. Само собою разумеется, что нечестолюбивая и очень скромная Ольга Александровна от такого предложения наотрез отказалась.

Когда красные подступали к станице Новоминской, мои родители были разбужены ночью и, забрав детей, с тремя верными служившими им женщинами и четырьмя казаками ушли в последнее по русской земле путешествие. В Ростове их приютил датский консул Томас Николаевич Шютте. От него Ольга Александровна узнала, что ее мать уже в Дании. Скоро и мы перебрались туда.

После смерти бабушки мои родители купили ферму в 17 километрах от Копенгагена, с прекрасным домом, скоро ставшим центром русской колонии в Дании. Пасха и Ольгин день бывали особенно многолюдны и веселы. Ольга Александровна также была в контакте со всем миром, ведя обширную переписку со старыми друзьями, с офицерами Гвардейского Экипажа, конвойцами, кирасирами, ахтырцами, стрелками Императорской Фамилии и многими другими. Великая княгиня стала почетной председательницей ряда эмигрантских организаций, главным образом благотворительных. Тогда же был оценен ее художественный талант, и она стала выставлять свои картины не только в Дании, но и в Париже, Лондоне и Берлине. Значительная часть вырученных таким образом денег шла на благотворительность. Иконы, написанные ею, в продажу не поступали,— она их только дарила.

Король датский Христиан X, племянник Императрицы Марии Феодоровны, мог бывать резким. Но после того, как он уяснил, что «бедные родственники» ему обузой быть не собираются, он сменил гнев на милость и даже был очень доволен, когда мы с братом приняли датское подданство, чтобы служить в его армии. С другими датскими родственниками у Вел. княгини Ольги Александровны были всегда сердечные отношения. В Сочельник традиционно наша семья приглашалась на три елки. Начиналось богатым ужином у одного из двоюродных братьев Великой княгини, которых моя мать знала еще мальчиками. Тут было очень непринужденно и весело, зажигалась елка, дарились подарки. Затем ехали поздравлять их отца, принца Вальдемара, младшего брата Императрицы Марии Феодоровны. Он тогда был старшим по возрасту в королевской семье. Там была рюмочка чего-нибудь и около елки собирались другие родственники. Долго не задерживаясь, поздравив друг друга с праздниками, мы оттуда все вместе на нескольких автомобилях ехали к королю через дворцовый плац, где вызывался караул с выносом знамени, барабаном и флейтой, по всем правилам военного церемониала. У короля елка с подарками и легкая закуска за столом, с шампанским.

Весь этот традиционный уют прекратился после захвата Дании Германией 9 апреля 1940 года.

В течение военных лет Ольга Александровна продолжала помогать русским в беде. Несмотря на рационные карточки и опасность столкновения с оккупантами, все же передавались через проволоку разные продукты голодающим пленным, пригнанным немцами на разные стратегические постройки в Данию.

5 мая 1945 года немецкие вооруженные силы сдались союзникам в Голландии, Дании и Северной Германии. Опьяняющие дни победы над врагом, освобождения от оккупантов и упоения от наступившего мира. Но русским людям легче не стало. Охота началась с другого конца.

И опять Великая княгиня делает все, что в ее силах, чтобы помочь несчастным. Получив письмо от генерала Краснова, которого мои родители лично знали, она поехала к своему двоюродному брату Акселю, самому выдающемуся и дельному из всей королевской семьи. Он все понял и обещал помочь чем может людям, оказавшимся между двух огней. Но судьба казаков и других, выдаваемых Советам, была уже давно решена. И никакой писк из Дании, с трудом признанной победителями союзницей, их спасти уже не мог. Беглецы же, являвшиеся к Великой княгине в единоличном порядке, скрывались ею у себя дома, откуда их забирал знакомый датский полицейский и сажал на датские корабли, шедшие в Южную Америку. Эти дела милосердия и повлекли за собой необходимость переезда семьи Великой княгини за океан. Советский Союз предъявил датскому правительству ноту, где Вел. княгиня Ольга Александровна и католический датский епископ обвинялись как главные сообщники, помогающие врагам народа бежать от праведного отмщения. Принимая во внимание шаткое положение самой Дании, наличие советских войск в нескольких километрах от границы и присутствие советских агентов, рыскавших по Дании и похищавших невозвращенцев, было очевидно, что нужно уезжать.

В Канаде мы были встречены радушно, как местным обществом, так и русской колонией, собравшейся тогда у единственной церкви в Торонто на Глен Моррис-стрит.

Мои родители вначале купили ферму и занялись хозяйством, но годы уже сказывались, и они вскоре променяли ферму на домик в Куксвилле, предместье Торонто.

Великая княгиня скончалась 24 ноября 1960 года и была похоронена на русском участке кладбища «Норс Йорк», рядом со своим горячо любимым мужем Николаем Александровичем, умершим всего на два года раньше нее.

Какой же завет оставила нам Великая княгиня Ольга Александровна?

Как и царственные Новомученики, она всей своей жизнью дала пример глубочайшей веры в Бога и безграничного доверия к Нему, способствующего все в жизни принимать безропотно. Она также дала пример безусловной и всепоглощающей любви к России и к русскому человеку.

СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

ЮРИЙ ВЕТОХИН

СЕКРЕТНО

Дело № 0386

ФАМИЛИЯ Ветохин.
ИМЯ Юрий
ОТЧЕСТВО Александрович
РОЖДЕНИЕ 19 марта 1928 г.
СТАТЬЯ 56 через 17 УК УССР
СРОК —

Ветохин Ю. А. Ветохин Ю. А.

Именно так записано в «Деле» Ю. Ветохина. Была бы подходящая графа в паспорте, правоохранники с радостью внесли бы «тавро» и туда. Впрочем, паспорт у него к тому времени изъяли...

Разочаровавшись в коммунистическом рае, Ветохин попытался вплавь добраться до Турции. Побег не удался, однако неудача нисколько не смутила Юрия. Через три года, подготовившись более основательно, он вновь пускается в рисковое плавание. В этот раз Ветохина задержали совсем случайно, уже недалеко от нейтральных вод. Судебно-медицинская экспертиза признала его абсолютно здоровым. Однако следователи, не добившись от упрямого «беглеца» ответов на вопрос, как же он все-таки исхитрился пройти через все заградительные кордоны, упекли Ветохина в «психушку», где особым образом «лечили»... 9 лет.

В одном не ошиблись — склонен! «Освободившись», Ветохин начинает новую жизнь... с подготовки к очередному побегу. В одну из декабрьских ночей 1979 года, путешествуя на теплоходе, Юрий выпрыгивает через иллюминатор в открытое море, кишащее акулами. Провидение на этот раз оказалось к нему благосклонно. После изнурительного 45-километрового заплыва, почти без чувств, он последним усилием выбросил тело на песок индонезийского побережья.

Сейчас Ю. Ветохин живет в США.

Приговор

В институт имени Сербского, теперь скандально известный на весь мир, меня везли на КГБшном «козле». Стенки «козла» были исписаны, и я не успел разобраться в этих записях, как мы приехали. Меня ввели в вестибюль, внешне похожий на вестибюль любой больницы: столы и стулья — для ожидающих, два окошка с регистраторами и, кажется, все. Тюремные надзиратели передали меня двум больничным няням в белых халатах. Недалеко от винтовой лестницы, по которой мы поднялись, в один ряд с палатами, находилась плотно закрытая неприметная дверь без надписи, около которой на стуле сидел мужчина в белом халате, под которым виднелась военная форма. При нашем приближении надзиратель встал и своим ключом открыл эту дверь. Мы вошли, и дверь снова закрылась.

Я очутился в секретном политическом отделении № 4-Е Института судебной психиатрии имени Сербского, которое иностранные делегации «никак не могли найти».

...Вторая комиссия состоялась в начале марта 1968 года. Кроме начальника отделения Лунца и моего лечащего врача Сопляка, присутствовал генерал КГБ, директор института Морозов и старая карга — член Верховного суда СССР, имени которой я не знаю. Перед ними на столе лежали два тома моего уголовного дела со множеством закладок. Мне велели сесть за стол напротив них, и Лунц начал задавать вопросы.

— Юрий Александрович,— начал он очень солидно,— вот здесь, в сопроводительном письме крымского УКГБ, написано,— он ткнул коротким жирным пальцем в один из томов,— что следователь якобы гипнотизировал вас. Это правда? Как вы ощущали этот гипноз?

— Я никогда не говорил, что следователь «гипнотизировал» меня. Вы, наверное, имеете в виду мои слова о том, что следователь «меня измотал и заморочил мне голову»?

— Вот как! Ну а как насчет того, что следователь якобы запугивал вашу любовницу Иру Бежанидзе во время ее допроса в качестве свидетеля? Эти ваши слова тоже надо понимать как-нибудь иначе? — без всякой паузы и с заметным пристрастием продолжал Лунц.

— Тут надо понимать буквально.

Члены комиссии удовлетворенно переглянулись между собой. Следующей заговорила старуха.

— Э-э-э! Объясните ваши слова... Вы сказали на следствии, что в СССР... все люди живут на грани... э-э-э... нищеты, так как на зарплату прожить невозможно.

Старая большевичка тяжело дышала, открыв рот, и была похожа на курицу в жару. Отдышавшись, она продолжала:

— Тогда откуда же у людей свои автомашины, дачи, квартиры, телевизоры... э-э-э... холодильники, если они живут на грани нищеты?

— Машины и дачи у тех, кто ворует, спекулирует, берет взятки или принадлежит к правящей элите,— ответил я.

— Значит, они все живут нечестно, кто имеет машины и дачи?

— Все!

— Вы тоже хотели иметь собственную машину, не правда ли? И очень разочарованы тем, что не смогли купить ее? — вдруг вмешался Морозов.

— Я никогда не был автолюбителем,— честно ответил я.

— Ну тогда квартиру! Ведь вы разочарованы тем, что работали инженером в вычислительном центре, а не имели денег на покупку машины... или там квартиры? В этом вы обвиняли коммунистическую партию? Не правда ли? Только партия, считали вы, виновата в том, что вы, лучший кибернетик в СССР, не смогли купить себе машину?

— Какая глупость! — возмутился я.— Я никогда не думал и не говорил, что я «лучший кибернетик в СССР»!

— Но вы часто меняли место работы, считая, что вас мало ценят? — снова вступил в разговор Лунц.

— Я получал слишком маленькую зарплату! Ее не хватало даже на одно питание! Прочитайте, пожалуйста, мое дело — там все это записано! Именно поэтому я менял место работы.

Через два дня после этого мне велели расписаться в бумаге, где сообщалось, что дело мое «за судом». Еще через два дня состоялся и суд, на который меня не вызвали. Даже назначенный коммунистами защитник Шелест не пришел повидать меня и поговорить со мной.

В конце марта 1968 года Определение суда было отпечатано, и Левитанша* принесла его мне для ознакомления. Я взял через кормушку этот документ и стал тут же его читать:

«Крымский Областной суд в составе:

председателя суда — Качалова, народных заседателей (указывались фамилии двух марионеток) при прокуроре — заместителе Областного прокурора Некрасове и защитнике Шелесте,

РАССМОТРЕЛ

в открытом судебном заседании дело по обвинению заведующего сектором ВНИИХП Ветохина Юрия Александровича в преступлении, оговоренном статьями 17 и 56 УК УССР, и

УСТАНОВИЛ:

имея изменническое намерение бежать в Турцию, после длительной подготовки Ветохин Ю. А. 11 июля 1967 года прилетел на самолете из Ленинграда в Крым и к вечеру проник в запретное для ночного пребывании место на берегу Черного моря — в бухту Змеиную, находящуюся вблизи поселка Планерское. С собой Ветохин имел надувную лодку, оборудованную самодельным килем и парусом, продукты питания, пресную воду, медикаменты и другие вещи. Рано утром 12 июля Ветохин надул лодку и вышел в море с целью побега, но в 5,5 милях от берега был задержан кораблем ВМФ СССР, то есть совершил преступление, оговоренное статьями 17 и 56 УК УССР.

Однако психиатрическая экспертиза в институте имени Сербского установила, что Ветохин страдает психическим заболеванием: параноидальным развитием личности, возможно, с поражением мозга, является невменяемым и нуждается в принудительном спецлечении.

На основании вышеизложенного Крымский Областной суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. От наказания и из-под стражи Ветохина Ю. А. освободить.
2. Направить Ветохина Ю. А. на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.
3. Все вещи и орудия преступления, находившиеся у Ветохина в момент ареста, конфисковать в пользу государства. Продукты питания вернуть осужденному.
4. Все вещи из комнаты, в которой Ветохин жил в Ленинграде, передать его бывшей жене Ветохиной Т. И.».

Переписав Определение, я сел на койку и задумался: какое откровенно лживое и циничное «Определение». Что ни слово, то ложь! Начинается Определение лживым утверждением того, что я заведующий сектором института, а кончается обвинением в сумасшествии «возможно, с поражением мозга»!

Позднее, уже находясь в психоконцлагере, я узнал о том, что найденное у меня психическое заболевание почему-то поражает только тех людей, кто выступает против коммунистического строя. Ни один уголовник никогда не болел такой «болезнью». И еще я узнал, что мою болезнь «не видно и не слышно» и что ее могут обнаружить только психиатры из секретного отделения института имени Сербского, и никто больше!

Между штыком и шприцем

Отворилась дверь камеры и прозвучала команда:

— Построиться на оправку!

Больные медленно встали с коек и построились у дверей. Двое взяли за ручки парашу и заняли место впереди. Санитар скомандовал:

— Поехали!

Строй больных в одном нижнем белье прошел несколько метров по коридору и вошел в туалет. Туалет был невелик по размерам, и 28 человекам в нем было тесно. Я заметил, что, пользуясь теснотой, кое-кто незаметно закурил, пряча цигарку в кулаке. Переходенко зачем-то полез в помойный ящик. Он разгребал грязные туалетные бумажки и прочие нечистоты и что-то искал.

— Что ты ищешь? — спросил я у него.

— Газету. Сестры приносят из дома завтраки, завернутые в газеты. Завтраки съедают, а газеты выбрасывают. Другого способа узнавать новости в спецбольнице нет: радио отсутствует, газет не дают.

Наконец Переходенко нашел то, что искал. Развернув испачканную газету, он принялся ее читать, и лицо его, изможденное и унылое, осветилось радостной улыбкой.

— Молодцы! — воскликнул он.— Молодцы! Так и надо!

— Кто молодцы? — спросил я.

— Чехи молодцы! Сбили красный вертолет, и вместе с вертолетом разбился корреспондент газеты «Правда», член ЦК КПСС!

В Чехословакии заканчивалась «Пражская весна». На все «2000 слов» Кремль ответил одним словом «танки». И это слово оказалось убедительнее. Хотя лозунг «Социализм с человеческим лицом» я воспринимал как абсурд, как нелепость, ибо одно другое исключает, я все-таки был тоже рад, что не все чехи уподоблялись овцам, сломя голову бегущим прочь от кремлевских танков, но нашлись и такие, которые показали зубы.

Едва мы разошлись по своим койкам после оправки, как дверь камеры снова открылась, и вошел молодой человек в белом халате с длинной гривой черных волос на голове, а за ним санитар.

— Больные, коечки повытирали? — гнусно-слащавым голосом спросил этот человек, оказавшийся фельдшером. Никто ему не ответил.

— А ты, Переходенко, опять не протер свою койку.

— Откуда вы это знаете? Вы еще и не проверяли мою койку.

— Что-о-о? Опять выступать вздумал? Я тебя вылечу от этой привычки — отвечать начальству! Эй, новенький! Как тебя там! Переходи сюда, на его место! А ты, Переходенко, будешь спать на щите!

Не успел я понять, что происходит, как санитар схватил со щита мой матрац вместе с простынями и подушкой и ткнул ими в меня:

— Неси!

Я понес, но Переходенко медлил уходить со своей

* Левитанша — тюремная кличка. «Левитаншей» в советских тюрьмах зовут надзирательниц, в обязанности которых входит объявлять заключенным о важных решениях, касающихся их судеб, и приносить им копии приговоров и других важных бумаг. Название пошло от Левитана — главного диктора советского радио и телевидения.

койки. Было видно, что фельдшер искоса наблюдает за ним и сейчас что-нибудь предпримет еще. Помедлив несколько минут, Переходенко собрал свои постельные принадлежности и со словами: «Вечно придирается ко мне!» — понес их на мой щит.

— Кто эт-т-то придирается к тебе? Ты опять возбудился? — мгновенно разъярившись, вскричал фельдшер. Затем перевел дыхание и скомандовал:

— Санитар! Прификсировать Переходенко! — И вышел из камеры.

Мне показалось, что санитар ждал этого приказа. Он сразу же метнулся в коридор, позвал других санитаров, и вот уже целая банда уголовников (санитарами работали отбывающие наказание уголовники) ворвалась в нашу камеру. Они походили на сумасшедших даже больше, чем настоящие сумасшедшие. Все вместе схватили за руки, за ноги упирающегося Переходенко и с размаху бросили его на щит. Откуда-то появился брезентовый ремень, которым они привязали его к щиту и к койке так, что Переходенко не мог не только шевельнуться, но и глубоко вздохнуть.

— Не могу... дышать... дышать...— прохрипел Переходенко.— Ослабьте ремни.

— Сейчас сможешь! — крикнул один из санитаров, и на Переходенко посыпались удары.

Санитары, отталкивая друг друга, били его изо всех сил. Они били, стараясь попасть по почкам, по печени, по животу. А больной Тюлька, пользующийся за что-то особыми привилегиями, сцепил два кулака вместе и, размахивая ими как топором при рубке дров, дубасил Переходенко все по одному и тому же месту — по животу.

— Сестра! Сестра! — вопил Переходенко.— Сестра! Меня избивают! Сестра!

Сестринская и ординаторская находились очень близко. Крики Переходенко, конечно, были там слышны, но никто не приходил на помощь. Один из санитаров подошел к двери и прикрыл ее, другой — накинул на лицо Переходенко подушку и избиение продолжалось. Я смотрел, слушал и не верил, что это происходит наяву. Некоторые больные смотрели на избиение, остальные не смотрели, но слушали. Наконец Переходенко захрипел. Тогда санитары по очереди стали выходить из камеры, предварительно ударив его в последний раз изо всех сил.

После ухода санитаров в камере установилась тишина, нарушаемая только стонами Переходенко. Прошло немало времени, когда дверь нашей камеры распахнулась в очередной раз. Я посмотрел на вошедшего санитара, и он утвердительно кивнул:

— Да, тебя! Надень халат!

Мы перешли на противоположную сторону коридора и остановились у двери, на которой было написано: «Ординаторская». За столом сидела та самая женщина, которая утром принимала меня на пересылке. Я уже знал, что зовут ее Нина Николаевна Бочковская и она начальник отделения. На столе лежало раскрытым мое дело.

Выдержав достаточную паузу, она негромко, но с чувством заговорила:

— Я тут читала ваше дело и удивлялась на вас. С таких высот вы упали на самое дно! Вы были морским офицером. Многие юноши мечтают стать тем, чем вы были, но не могут. А вы сами... сами! отказались от военной службы... от карьеры морского офицера! Потом вы были инженером... Тоже могли жить, как люди: могли стать кандидатом наук. Не захотели! Не понравилась, видите ли, коммунистическая идеология! Друзья, наверное, такие же антисоветчики...

Потом перевела дыхание и многозначительно продолжала:

— Ох и плохо же вам будет здесь! Ох, плохо! А потом, когда вас выпишут... если выпишут... я не знаю... то ни в Москве, ни в Ленинграде и ни в каком другом крупном городе вы жить не будете. И уж, конечно, работать вы будете не инженером!

Бочковская помолчала, блеснула на меня стеклами своих очков и, приготовив руку, как бы собираясь записывать, проговорила другим, более спокойным голосом:

— Ну а теперь поговорим более подробно о вашем преступлении.

— О преступлении я говорить не стану,— ответил я.— По советским законам следствие не может продолжаться больше года, а у меня к тому же уже и суд состоялся.

Бочковская положила на стол приготовленную ручку и опять строго посмотрела на меня:

— Вы еще не знаете, куда вы попали! — с угрозой проговорила она и велела санитару отвести меня в камеру.

Едва я пробыл в камере несколько минут, как санитар вызвал меня снова, на этот раз в «манипуляционную». Посреди камеры стоял топчан, сбоку, у стенки — шкаф с инструментами, у другой стены — умывальник, какой вешают в местах, где нет водопроводной воды, у окна — стол. Над умывальником висел плакат: «Сестра! Нельзя делать инъекции разным больным из одного и того же шприца!»

Под этим объявлением медсестра сделала инъекции всем впереди меня стоящим больным из одного и того же шприца.

Когда подошла моя очередь, я спросил ее:

— Сестра, вы и мне тоже собираетесь делать укол? Тут какое-то недоразумение! Я ничем не болен, и в институте Сербского меня уверяли, что мне никаких инъекций делать не будут.

— Мне некогда слушать твой бред! Нина Николаевна сама знает, кому надо прописывать уколы! — высокомерно ответила Красавица (так больные звали эту медсестру).— Санитар! Что вы стоите? Заставьте больного лечь на топчан и держите его!

Лежа на топчане, я наблюдал, как Красавица одну за другой разбивала какие-то колбочки, а содержимое их выливала в шприц, пока шприц не наполнился доверху. Вставив в шприц поршень, Красавица подошла ко мне и с размаху воткнула иглу в ягодицу. И потом долго выдавливала в меня содержимое шприца.

Когда я встал, у меня было такое чувство, будто меня изнасиловали. Появились слабость и сонливость. Едва я дошел до своей койки в камере, как потерял сознание.

Очнулся я оттого, что кто-то прикоснулся ко мне рукой. Очнулся и сразу почувствовал, что я нездоров. Во всем теле была необыкновенная слабость и меня подташнивало. Хотя я открыл глаза, чья-то рука продолжала нетерпеливо трясти меня за плечо.

— Ну, что? — спросил я, увидев перед собой медсестру.

Медсестра была не очень молодая, но весьма привлекательная. У нее были молодящая ее прическа и красивые черты лица. Халат не мог скрыть ее развитой фигуры.

— Ветохин, расскажите с подробностями, как вы организовали свой побег к Турцию?

— Что-о-о? — невероятно удивился я.— Здесь даже по ночам допрашивают?

— Сейчас не ночь, а утро. Скоро будет подъем, и больных поведут на оправку.

— Нечего мне вам рассказывать! Не замышлял я никакого побега!

— Вот как вы ведете себя с первого дня! — зло сверкнула сестра своими красивыми глазами.— Не таких, как вы, здесь усмиряли! Вы еще пожалеете! — И она вышла из камеры легкой и женственной походкой. Сестру звали Натальей Сергеевной.

Скоро санитар объявил оправку. Когда я встал в строй, тошнота усилилась и закружилась голова. В туалете, куда мы пришли, оказалось очень душно и к тому же накурено. Внезапно в моем организме как будто открылся какой-то клапан: пот обильно выступил по всему телу, и мои рубашка и кальсоны мгновенно стали такими мокрыми, хоть выжимай. И я потерял сознание.

Очнулся я на полу у открытого окна возле входа в туалет.

— Ну, очухался? Становись в строй! — приказал мне санитар.

Придя в камеру, я поскорее лег в койку.

Перед завтраком санитар объявил:

— Ветохин, Черепинский, Змиевский — не завтракать!

Я был рад, что не надо идти на завтрак, и скоро уснул.

Дверь камеры распахнулась, и санитар прокричал:

— Ветохин, Черепинский, Змиевский — выходи на кровь! Бы-ы-ыстро!

Стараясь нести свое тело как можно осторожнее, чтобы резким движением снова не вызвать головокружения и обморока, я пошел за санитаром в «манипуляционную».

В «манипуляционной» Красавица уже приготовила шприцы и пробирки и, увидев нас, велела санитару заводить первого. Санитар кивнул мне. Красавица посадила меня на стул около стола и стала брать из вены кровь, втягивая ее поршнем большого шприца. Когда шприц наполнился, она вынула из вены иглу и посмотрела шприц на свет. Затем вынула поршень и выплеснула полный шприц крови в умывальник.

— Воздух попал, придется еще брать,— пояснила она мне, пристраиваясь снова к моей вене.

— Я больше не могу. Мне плохо, и я сейчас потеряю сознание,— сказал я, чувствуя, как кружится у меня голова и тошнота подступает к горлу.

— Это не беда,— спокойно ответила Красавица.— Если ты потеряешь сознание, санитар положит тебя на топчан, а кровь я все равно у тебя возьму, у лежачего.

Она так и сделала, ибо я очнулся на топчане.

С этого раза у меня стали брать кровь по целому шприцу через день. Всего за 20 дней у меня взяли 10 шприцев крови, по 10 куб. сантиметров крови в каждом. Для каких анализов требовалось такое количество крови, никто из больных не понимал.

Утром меня неожиданно вызвали в «манипуляционную» и ввели полшприца аминазина.

— Теперь тебе будут уколы два раза в день: утром и вечером.— пояснила Красавица.

После завтрака был врачебный обход. Дверь нашей камеры раскрылась настежь, и, охраняемая двумя санитарами, в белом накрахмаленном халате в камеру вошла Бочковская. Властность и жестокость светились в ее взгляде сквозь очки в золотой оправе... Когда она подошла ко мне, я спросил:

— Нина Николаевна, зачем вы прописали мне аминазин?

— Для того, чтобы лучше спали.

— Я и так на сон никогда не жаловался.

— Еще лучше будете спать.

— Я чувствую себя от аминазина не лучше, а хуже. У меня слабость, головокружения, тошнота, а вчера был обморок. Отмените, пожалуйста, аминазин! Или хоть замените уколы таблетками!

— На таблетки я вас не переведу. Таблетки вы будете выплевывать. Любовь Алексеевна! — обратилась она к дежурной медсестре, держащей наготове раскрытый блокнот.— Ветохину утром аминазин отменить! Давать ее 12 кубиков за один раз — на ночь.

Имела она понятие о том, как действует на человека такая лошадиная доза, или не имела,— трудно сказать. Если имела, тогда она совершала умышленное убийство!

Когда вечером этого же дня санитар привел меня в «манипуляционную», дежурила хорошая медсестра, Ирина Михайловна, которая с сочувствием относилась к больным.

— За что же вам Нина Николаевна прописала 12 кубиков? — с тревогой в голосе спросила она меня. Затем, не ожидая от меня ответа, как бы про себя проговорила:— Такой хороший больной...

— Может быть, это ошибка? — попробовал я схитрить.— Может быть, мне назначено 2 кубика, как всем, а написали неразборчиво, вот и кажется — 12?

Ирина Михайловна достала журнал назначений, открыла его и показала мне. Там крупно и четко стояла цифра «12».

— Сестра! — попросил я ее, уловив, как подмигнул мне санитар, как бы советуя продолжать начатый разговор.— Сестра, не делайте мне укола, пожалуйста, дайте денек отдохнуть!

— Совсем не делать укола не могу,— ответила Ирина Михайловна,— но вместо двенадцати кубиков я сделаю вам только два. Вам будет легче. Смотрите, никому не говорите об этом!

Самочувствие мое день ото дня все больше ухудшалось. Конечно, ни на одну прогулку я не ходил. Я спал круглые стуки. Едва только я вставал с койки, у меня начинала кружиться голова, подступала тошнота и нередко начинался обморок. Никто другой из больных не получал 12 кубиков в одном уколе. Уголовникам Бочковская назначала не больше 2 или 3 кубиков.

Отрицательное влияние на здоровье оказывало также то, что у меня через день брали по полному шприцу крови. А питание было некалорийное, недостаточное. В институте Сербского Белов говорил мне, что он специально изучал нормы питания в советских политических тюрьмах и в гитлеровском Освенциме и что разница оказалась небольшая. А Освенцим до сих пор является эталоном жестокости! (Я надеюсь, что скоро будет избран другой эталон.)

С каждым днем мне становилось все хуже. Мой организм был отравлен аминазином. Кроме обмороков и головокружений, начались боли в сердце. Я чувствовал, что умираю, но мне было все равно. Я уже ни о чем не думал, не мечтал, не жалел. Мне хотелось только одного: чтобы меня никто не трогал. Я бы так лежал и лежал... Если бы было можно не подниматься по всякой команде и санитары не принуждали бы к этому пинками и ударами, я бы не ходил ни в туалет, ни на обед, ни на ужин... На обходе я больше не разговаривал с Бочковской. Я все время спал, и во время обхода меня не будили.

На двадцатый день моего заключения в спецбольнице санитар Федин разбудил меня в необычное время.

— Зачем-то вас хочет видеть Бочковская,— сказал он.

Я с трудом встал со своей койки, и мы пошли в ее кабинет. В кабинете Бочковская начала без обиняков:

— Юрий Александрович, на вашу кассационную жалобу получен ответ из Верховного суда. Верховный суд отменил приговор Областного суда и назначил суд в новом составе. В соответствии с этим решением я отменяю вам все лекарства.

Она взяла красный карандаш, открыла журнал назначений и написала: «Ветохину отменить все назначения». Затем повернулась ко мне и добавила:

— Вас повезут в Симферополь на суд с первым же этапом.

Потом она сделала паузу и высокопарно заявила:

— Имейте в виду, Ветохин: никакая цена не будет слишком высокой, чтобы не возвращаться сюда обратно!

Она опять помедлила и другим тоном, но тоже не

допускающим возражений, закончила:

— Хотя я уверена, что вы вернетесь!

Этап привез меня в Симферополь в разгар курортного сезона, и тюрьма буквально ломилась от уголовников. Прямо с этапа меня заперли в «телефонную будку» и продержали в ней целый день. К вечеру меня перевели в общую камеру, где уже находились остальные зеки нашего этапа. Ночью в нашу камеру добавили еще арестованных. Это были крымские татары, пытавшиеся вернуться на свою родину, в Крым, из мест их ссылки.

На третий день пришла Левитанша. Она принесла Определение суда, который проходил в то время, когда меня держали в «телефонной будке». Второе Определение почти не отличалось от первого, была только добавлена фраза «критиковал экономическую основу СССР» и убрана фраза «вещи из ленинградской комнаты передать бывшей жене, а продукты питания вернуть осужденному». Взамен этого был пункт о конфискации всех моих вещей.

Медикаментозное перевоспитание

В Днепропетровской спецбольнице я снова был направлен на 4-й этаж главного здания, который за короткий срок моего отсутствия весь заполнился больными.

Кабинет у Бочковской был теперь другой, но на ее столе, как и прежде, стояла ваза с живыми цветами.

— Ну вот, я же вам говорила, что вернетесь! — начала Бочковская с неизменным апломбом, поблескивая стеклами очков.— Теперь вам надо думать не о кассациях, а о лечении, чтобы мысли и убеждения ваши изменились в правильном направлении.

— Скажите, а сколько лет приблизительно я здесь пробуду? — спросил я.

— Все, что имеет начало, имеет и конец,— ответила она.— Помнится, вы не очень хорошо переносили аминазин. Я теперь назначу вам трифтазин в таблетках. Смотрите, не выплевывайте! Узнаю — плохо будет!

После еды, как всегда, дверь нашей камеры раскрылась настежь и вошел санитар. Он ударил несколько раз большим тюремным ключом о металлическую спинку кровати и прокричал: «Шестая палата! На лекарство!»

У меня эта команда вызвала жгучее чувство приближающейся опасности. Режим в спецбольнице с каждым днем все больше ужесточался, и уклоняться от приема лекарств становилось все труднее. Повышались требования не только к больным-заключенным, но и к медсестрам. От них требовали контроля во время раздачи лекарств. Для того чтобы сестрам было удобнее заглядывать в рот больным и искать там спрятанные таблетки, даже подняли на целых полметра пол в сестринской. Прятать во рту полученные таблетки было не только трудно, но и опасно. За это грозило наказание.

Кроме случайных наблюдений, сестры должны были за каждое свое дежурство «описать» пятерых больных. Тут уже не исключалось и творчество. Были и комичные моменты. Так, например, однажды дежурная сестра услышала, как я рассказывал сказку Андерсена «Новое платье короля». Не зная этой сказки, сестра уловила крамолу в ее содержании и внесла весь ее текст в «журнал наблюдений» в качестве очередного примера моего «политического бреда». Большинство записей из «журнала наблюдений» переносилось в личные «истории болезни». За многие годы эти «истории болезни» распухали необыкновенно, и вид их доказывал наглядно, что врачи и сестры не зря получали повышенные оклады и другие льготы.

Почти со времени моего появления в спецбольнице там стали распространяться слухи о необыкновенной личности, поставленной почти единолично управлять всеми нами, а также нашей жизнью и смертью — о подполковнике Пруссе.

Визиту начальника спецбольницы Федора Константиновича Прусса предшествовали длительные приготовления.

Прусс появился с большой свитой из надзирателей, врачей, сестер и санитаров. Он оказался человеком лет 55, высокого роста, с выдающимся брюшком и в массивных роговых очках. На плечи Прусса был небрежно накинут белоснежный халат, из-под которого виднелся щегольски сшитый китель из очень хорошего материала и погоны подполковника медицинской службы МВД, которому он подчинялся подобно другим начальникам лагерей раскинутого по всей стране ГУЛАГа. На его сытом, гладко выбритом лице было написано чувство превосходства и снисходительности одновременно. Вошел он не спеша, остановился в проходе, посредине камеры, неторопливо оглянулся по сторонам, а потом важно сказал, как будто скомандовал:

— Здравствуйте, больные!

Я смотрел на его лицо и сквозь присущие только Пруссу индивидуальные черты в моем воображении проступали общие черты всех советских хозяев жизни, которые встречались мне раньше: и полковника КГБ Лунца в маске профессора, и главного конструктора — вора Матвеева, и парторга Петрова, смахивавшего на штурмбанфюрера...

Из разных концов камеры послышались нестройные приветствия больных. Выслушав их, Прусс спросил у Бочковской, сколько больных числится в отделении. «Сто пятнадцать»,— ответила она. Затем он приказал:

— Теперь я прошу врачей, медсестер и санитаров

Торопясь и подталкивая друг друга, все они заторопились к выходу.

— Закройте двери палаты! — приказал Прусс оставшимся с ним двум надзирателям. Надзиратели закрыли двери и снова стали рядом с Пруссом. Прусс с каким-то непонятным торжеством посмотрел на нас и объявил:

— Теперь прошу заявлять претензии, у кого они есть! При этом называйте свою фамилию.

— Если вам пожаловаться на режим, так ведь еще хуже станет?! — неуверенно не то спросил, не то заявил Переходенко.

Прусс медленно повернул к Переходенко голову, надменно посмотрел на него, опустив толстую нижнюю губу, и важно проговорил:

— Я специально приказал всем врачам, сестрам и санитарам выйти из палаты. Они не услышат ваших жалоб, и бояться вам нечего. Говорите!

Переходенко все же колебался и молчал. Тогда Прусс добавил:

— Если вы все-таки боитесь говорить свои претензии в присутствии других больных, я могу принять вас для этой цели отдельно, в своем кабинете.

— Да, хочу,— сказал Переходенко.

— Сержант, запишите его на прием ко мне,— обратился Прусс к сопровождавшему его надзирателю.

На другой день Переходенко был у Прусса и рассказал ему об избиениях и издевательствах, которые испытал сам или видел в своей камере.

— Он выслал санитара из кабинета и слушал меня один,— рассказывал мне Переходенко.— Слушал внимательно, что-то записывал, а потом в заключение пообещал:

— Я лично во всем разберусь.

В тот же день вечером Переходенко был переведен на уколы галоперидола, самого страшного лекарства.

— Вы мстите мне за то, что я пожаловался Пруссу! — сказал он Лидии Михайловне, которая сделала ему укол.

— А мы ничего не знаем о ваших жалобах,— ответила она.— Галоперидол — лечение. Его принимают все:

и те, кто жалуется, и те, кто не жалуется.— Но все-таки она не утерпела и добавила:

— А вот Прусс сделал Нине Николаевне замечание, что она, мол, плохо вас лечит, ибо политический бред у вас нисколько не уменьшился. Сами виноваты!

На другой день санитары жестоко избили Переходенко. В отличие от сестры они не нуждались в лицемерии.

— Можешь теперь кричать,— сказали они.— Мы даже дверь камеры закрывать не будем. Все равно никто не придет к тебе на помощь — сексоту проклятому!

И Переходенко больше не кричал. Он только тихо стонал, сжав зубы. Впрочем, скоро его бить перестали, ибо от галоперидола он превратился в бесчувственный живой труп. А труп бить неинтересно!

— Не убивайте меня! Не убивайте меня! За что вы меня убиваете? Не уби...— этот ужасный крик, который я воспринимал, как нечто постороннее, оказывается, издавал я сам. Это я понял сразу, как только крик замер в тот самый момент, как я подавился. Санитар Савенков, как всегда, с размаху выплеснул мне в открытый в крике рот полкружки сладкого сиропа. Я подавился и пришел в сознание одновременно. Сироп проскочил. Я мог снова дышать. Но все еще я был под впечатлением того кошмара, который родил мой мозг, гибнущий от недостатка глюкозы, а может быть, от невыносимой боли. Еще никто не рассказал, что чувствует человек под инсулиновым шоком и почему он кричит.

Я вспомнил, что нахожусь в Днепропетровской спецтюрьме, или, как ее еще называют, в «спецбольнице», и подвергаюсь «медикаментозному перевоспитанию» и что мне остался теперь всего один шок.

Перевоспитание инсулиновыми шоками началось около трех месяцев назад, когда меня вдруг вызвали в ординаторскую. Мой новый лечащий врач, Нина Абрамовна Березовская, похожая на маленький жирный обрубок с крашеными рыжими волосами и бритой шеей, стала задавать вопросы о самочувствии, о том, что я делаю в камере, с кем дружу и прочую ерунду. На все ее вопросы я, конечно, отвечал уклончиво, в соответствии со своим правилом: «Никакой информации о себе палачам не давать». Сидевшая молча за своим столом, уставленным цветами, Бочковская прервала нашу беседу и решительно перешла к делу:

— Перед тем, как назначать вам другое лекарство, мы хотим знать, как на вас повлияло последнее лекарство — трифтазин?

— Я нигде не вижу лекарств,— ответил я.— Мне насильно вводят в организм ядохимикаты, а не лекарства. От этих ядохимикатов у меня слабость, заторможенность, я лишаюсь внутреннего покоя. У меня нередки судороги, задержка мочеиспускания. Вот на почки осложнеиие получил: белок стал выделяться! — разве это можно назвать лекарством?

— У вас больная логика! — натянуто засмеялась Бочковская.

— Если бы у меня была больная логика,— возразил я,— то я не смог бы работать преподавателем в институте и тем более преподавать математическую логику.

— Ладно, Юрий Александрович,— властно перебила меня Бочковская.— Я не советоваться вас вызвала. Я знаю, что лечиться вы не хотите. Но вас привезли сюда на принудительное лечение, и без лечения вы отсюда не выйдете. Хотите ли вы этого или не хотите — следующий ваш курс — это курс инсулина.

— Инсулина? — воскликнул я.— Но инсулин прописывается тем, у кого галлюцинации, а мне ничего не кажется.

— Я не стану обсуждать с вами свои назначения,— уже с нескрываемым раздражением повторила Бочковская.

Инсулиновой сестрой была офицерская жена Екатерина Степановна Стеценко. Внешне ничем не приметная женщина. Стеценко всем своим видом показывала, что она выполняет очень важную, ответственную, а главное, нужную работу. Любительница сентиментальных романов, Екатерина Степановна совершенно забывала о сентиментах, когда к ней в руки попадал шприц, и превращалась в садистку.

Каждый день дозу вводимого инсулина нам увеличивали. Потеря сознания начиналась дней через пять, когда доза инсулина в уколе достаточно возрастала. Эта потеря сознания называлась инсулиновым шоком. В среднем каждому больному врачи прописывали по 30 шоков. Однако не каждый шок шел в счет, а только — «глубокий шок», когда человек уже ничего не чувствует и похож на труп.

Когда меня не мучили боли от лекарств, то все время мучил голод. Нас кормили из расчета 36 копеек в день, то есть три раза в день по 12 копеек. Что можно купить в СССР на 12 копеек, если мясо и масло на рынке стоят 5—7 рублей килограмм, а обед в дешевой рабочей столовой — 1,5 рубля?! Естественно, продукты, из которых нам готовили пищу, были гнилые, тухлые и червивые, да и то в очень малых количествах. Однажды больной Цуканов, бывший рабочий-шахтер, попавший в тюрьму за попытку борьбы с коммунизмом методами саботажа, собрал всех червей из девяти наших мисок в одну миску. Получилась полная миска червей. Он показал ее Бочковской. Она ничего ему не сказала, но вскоре пришел Бугор и снял Цуканова с работы под предлогом, что он «возбудился».

Я знал, что червей есть можно. Черви — не то, что тухлая селедка, от которой случалась язва желудка. Я съел суп вместе с червями и пайку хлеба. Потом санитар дал мне сухое белье — переодеться. В заключение Стеценко еще раз замерила нам кровяное давление и, уже выходя из палаты, на ходу бросила мне:

— А тебе, Ветохин, осталось еще два шока!

— Как два! — удивился я.— Я считаю каждый шок: назначено 30, сделано 29. Значит, остался один шок, а вовсе не два!

— Два! — с ударением ответила Стеценко.— Считать не умеешь! — И вышла из камеры.

— Сволочь! Считать не умею! Прибавляет шоки от себя!

Услышав мои слова, Евдокимов, просматривавший какой-то журнал, отбросил его от себя и бегом выскочил из камеры. Сразу же вернулась Стеценко:

— Кто это сволочь? Я, да-а-а! Я его лечу, человеком сделать пытаюсь, а он меня сволочью называет! Ну, погоди! Тебя еще не лечили ПО-НАСТОЯЩЕМУ!

После этой ссоры Стеценко сделала мне целых три шока.

В один из вторников осени 1969 года, часов в 11 утра, дверь нашей камеры раскрылась с особенным грохотом, и на ее пороге показались ухмыляющиеся рожи трех санитаров:

— Ветохин, на выход!

В «манипуляционной», да и во всем коридоре стоял запах серы, как, наверное, бывает в аду. Адская прислужница, все та же медсестра Екатерина Степановна Стеценко, в белом халате, с довольным, почти блаженным выражением лица стояла у стола со шприцем в руках и смотрела на меня:

— Ну, Ветохин, будем по-настоящему лечиться.

Я лег, а на ноги и на спину мне вскочили санитары. В ягодицу воткнулась тупая и, очевидно, толстая игла. Все возрастающая боль медленно стала распространяться от ягодицы по всей ноге...

— Вставай, Ветохин! Хватит валяться! — вскоре услышал я новую команду Стеценко.

К вечеру я почувствовал, что у меня поднялась температура. Все тело горело и ощущалась сильная слабость.

Я и потел и дрожал от холода одновременно. Тоненькое байковое одеяло не могло согреть меня, хотя я и старался подоткнуть его под себя со всех сторон. Но вот дверь камеры вдруг открылась, и, уже одетая в пальто, готовая идти домой, в камеру влетела сестра-хозяйка Лаврентьевна. Ни слова не говоря, она подбежала к моей койке и своей маленькой и пухлой ручкой в коричневых пятнах уцепилась за одеяло. Я не понимал, чего она хочет, а Лаврентьевна молчала и с искривленным от злобы лицом тянула за край одеяла. Наконец, она прошипела:

— Санитар! Чего стоишь? Забери у него одеяло!

Санитар рванул у меня одеяло. Вместе с одеялом на пол упала и простыня. Лаврентьевна схватила одеяло и побежала с ним из камеры. Дверь снова захлопнулась.

Темнело. Теперь начиналась самая главная мука — я знал это по опыту тех семнадцати уколов серы, которые мне сделали несколько месяцев назад. Боль, первоначально сконцентрированная в месте укола, а потом как бы расплывшаяся по всему телу, теперь подступала к сердцу. Я знал: максимальная боль и самая сильная мука наступят около полуночи. В это время сердцу надо помочь, иначе оно может не выдержать. Я уже заранее, с большим трудом, достал у медсестры таблетку аспирина — в момент самой сильной сердечной боли я ее проглочу.

Полежав неподвижно какое-то время, я осторожно повернул голову и посмотрел в окно. За окном было темно. Когда на этом темном фоне я увижу Венеру — значит, пришло утро. Тогда я могу сказать себе, что еще одну пытку я перенес. Но до этого еще так далеко! Целая бессонная ночь! Еще ни один человек не заснул на сере.

И вот наконец в чуть-чуть посветлевшей клетке окна, между прутьями железной решетки, появилась Венера. Медленно-медленно я приподнялся на койке. Осторожно, чтобы не дотронуться до места укола, я опустил ноги на пол, нащупал тапочки и, держась руками за край койки, приподнялся. Голова у меня закружилась, и я чуть не упал. Отдышавшись и пересилив слабость, я подошел к железной двери камеры и тихо постучал в нее. Не торопясь, к двери приблизился санитар и, посмотрев в глазок, спросил, кто стучал.

— Я! Я! Я на сере! Пусти, пожалуйста, в туалет!

Санитар оказался в хорошем расположении духа и разрешил:

— Иди!

Я медленно двинулся к двери, которую он открыл. Расстояние от 3-й камеры до туалета составляло метров десять. Я шел эти десять метров несколько минут. Я шел так, как будто представлял собою сосуд, до краев наполненный болью, и боялся расплескать этот сосуд. Дверь в туалет открывалась с трудом. Когда я дернул посильнее, то рывок отозвался во всем моем теле, вызвав тошноту и головокружение. Остановившись перед двумя ступенями внутри туалета, я сообразил, что взобраться на них я не смогу. Совсем недавно с таких же ступенек упал находившийся, как и я, под лекарством политзаключенный, американец русского происхождения, мистер Мальцев. Упал головой о цементный пол и разбился насмерть. Но мне еще рано умирать. Прежде я должен рассказать об этом концлагере всему миру! Не размышляя больше, я встал на четвереньки и так, на четвереньках, вполз наверх по ступенькам. Санитар, стоявший в коридоре перед открытой дверью туалета, засмеялся. «Не все ли мне равно, что подумает санитар!»

После завтрака состоялся обход врачей, который возглавляла мой лечащий врач Нина Абрамовна Березовская. Войдя в нашу камеру, она сперва остановилась у койки Молодецкого, стоявшей у самого входа, ласково спросила о его здоровье, терпеливо выслушала бредовый ответ не по существу, затем, подобно солдату, повернулась налево-кругом, и спиной обошла мою койку.

Политзаключенный Муравьев на ее вопрос «Как дела?» насмешливо заметил:

— Наши дела — в сейфе, а у нас остались одни делишки.

— Ну, тогда скажите, как ваши делишки, Муравьев? — настаивала Березовская.

— Грех жаловаться! Живем, как в санатории высшего разряда,— ответил Муравьев.— На обед полную миску наливают: полмиски воды и полмиски отварных червей!

От этих слов Березовская разозлилась и попыталась уколоть Муравьева.

— Не надоело вам у нас есть отварных червей? — злорадно спросила она.

— Пожизненно я здесь,— ответил спокойно Муравьев.

— А скажите, Муравьев, только честно, где лучше, в немецком концлагере или у нас?

— Смотря что,— задумчиво ответил Муравьев.— Режим был легче в немецком концлагере, но там я не получал посылок, и было очень голодно.

Раздраженная тем, что моральный перевес остался на стороне Муравьева, врачиха без слов отошла от его койки.

Мне сразу понравился Муравьев — человек из самой гущи русского народа: не особенно образованный, немного наивный, но твердый, как гранит, в своей христианской вере и в своих христианских убеждениях, а потому добрый человек, всегда готовый прийти на помощь другим. Бывший рабочий-плотник, Муравьев имел открытое лицо с крупными чертами и голубыми глазами и большие трудовые руки. Хотя и толстые губы, и невыразительный подбородок говорили о его простодушии, КПССовцам так и не удалось заставить Муравьева покаяться. «Преступление» его состояло в том, что в 1960 году он написал письмо в ЦК КПСС. В своем письме Муравьев указывал на то, что простые люди в СССР живут впроголодь, и в разгар культа Хрущева, когда на экранах всех кинотеатров страны демонстрировался раболепный фильм «Наш Никита Сергеевич», заявил, что Хрущев — несостоятельный руководитель и должен быть освобожден от занимаемой должности. За это письмо Муравьева арестовали. Ему предъявили обвинение в «злостной клевете на советских руководителей». После длительного следствия КПССовцы упрятали Муравьева в тюремный сумасшедший дом, хотя Украинская психиатрическая экспертиза признала его здоровым.

Оказывается, Березовская недаром задала Муравьеву свой вопрос. Он, кроме советских концлагерей, испытал и немецкий. Во время второй мировой войны Муравьев был солдатом и попал к немцам в плен. За антифашистскую агитацию в лагере для военнопленных немцы перевели Муравьева в филиал Освенцима. Оттуда Муравьев бежал. Немцы назначили за его поимку награду, и Муравьев был вынужден скрываться до прихода Американской армии. Американцы предложили ему избрать своей новой родиной любое государство земного шара. Однако Муравьев настоял на возвращении в СССР.

— Это была самая большая ошибка в моей жизни! — сказал он мне.

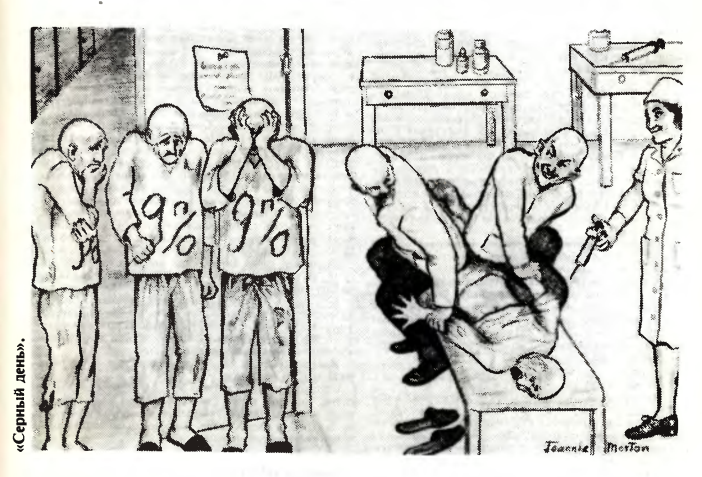
Я тоже понравился Муравьеву, и как-то само получилось, что мы стали близкими друзьями.

Все, что делалось и говорилось в камерах, врачи знали. Узнали они и о моей дружбе с Никитиным и Муравьевым. А узнав, перевели меня в другую камеру. Я оказался теперь в 5-й камере, где было 28 больных и из них — ни одного политического.

Пытки серой подходили к концу. Начав с двух кубических сантиметров и добавляя каждый день по два

кубика, врачи довели мне дозу серы до 12 кубиков и, повторив эту дозу 3 или 4 раза, пошли на снижение. Я все ждал, когда же кончится курс. Все уголовники, в том числе и Молодецкий и Канавин из 3-й камеры, давно уже отдыхали от серы. Отмучился и политический Григорьев из другой камеры, который умер на 18-м уколе. Только нам с Никитиным сделали уже по 19 уколов, и это был еще не конец. Оставался еще один укол. Я знал, что 20 уколов — это предел. Последний укол должен быть 2 кубика, ибо предыдущий составлял 4 кубика. Была пятница, день серы. Перед уколами опять состоялся врачебный обход. Обход возглавляла Бочковская.

— А вы, Ветохин, все еще злитесь? Все еще утверждаете, что ничем не больны и вас напрасно поместили в нашу больницу? Или же сера помогла вам осознать свою болезнь? — ехидно спросила заведующая, подойдя к моей койке.

«Серный день».

— Я по-прежнему не считаю себя больным,— ответил я.

— Вот как! — с неудовольствием заметила Бочковская и пошла дальше. Дозу каждого укола серы назначала она. Каково же было мое удивление, когда, лежа через некоторое время на топчане в «манипуляционной», я увидел, как вместо двух кубиков, Стеценко налила для меня почти полный шприц серы, то есть около 8 кубиков. И этого еще мало: сера оказалась с каким-то наполнителем. Этот наполнитель вызвал у меня нестерпимую боль и непроизвольные рыдания.

Бочковская, видимо, услышала их, проходя по коридору, и подумала, что она переборщила. Поэтому она впервые разрешила принести мне обед в камеру.

Меня вызвали на «беседу» в ординаторскую. До сих пор каждая «беседа» с Бочковской означала для меня какие-то новые пытки. И теперь, направляясь в сопровождении санитара в ординаторскую, я думал: «Неужели я боюсь ее?»

В ординаторской Бочковская указала мне на стул и, близко заглядывая в глаза сквозь очки в золотой оправе, спросила, как я себя чувствую.

— Спасибо, хорошо,— ответил я.

— Как работа?

— Ничего, справляюсь.

— Оправились после серы?

— Более-менее.

— Ну, скажите по совести, Юрий Александрович, ведь помогло вам лечение? Теперь вы можете сказать честно, что раньше были больны, а теперь чувствуете себя лучше?

— Что-то не помню, чтобы я чем-нибудь болел перед серой. Вроде бы ни гриппа, ни ангины у меня не было.

— Вы не изменились, Юрий Александрович,— недовольно откинулась Бочковская на спинку своего стула.— Мы столько для вас сделали...

Подумав с минуту, она уже другим, сухим и официальным тоном спросила:

— Когда вы к нам поступили? Сколько лет вы у нас?

— Я не разделяю на «у вас» и «у них». Для меня, что «вы», что «они» — все едино: советская тюрьма — концлагерь. Вот в советских тюрьмах я могу сказать, сколько нахожусь — 3 года.

— Федосов и в иранской тюрьме был, а никогда не употребляет термина «советская тюрьма», а тем более слова «концлагерь»!

Подождав моего ответа, но не получив его, она продолжала:

— Уж вы бы не поступили, как Федосов! Вы бы не вернулись в Советский Союз, если бы попали за границу. Ни за что!

— Конечно, нет! — откровенно ответил я.

— А как бы вы стали жить за границей, не зная

иностранного языка? — вдруг заинтересованно спросила Нина Николаевна.

— Подумаешь, язык! Ленин научился иностранным языкам и жил за границей больше половины жизни. Неужели я не смогу, подобно ему, изучить иностранный язык? — ответил я с вызовом.

Я попал в цель. Бочковская взорвалась от злости.

— То Ленин, а то — вы! Вы не равняйте себя с Лениным! Вы — совсем другое. Между прочим, вы — совсем не тот, каким хотите себя нам представить. Вы хотите представить себя «невинной жертвой», этаким... ягненочком. Но вы далеко не ягненочек. Вы матерый... матерый антикоммунист. Ненависть к коммунизму так и прет из вас, даже помимо вашей воли. Здесь в отделении нет другого больного. кого бы я могла сравнить с вами. На этот раз вы сказали правду: если бы вы попали за границу, то никакая ностальгия не смогла бы принудить вас вернуться назад!

Перед тем как отпустить меня, Бочковская сообщила:

— Сегодня будет работать очередная комиссия. В списках есть и ваша фамилия тоже. Можете высказать комиссии свои претензии.

После обеда мне и некоторым другим больным велели переодеться в чистые пижамы, которые имелись у Лаврентьевны специально для торжественных случаев: для комиссий и для свиданий. ...Когда объявили мою фамилию, то Бугор сделал мне знак рукой и открыл дверь в ординаторскую. Председатель комиссии профессор Шостакович неловко, как ворона на шесте, сидел один за столиком у окна. Перед ним стояли блюдце с куском торта, стакан чаю и пепельница, битком набитая выкуренными сигаретами. Он и теперь держал в руке дымящуюся сигарету, пепел с которой падал на торт. Близко перед столом Шостаковича стояла табуретка.

Бугор схватил меня за шиворот и посадил на эту табуретку. Во все время разговора с Шостаковичем он держал меня за шиворот.

Шостакович заговорил скрипучим голосом:

— Так, значит, вы себя не признаете больным?

— Нет, не признаю.

— А почему же тогда вы хотели бежать в Турцию?

— Я не хотел бежать в Турцию. Я только хотел обратить внимание властей на свои очень плохие жилищные условия.

— А что это за условия?

— Я жил в кухне.

— Не хотели жить в кухне, будете жить у нас! Уведи-ите!

Наконец в начале осени 1973 года уколы мне отменили и вновь назначили таблетки. Я опять стал эти таблетки оставлять во рту, а позднее — выплевывать.

Чтобы посмотреть, как подействовали на меня пытки, я был снова вызван к врачам.

— Как вам помогает тизерцин? — первым делом спросила Бочковская, выглядывая из-за большой вазы живых цветов, стоящей на ее письменном столе.

— От чего, собственно, он может мне помочь?

— Как от чего? — фальшиво рассмеялась она.— От сумасшествия.

— Вы лучше других знаете, что я психически здоров. Украинская экспертиза признала меня совершенно здоровым человеком, вменяемым.

— Какой же вы вменяемый, если после разрыва с женой думали о самоубийстве? — злобно засмеялась Бочковская.

— В таком случае почти все коммунистические идеологи тоже невменяемы. Я хочу напомнить, что Маяковский, Фадеев и Орджоникидзе покончили самоубийством, а Горький — пытался покончить самоубийством.

— Когда вы об этом узнали?

— Давно знаю.

— Я все хочу спросить вас. Вот вы говорите, что давно знали о многих отрицательных качествах коммунистов. Зачем же вы вступали в партию?

— Я вступил в партию не по своему желанию.

— А как же?

— В добровольно-принудительном порядке.

— Что это такое? Федор Викторович! — обратилась она к майору Халявину тоном капризной девочки.— Вот вы парторг больницы. Скажите, вы принимаете кого-нибудь в партию в «добровольно-принудительном порядке»?

Халявин гневно выпрямился на своем стуле, сделал очень возмущенное лицо, пожевал губами, прокашлялся... но не нашелся, что сказать.

— Нет, такого никогда не бывает,— наконец проговорил он. Гора родила мышь! Все его видимое и наигранное возмущение вылилось в маленькие бесцветные слова.

— Расскажите, Юрий Александрович, подробнее, я не понимаю! — потребовала Бочковская.

— Тут все яснее ясного,— ответил я.— В военно-морском училище я был отличником. Однажды вызывает меня замполит, кладет передо мной лист бумаги и говорит: «Мы вам доверяем и считаем вас достойным. Напишите заявление в партию!» Если бы я не написал, то прямым ходом попал бы в концлагерь. А в 23 года идти в концлагерь мне было рано!

— Да, жаль мне вас, Юрий Александрович! — вдруг заявила Бочковская.— Не поддаетесь вы лечению! Вы уже много приняли лекарств. Больше, чем другие больные. А сдвигов в лечении не намечается! Вы говорите и думаете по-старому. А нам надо не только, чтобы вы начали говорить другое, а чтобы уверовали в другое. Нам надо, чтобы вы полюбили то, что раньше ненавидели, и возненавидели то, что раньше любили, надо, чтобы у вас изменилась личность. Пока личность ваша не изменится — мы не выпишем вас из спецбольницы.

Последние слова Бочковская произнесла трогательным голосом, почти что со слезой в голосе и так же «жалеючи» отпустила меня.

А я шел в камеру и вспоминал Оруэлла: «С вами произойдет нечто такое, от чего вы не оправитесь и через 1000 лет! — сказал КГБшник из романа Оруэлла «1984» своей жертве.— Мы не просто уничтожаем людей, мы их сперва переделываем».

Живые советские палачи, а не книжные герои говорили мне то же самое...

Если бы не моя глубокая вера в Бога, если бы не слово, которое я дал сам себе: «Пока мысленно не решу всех намеченных проблем,— о свободе и мечтать не буду!» — я бы, конечно, был раздавлен этой адской коммунистической машиной.

Я нашел в себе силу остаться в живых

Незадолго до того, как меня начали пытать галоперидолом, в спецбольницу привезли больного Савченко. Его направили в наше отделение. Поскольку Савченко был настоящим сумасшедшим, то он и совершил сумасшедший поступок (для здорового человека это бы называлось преступлением). Он избил и, кажется, изувечил врача-психиатра, который лечил его на свободе. Кажется, тут нечего копья ломать! Другие уголовники из нашего отделения наделали дел и похуже. Однако врачи считали иначе.

«Врачи возмущены до глубины души»,— шепотом говорили сестры и добавляли еще слова Бочковской: «Почему такой преступник должен жить на свете, если он изувечил действительно хорошего человека?»

Они ссылались также на Прусса, который якобы велел лечить его «без снисхождения». Что это означало на деле, мы все увидели скоро.

С первого дня Бочковская назначила Савченко галоперидол в уколах.

Скоро дозу увеличили до предела, а количество уколов — до 3 в сутки. Пришел в отделение Савченко своими ногами. Но в отделении перестал ходить. Лошадиные дозы галоперидола свалили его с ног. За несколько дней Савченко, еще совсем молодой человек, изменился неузнаваемо. Он похудел, осунулся, под глазами легли мешки. У него появились те же симптомы поражения центральной нервной системы, что и у меня: в туалете он не мог оправиться, у него начали трястись руки, ноги, голова. Появилась заторможенность. Санитары, видя, что врачи и сестры относятся к Савченко с неприкрытой ненавистью, в свою очередь, били и пинали его нещадно. Савченко не возражал и никак не реагировал на это.

Сперва у Савченко атрофировалось мочеиспускание, затем речь. Наконец, у Савченко атрофировались глотательные функции. Это произошло примерно через 1,5 месяца после начала «лечения». Ежедневно его видели сестры, часто — врачи, но никому в голову не приходило отменить галоперидол, хотя было видно, что Савченко еле жив и не сегодня завтра умрет от галоперидола.

Ходить в столовую Савченко уже не мог. Врачи приказали приносить ему пищу в отделение и кормить насильно. Кто будет кормить? Не сестры же, конечно! Только санитар. А уголовнику-санитару это нужно?

Каждый день, стоя в очереди за лекарством, я невольно наблюдал, как дежурный санитар в коридоре кормил Савченко.

Так было и в тот памятный день. Сперва санитар вытолкнул Савченко из камеры в коридор. Когда санитар перестал его толкать, Савченко застыл, высоко задрав голову, раскрыв рот и оттянув руки назад, ладонями в стороны. Ноги его были расставлены так, как будто он стоял на льду и боялся поскользнуться. Все его члены заметно дрожали. Санитар взял с подноса, принесенного официантом, миску супа, поднял ее и опрокинул на ту часть лица Савченко, где ориентировочно находился его рот. Я уже не говорю о том, горячо было больному или не горячо. В рот попала только незначительная часть супа. Остальное полилось за ворот рубахи и на пол. Но Савченко не сделал ни одного глотательного движения. Он не мог глотать. Санитар отдал пустую миску официанту и велел отнести в раздаточную.

— Готово! Покормил! — крикнул он сестре.

— Тогда ведите его на укол! — ответила сестра.— Сюда, в сестринскую! Не пойду из-за него в «манипуляционную».

Через несколько минут санитар вытолкнул Савченко из сестринской после укола. Едва только санитар перестал толкать его, Савченко покачнулся и стал падать. Санитар хотел было поддержать его одной рукой, но не удержал, и Савченко упал на пол к моим ногам.

— Ну, боров, вставай! Чего разлегся? — закричал санитар, но Савченко не пошевелился. Тогда санитар ухватил его обеими руками, поднял и прислонил к стене. Савченко опять упал. Тут санитар что-то понял и позвал сестру. Дежурная медсестра вышла из сестринской, подошла к лежащему на полу Савченко, посмотрела на него и сказала санитару:

— Не поднимайте его. Он умер. Пусть лежит здесь. А больных — по палатам!

Санитар подскочил к нам, еще не получившим лекарств и стоящим в очереди, и велел всем зайти в рабочую камеру. Затем он закрыл на замок дверь рабочей камеры.

В рабочей камере громко говорило радио. Раздуваясь от напряжения, репродуктор вещал об «очередных мирных инициативах Советского правительства», без конца повторял имя Брежнева со все новыми и новыми льстивыми эпитетами.

Как же так? — думал я.— Только что при мне убили человека. Пусть этот человек сумасшедший, пусть он

План второго внутреннего двора Днепропетровской спецбольницы.

совершил преступление. Но ведь его убили не по суду. Его просто линчевали. А кто линчевал? Женщины в белых халатах. Официально они называются врачами и медсестрами. И когда их называют палачами, они оскорблены. Внешне они и не похожи на палачей. Внешне они — как все. Так же одеваются: одни — красиво и изящно, другие — не так красиво и не так изящно. Они имеют те же заботы, что и другие люди: дом, семья, пенсия... Они имеют даже те же страсти: любят друг друга, ревнуют. Врач с соседнего отделения даже застрелился на почве ревности, а наша медсестра Любовь Алексеевна дважды травилась, но ее каждый раз спасали.

Они любят цветы! В ординаторской на столе у Бочковской в любое время года стоят живые цветы. И у них у всех чистые, даже иногда надушенные руки. Ни у кого из них не найдешь рук, измазанных в крови, как принято думать о палачах.

Кто же они все такие? Обыкновенные люди, или, наоборот, нелюди? И если нелюди, то как они воспитывались и откуда они взялись? Как коммунисты умеют находить таких людей, которые пытки и убийства превращают в свою рутинную работу?

И еще вопрос: может быть, они ни в чем не виноваты, может быть, когда придет ЧАС, они ни за что не будут отвечать, потому что лишь выполняли чужие приказания?

Прошло еще несколько дней, и я понял, что если ничего не изменится, то через неделю, максимум через две недели со мной произойдет то же самое, что случилось с Савченко. Пока я еще мог соображать, хотя и с трудом, хотя и медленно, я должен был найти выход. Равнодушие, предвестник близкого конца, как и тогда, в 1942 году в блокадном Ленинграде, захватывало все мое существо. Несмотря на умственное оцепенение, я старался решить вопрос: «Что лучше — умереть, как гордый человек, ни в чем не уступивший своим палачам, или сделать им временную тактическую уступку, которую потом отквитать сторицей?».

После долгих и мучительных раздумий я попросил у сестры лист бумаги и написал то, что от меня требовали. Я написал, что признаю себя психически больным и признаю, что на почве болезни пытался в 1967 году бежать из Советского Союза в Турцию. Одновременно я одной фразой выразил осуждение своему преступлению и обещал больше не делать попыток побега. Все это я написал страшными каракулями, так как пальцы мои едва держали ручку. Отдав заявление сестре для передачи врачам, я подумал: «Сейчас я предал себя. Теперь один только Бог знает мои истинные намерения и только Он может помочь мне».

Вечером мне укол делать не стали.

— Вам уколы отменили,— сообщила мне дежурная сестра.

Утром следующего дня, когда я пришел за таблетками, вместо 8 таблеток галоперидола мне дали всего одну таблетку трифтазина. По спецтюремным понятиям такая порция — почти ничего. Днем меня перевели из темной и мрачной 4-й камеры в большую и довольно светлую камеру № 5, которая показалась мне почти «свободой». Вечером мне в ладонь снова упала таблетка трифтазина. Ее я не проглотил, а дежурная сестра не стала смотреть мой рот. Значит, специальные инструкции относительно меня были теперь отменены. Вероятно, мое заявление врачи восприняли как свою крупную победу и теперь сменили «кнут» на «пряник». Медленно, с большим трудом стал я возвращаться к жизни. Только через десять дней я начал вставать с койки и медленно прохаживаться по камере. Скованность и судороги проходили. Другие физические недуги отпускали.

Еще через две недели я вышел на прогулку.

По мере того как скопившиеся в моем организме яды выходили из него, а новых ядов я не глотал, мой организм возвращался к сравнительно нормальному функционированию. Появился аппетит. А голод с каждым днем все сильнее и сильнее давал себя чувствовать. Скоро я уже не мог ни о чем думать, кроме как о еде.

И вот я решил попробовать, смогу ли я теперь, когда я признал себя психически больным, получить инвалидность, а следовательно, и пенсию. Почти все уголовники и некоторые политзаключенные, такие, как Завадский, Серый, Федосов, оформили инвалидность и получали пенсию. На пенсию можно было покупать кое-какие продукты в тюремном ларьке и добавлять их к голодному тюремному пайку.

Я составил письмо одной из моих знакомых по работе в Ленинграде, прося ее помочь мне достать документы для получения пенсии. Однако дальше ординаторской мое письмо не ушло. Прочитав его, Бочковская потребовала меня к себе.

— Мы не пропустили вашего письма, Юрий Александрович,— заявила мне Бочковская и посмотрела на остальных врачей в ординаторской, которые приготовились слушать наш разговор.— Вы просите вашу знакомую, чтобы она начала хлопотать вам пенсию? Но, позвольте: за что вам пенсию? Не утруждайте напрасно свою знакомую! Никто не даст вам пенсию! Для того чтобы получать пенсию, надо иметь инвалидность. Но ни один состав комиссии ВТЭК никогда не даст вам даже третью группу инвалидности!

— Но...— хотел я ответить на ее неприкрыто циничное высказывание.

— Никаких «но»! Выкиньте из головы всякие мысли о пенсии!

Я очень хорошо понял смысл этого спектакля. Бочковская, пользуясь случаем, решила подчеркнуть, что она никогда не считала меня психически больным человеком, а в течение многих лет добивалась того, чтобы я признал себя таковым с единственной целью: сломить меня морально. И теперь она это подчеркивала: вы, мол, сдавшийся человек, сломленный человек, не выдержавший пыток, но отнюдь не больной, и я не позволю вам даже для приличия считаться больным!

23 сентября 1975 года состоялась очередная комиссия по выписке больных. Она прошла как по нотам. Профессор Блохина спросила меня:

— Как вы себя чувствуете?
— Спасибо, хорошо.
— Больше вам не кажется, что вас пытают?
— Нет, меня лечат.
— А где вы находитесь: в больнице или в тюрьме?
— В больнице.
— А почему вы раньше называли больницу концлагерем?
— По болезни.
— А сейчас вы тоже больны или выздоровели?
— Выздоровел.
— Можете идти.

Уходя, я заметил, какие довольные улыбки были на лицах у зрителей этого спектакля: у Катковой, Бочковской, Березовской и др.

Они уже думали, что сломили меня, что им удалось меня «перевоспитать». Теперь они были уверены, что я напуган на всю жизнь и всегда буду видеть «новое платье на коммунистическом короле», даже когда этот король совершенно голый. Но они просчитались...

Через два дня «Справка об освобождении» с моей фотокарточкой была готова и меня в последний раз вызвали в ординаторскую.

Слова Бочковской, как всегда высокопарные и заставившие меня подозревать, что она больна манией величия, я запомнил хорошо:

— Юрий Александрович,— солидно и убежденно начала она.— Во-первых, запомните, что ваша выписка — это случайность. Просто вам повезло. Я хочу предупредить вас, чтобы вы остерегались попасть сюда еще раз. По выходе из больницы вы опять встретитесь со своими старыми товарищами-антисоветчиками, забудетесь и будете вести себя по-старому. А раз так, то неминуемо попадете сюда снова. Но помните: сюда ведут ворота широкие, а выход отсюда очень узкий. Для вас же, если попадете еще раз, не будет уже никакого выхода.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ГУЛЯЙ, ПЕТЕРБУРГ!

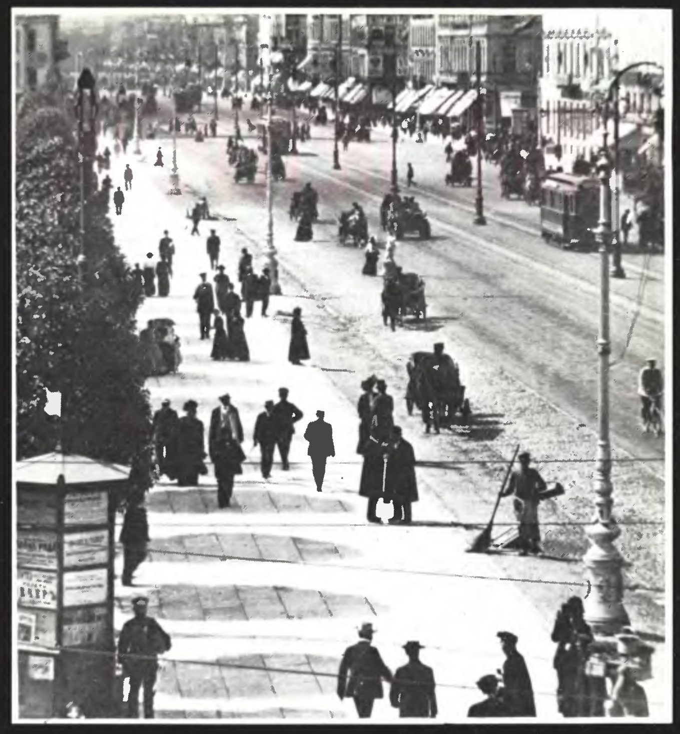

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта»,— так отзывался Николай Васильевич Гоголь о «всеобщей коммуникации Петербурга».

Увы! За полтора века, прошедшие со времени написания этих строк, многое изменилось. И давно уже град Петров носит другое имя, а первопрестольная Москва затмила его своей сановитостью, но по-прежнему хорош Невский. И хотя тысячи «бледных жителей» давно променяли его на другие улицы, авеню и стриты, в их сердцах и памяти навсегда останется Невский проспект.

Невский — это не просто магистраль, проложенная по прихоти царя-плотника, это история нашего государства, протянувшаяся в пространстве и во времени. Перефразируя некогда навязшую в зубах фразу о том, что здесь «каждый камень Ленина помнит», можно со всей определенностью утверждать, что каждый дом здесь дышит историей, хранит воспоминания о прошлом — радостном и печальном.

Десятки поэтов и прозаиков посвятили Невскому свои строки, не одно поколение художников было вдохновлено его совершенной геометрией. Гравюры Зубова и Махаева, акварели Садовникова, офорты Добужинского и Остроумовой-Лебедевой запечатлели изящную величавость проспекта. На рубеже веков к сонму живописцев и графиков примкнули

Фотоснимки из Ленинградского архива кинофотодокументов

фотографы, и среди них — самый прилежный летописец Невского — Карл Карлович Булла. Этого невысокого, стремительного человека часто можно было встретить на Невском — здесь, в доме 54, что напротив Публичной библиотеки, находилось его ателье. Может быть, оттого, что Булла жил и работал в самом центре столицы — на перекрестке Невского и Садовой, он так много снимал главную магистраль города. Точнее, фотограф жил жизнью Петербурга, этой улицы, нет, этого проспекта, потому что Невский всегда был проспектом и даже в самом своем начале — «перншпективой».

Булла и двое его сыновей, тоже фотографы, сделали тысячи снимков, многие из которых стали документами истории. Но даже если из всего их наследия сохранились бы только снимки, посвященные Невскому, то и тогда их вклад в летопись нашей страны был бы безмерно велик. Рассматривая фотографии, сделанные в разные годы на Невском, совершаешь занимательное путешествие в прошлое. По Невскому проходили не только торжественные процессии, но и траурные шествия, здесь не только захлебывались пленительным ветром свободы демонстранты, но и лилась их кровь на бесшумную «гигиеническую мостовую системы Я. Б. Мананьяна», простоявшую долгие годы и уничтоженную в один день наводнением 1924 года. Помнит Невский буйство витрин, ломившихся от товаров, и бесконечные вереницы очередей, унылую пустоту полок. Все это уже было.

Вглядимся же в Невский. Петербург гуляет…

52
Вечернее Время
НОВОЕ ВРЕМЯ
ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ
Новое Время
ПОГРЕБЪ

ВРЕМЯ
ОБЪЯВЛЕНІЯ

МЕБЕЛЬ
ФУРШТАТСКАЯ

ФОТОГРАФІЯ К.К.БУЛЛА
БОГЕМСКІЙ ХРУСТАЛЬ ГРАФА ГАРРАХА

Сдано в набор 04.01.91. Подписано к печати 28.01.91. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 114 239 экз. Заказ № 58. Цена 1 руб. 50 коп.

Новый адрес: 109316 Москва Волгоградский пр-т 26 телефон: 270 52 54

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24